

4 Электронная библиотека АКУНЬ, elib.altlib.ru
АЛТАЙ
1967

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

М121426

АЛТАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ
АЛТАЙСКОЙ КРАЕВОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

№ 4 (43) 1967

В ПОМЕРЕ:

- „ШУМЯТ ОБСКИЕ ПЛЕСЫ“ — ПОВЕСТЬ О БОРЬБЕ ЗА СОХРАНЕНИЕ ПРИРОДНЫХ БОГАТСТВ РОДИНЫ.
- СТИХИ ПОЭТОВ ГОРОДА ЛЕНИНА.
- ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РАССКАЗ „ДОКТОР ЧЕГЛЕЦОВ“.
- ОЧЕРКИ, ВОСПОМИНАНИЯ, ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. Баздырев (редактор), Н. Дворцов, И. Казянец, Л. Кани,
В. Сидоров, М. Юдалевич.

М 1391426 ²⁴

Обложка художника В. ФЕДОСОВА

ШУМЯТ ОБСКИЕ ПЛЕСЫ

П О В Е С Т Ъ

1

Чернова в тресте не оказалось.

— Николай Иванович ждал вас, — с укором сообщила секретарша. — Ищите теперь его на рейсовом теплоходе.

— Почему на рейсовом, ведь договаривались на катере?

— Наш катер еще с ночи ушел. Путина не ждет.

«Нехорошо начинаю службу, с опоздания», — подумал Георгий.

Он вышел на улицу, огляделся. Ничего не изменилось со времени его студенческой практики: тот же тарный двор со множеством порывевших от времени бочек, низкие пологие крыши складов, доверху набитых льдом, та же клумба звездочкой. К запаху рыбы, который исходил от посольных чанов, примешивались тонкие, почти ощутимые на вкус струйки воздуха, пропитанные ароматом лугов, что раскинулись за Обью, терпким запахом леса и прелой листвы.

У причала лениво покачивался теплоход. Полая вода подпирала широкое днище, глаза иллюминаторов тускло смотрели на реку, на опустевший затон. На палубе деловито умаскивались пассажиры. Георгий заметил управляющего и взбежал по сходням. Чернов был в форменном кителе, фуражка с «крабом» сбилась на затылок, круглое лицо его походило на масляный, хорошо зарумянившийся блин, только что снятый со сковородки.

— Наконец-то! — воскликнул он и тут же не без гордости представил Георгия капитану. — Мой новый ихтиолог. Как говорят, с выпускного бала — и на корабль! — Чернов, по-видимому, был в хорошем расположении духа, а может быть нарочно, ради молодого специалиста старался создать дружескую обстановку. — Я двадцатую путину провожу, а ты — первую. Выигрышная цифра получается?

— Это, если в паре, — сказал капитан.

Чернов рассмеялся.

— Ну, Михайлыч, путь-дорога у нас не близкая. В преферанс умеешь?

Георгий смутился:

— Не приходилось...

— Научим! Вот осмотришься малость, а там, глядишь, и путине конец. Со скуки подохнуть можно...

Георгий понимающе посмеивался: «Шутит управляющий...» Нерест на Оби начинается рано. Только лед сошел — и снасти снимай. Сладет паводок, обмелеют луговые плесы, проклянется тоненькая полоска земли, а назавтра, глядишь, и отрезало заводь, будто озерко малое. Лупоглазых мальков в нем, что комарья на болотах, вода густеет. Не прокопай канавку, не выпустишь молодь — погибнет от зимних заморов. Да мало ли других дел найдется доброму хозяину в рыбьем «царстве»!

Теплоход развернулся и вошел в створ реки. В голубой дымке потонул город. Навстречу плыли тихие деревеньки, затопленные паводком березовые колки, уходящие в сизую дымку степные дали. Повесенному широкая Обь тихо ластилась в нескончаемых плесах. Огромное ее зеркало, сливаясь с синевой опрокинутого неба, казалось непомерно глубоким. На затопленных островках стыдливо жалась друг к другу первые купальщицы — березки. С берегов тянуло запахом смородины и черемухи.

Чернов тронул Георгия за плечо:

— Ну, как? Нравится наше хозяйство?

— Еще бы! Красотища какая!

Все пять лет в институте он готовился к этой путине, ждал. Обь манила своими сказочно красивыми плесами, тихим рокотом перекаатов. Он чувствовал силу и богатство этой реки. Видел, как валом идет с гор коренная вода, выхлестывая на берег не только снасти, но и утлые суденышки рыбаков. Мечтал сесть за весла, помериться силами с непокорными волнами.

— Оскуднела Обь, — задумчиво произнес Чернов, — едва план тянем...

Георгий вопросительно глянул на управляющего.

— В прошлом году вроде бы ничего было?

— Это по весне. И тебе на премию нацарпали. А потом как пошло на убыль, так и не поднялись больше.

— И воды немало было...

— Химия душит. Все сбросы в реку. Сколько и я, и твой предшественник говорили: надо строить очистные сооружения. Руками разводят: «Не время». Денежки на более срочные дела нужны. Рыба, дескать, потерпит.

Георгий угрюмо смотрел на реку, словно пытается отыскать в мутном потоке те самые сбросы.

— А озера? — несмело спросил он.

Этот вопрос был далеко не праздным. Дипломная работа Георгия имела самое непосредственное отношение к озерному рыбоводству. Он рассматривал озера не только как географическое явление, сырьевую базу, но и как живой организм: голубоглазые циклопы, похожие на крошечных рыцарей, «складывают меч» перед серебристым чебачком, а сам чебачок безвременно гибнет, чтоб дать жизнь пружорливой щуке... Старжики рассказывали ему, как по мелководной речушке Бурне, в которой иной год и воды-то воробью по колено, проник в степные озера сазан. Это были годы высокого стояния воды. Рыба сама шла в сети. Богатые уловы понудили Чернова заказать проект на строительство рыбокомбината. И вдруг начались заморы. Одна зима морозней другой. Лед полуметровый, а пробить проруби, чтоб спасти рыбу, никому не было охоты. Последним подледным ловом Чернов надеялся разредить рыбье стадо и спасти озера от долгого бесплодия. Ловили рыбы много, но делу не помогли — в управлении лишь увеличили план добычи.

Чернов закурил, сказал с горечью:

— Фортуна, брат, штука скользкая, как налим.

— Причем тут фортуна? Плотины строить надо, вода поднимется и оживут озера.

— Идеи, Михайлыч, на бумаге хороши. С нас живые центнеры спрашивают. Вынь да подай. Зимой поднажали, а оно, видишь, как обернулось. Вот и кручусь на реке...

— С одной овцы три-шкурки не снимешь.

Чернов недовольно отмахнулся.

— Вызовут, прикажут и снимешь...

Они надолго замолчали. Теплоход шел, придерживаясь к крутому берегу, словно боясь потеряться в огромном море воды. Вдали голубой лентой щетинился бор, в плесах таяло солнце. Облака отбрасывали на воду причудливые тени. Они то громоздились друг на друга, то растекались бесконечно длинной, белесой лентой, то исчезали вовсе,

и река играла золотыми чешуйками. Подле самого борта проплыла седая борода и запуталась в голубоватом буруне. Георгий проводил ее взглядом и вспомнил своего учителя, профессора. Милый старик, он наверное и не знает, что есть на земле такие места, где понятия не имеют, что такое ихтиология!

Первая рыбацкая лодка не обрадовала Георгия. С борта теплохода хорошо были видны чуть сторбленные спины рыбаков. Один из них методично подергивал тетиву, к которой крепится верхняя стенка сети, второй правил веслом. Георгий пристально всматривался в серебристую гладь реки и не находил поплавок. «Донными ловят», — догадался он и удивленно взглянул на управляющего. Сеть шла низко, обтекая впадины и ямки. Ему казалось, что он чувствует, как скребут дно холодные грузила.

— Они что же, осетра берут?

Глаза Чернова чуть сузились, стали насмешливыми.

— Осетра в этих местах поискать надо, а вот ерш на донную сеть хорошо идет. Ваяток в этих местах добрый, только вот деньков нам с тобой рыбная инспекция маловато отпустила.

Георгий понимал: прав Чернов. Ерш, действительно, донная рыба и другой сетью его не возьмешь, но в такие снасти легко идет и осетр. Ничего не стоит перевести и так малочисленное стадо. Рыба только из ям поднялась, не успела отнереститься... Да и не только осетр. Нельма, таймень...

— Надо бы хоть с рыбаками поговорить?

Чернов пожал плечами.

— О чем? В торговлю эта рыба не поступает. Ну, а если возьмут на уху, в этом особой беды нет. Много не съешь...

Георгию вдруг показалось, что управляющий неспроста вышел на пугину на рейсовом теплоходе. «Обкатывает, как новую шестерню в большом трестовском механизме...» Он хотел было сказать об этом Чернову, но тот опередил его.

— Думаешь, я с тобой так, на прогулку вышел? Показываю бригады, а блиако не подпускаю?

— Может не совсем так, но подумал.

— Ну и зря. Везде побываем, все покажу.

Река словно посмеивалась над ними, без устали нашептывая что-то приустановленному судну. Несмотря на полное безветрие, глухо и тревожно шумел лес.

— Дождь будет, — вздохнул Чернов. — Примета такая есть. — Он достал пачку папирос. — Закуривай, — и, уставившись на реку, продолжал задумчиво: — В Рябиновку придем, заночуем. Утром и катер будет.

Бакенщик Петр Исаевич достал катушку капроновых нитей, нарезал десятка два одинаковых концов и подобно тому, как делают перемет, принялся привязывать их к прочному жгуту. На конце каждой нити он крепил стальной крюк с длинным, отточенным, как игла, жалом. Эта работа ничуть не отвлекала его от привычных и в то же время всегда болезненных, как нитье в простуженных ногах, раздумий. Сына, наследника так и не дождался. Дочка, правда, выросла — грех обидеться... Но дочь будет мужу угодница, а не глава семьи. Хорошо, если зять попадетя толковый, с головой... Филька, вроде, не шутейно набивается в зятя. И если его выберет Юлька — черт те бей! Парень и из себя видный, и оборотистый — палец в рот не клади. И родня у него стоящая. Тот же Чернов — начальник да и не маленький. Глядишь, и свату подсобит потом.

Но ведь у девок в такие годы в голове ветер. Тут еще эта разлюбезная свояченица, Пелагея, воду мутит. Как ни увидит старая дура Юльку, так и наговаривает на Фильку. Без понятия баба, а дочка прислушивается, решить не может. Сколько крови перепортила ему эта старая ведьма, сколько хлопот принесла. «Тыфу, гадина», — сплюнул Петр Исаевич и почувствовал, как в нем снова закипает злоба и как наливаются тяжестью руки.

С кровати послышался легкий шорох. Байковое одеяло красным язычком сползло к полу. Настасья Саввишна приподнялась, тонкие пальцы легли на иссохшую грудь. Ее бил кашель.

— Ну, опять зашлась...

— Погоди, скоро отмучаюсь, освобожу...

Петр Исаевич криво усмехнулся:

— Про это я уже не первый год слышу. Да и не про нас сегодня разговор. Пожили... О дочери думать надобно. — Петр Исаевич отложил самозов, поднялся, закурил, прошелся по комнате. — Нынче Филипп за ответом придет.

— Ты пошто с дочкой-то не поговоришь? Супротив ее воли не встану.

Петр Исаевич насупил брови, поперек лба рытвиной легла упрямая складка:

— Какая у девки воля!? Наслушалась бабьих рассказней, вот и мнетя. Все твоя сестрица!

— Сдается мне, Юлька и не любит его...

Петр Исаевич холодно глянул на исхудавшее лицо жены:

— Тоже мне, провидица! Не любит! — он опустился на табуретку и, положив на стол тяжелые, волосатые руки, спокойно сказал: —

Если б не любила, не бегала бы с ним в клуб да на всякие танцы. Ты — мать, вот и поговори. Сама знаешь — сегодня кино, завтра — тары-бары около плетня, а там, глядишь, матери с отцом сураза в подоле принесет... По-моему, раз хороший парень сватается, нечего носом крутить. Добрых-то женихов нынче не густо.

Настасья Саввишна откинулась на подушки: «Господи, утомони ты ирода проклятого...»

В сенях тяжело стукнула дверь. Легкое дуновение тронуло цветную занавеску над припечком. На пороге появился Филипп, бодро произнес:

— Здравствуйте вам!

Он был в новеньком костюме. Курчавый чуб лихо выбивался из-под фуражки, хромовые сапоги блестели, хоть смотришь в них, как в зеркало. Петр Исаевич пожал руку Филиппу, вынес стул. Филипп, должно быть, почувствовал, что в доме о нем говорили. Настасья Саввишна не сводила с него настороженного, изучающего взгляда, будто первый раз видела. Филипп вытащил из кармана огромный портсигар с зажигалкой, не торопясь закурил и, словно невзначай, многозначительно обронил:

— Вчера чуть было не прихватили с рыбой.

Петр Исаевич тревожно впился в него взглядом.

— Только на базар прикатили, глядь, — инспектор из рыбоохраны меж рядов шнырлет. Стой, думаю, так и попасться недолго. Покружили на машине по селу, опять на базар, а он опять тут как тут. Семечки пощелкивает. Смотрю, топает прямо к нам. Не картошку ли привезли? — спрашивает.

— Короче, — прервал Петр Исаевич. — Как дело-то склеилось?

Филипп улыбнулся.

— Не было бы счастья, да несчастье помогло. Приехал в столовую, с директором познакомился. Битый мужик. Столковались. А потом вот и трудовое соглашение с райпотребсоюзом заключил. Я промышляю — они платят. В бумаге даже озеро указали, завалившее. Не придерутся.

Петр Исаевич внимательно рассмотрел поданную Филиппом бумагу, и лицо его заметно просветлело: ну, у парня хватка! По трудовому соглашению, которое он сумел заполучить, директор столовой уже принял речную рыбу. Теперь вместе с озерным карасем сюда пойдет и обской чебак, и стерлядь, и язь, пойманные мудренными снастями Петра Исаевича на шумных перекатах. Бакенщик одобрительно глянул на Филиппа.

— Что ж, с тобой, я гляжу, в убытке не будешь...

Филипп присел к столу, сказал спокойно:

— Ты, Петр Исаевич, только свою сторону учитываешь. А ведь я с одной трети на тебя работаю. Несправедливо это, не по закону.

Петр Исаевич навалился на стол, так что ножки скрипнули. «Ну волк!» В эту минуту он ненавидел Филиппа, потому что чувствовал, — уплывают его деньги. В то же время он восхищался им. «За таким жена не пропадет!.. Он черту рога сломит, но свою копейку не упустит».

— Не по закону, говоришь? — хрипло переспросил он.

— Не по закону. Самоловы всяк ставить умеет, — голос Филиппа стал жестким. — А ты попробуй, сбудь рыбку...

Клокочет душа у Петра Исаевича, кипит. Но ударить Филиппа духу не хватает — ведь обрежет Чернов реку под самый зад. Тогда ни рыбы, ни денег.

— Ну что ж, поровну, так поровну, — выдавил он. — Только смотри, обчитаешь — прибью.

— А мне чужого не надо.

В комнате стало слышно, как назойливо звенит у окна муха.

— Слышь, Филя, — примирительно заговорил Петр Исаевич, — ты бы потолковал с дядькой, может он вырешит нам рыбацкое становище под Чутуем? Поплачься в жилетку: мол, жениться решил, а какой у сироты достаток.

Филипп хитровато прищурился:

— Оно, конечно, поплакаться можно. Только раньше времени вроде и неудобно как-то.

— Добро! — Петр Исаевич тяжело поднялся, положил руку на тонкое плечо Филиппа, подумал: «Фитиль, в узел связать можно. Хотя, такого не сломаешь, гибок больно», — и подтолкнул его к двери:

— Пойдем, покурим.

Настасья Саввишна понимала, куда клонит Филипп, хотела окликнуть мужа, спросить, чтобы не торопился, и не могла. Яростный приступ кашля душил ее.

Петр Исаевич и Филипп спустились к реке. Над водой ползла тяжелая испарина. Бакенщик окинул взглядом протоку, подумал: «Где же она, Юлька?» Филипп, торопясь, отвязывал от нависшей над водой тростинки ракитника бечеву. Узел намок и плохо поддавался.

— Сломай прутик-то, — бросил Петр Исаевич.

Филипп с силой рванул веточку и торопливо поднял со дна бутылку водки, достал из кармана складной стаканчик, нажал пальцем, утопил донышко и подал Петру Исаевичу.

— За что выпьем-то?

Петр Исаевич одним глотком опорожнил рюмку, приложил к гу-

бам пропахший рыбой рукав выгоревшей рубашки и доверительно сказал:

— Я-то готов выпить и за ваше счастье. Но ведь, ты сам знаешь, вам, молодым, разве прикажешь? Сговаривайтесь, а мы с матерью мешать не станем. Да, ежели все уладится, где жить-то станешь?

— Можно в деревне, а не то — и сам в бакенщрки подамся.

Это насторожило Петра Исаевича.

— Чего уж там! Поди, поладим и на одном омуте. Да и Юлька не схочет хворую мать оставить.

Филипп не ответил, прислушивался к скрипу уключин. Узнав Юлькину лодку, которая быстро приближалась к берегу, забеспокоился:

— Может, мне уехать?

Петр Исаевич усмехнулся.

— Как знаешь. А сватов пришлешь — не прогоним.

Филипп ловко прыгнул в лодку, которая стояла тут же у берега, и погнал ее к острову. Петр Исаевич проводил его долгим взглядом, вздохнул и, поднявшись, не спеша направился к дому. Осторожно прикрыв за собой дверь, он прошел к столу, глянул на Настасью Саввишну, сказал коротко:

— Ну, просватал дочь...

Настасья Саввишна побледнела, медленно встала и, устремив на Петра Исаевича полные ненависти глаза, пошла на него.

— Как же ты без ее согласия-то?

Петр Исаевич схватил Настасью Саввишну за руку, с силой усадил на стул.

— От добра добра не ищут! Наша с тобой забота дочь на путь наставить. За таким парнем все девки на селе убиваются, а наша, вишь, носом крутит...

Настасья Саввишна тяжело охнула.

— Может, оно и так, да ведь и с ней поговорить надо...

— Вот и поговори.

В комнату убежала Юлька. Скинула резиновые сапоги у порога, подошла к матери.

— Ты что сегодня такая бледная? Худо тебе?

Мать всхлинула горько, тоскливо.

— Худо, худо, доченька! — Искося взглянув на Петра Исаевича, добавила: — И хворь, и о тебе душа болит. Умру и останешься ты, как былинка в поле. Ровесницы твои почти все у места. Замуж повыходили...

Юлька досадливо всплеснула руками:

— Ой, мама, опять ты себя расстраиваешь! Про какой-то замуж

выдумываешь... Что ж мне теперь, чтоб не отстать от некоторых подружек, за Фильку выходить?

Петр Исаевич пыхнул самокруткой:

— А что Филька? Такими умные девки не разбрасываются.

У Юльки, так же, как и у отца, когда он начинал сердиться, серые глаза сузились.

— Позволь мне самой о своей судьбе подумать, — резко отчеканила она.

Петр Исаевич поднялся, с грохотом отодвинув стул.

— Тебе же дуре добра желаю!

— Не надо мне такого добра! Филька твой на рыбе да на хозяйстве, которое вы с мамой нажили, хочет жениться.

Петр Исаевич уперся взглядом в лицо дочери.

— Жизни не знаешь, вот и кричишь сдуру. Парень уже полгода порог обивает, а тебе все не так да не эдак... Ничего, отвернется — белугой взвоешь.

Он круто повернулся и вышел, со злом хлопнув дверью. Юлька бросилась на кровать, уткнула лицо в подушку. Настасья Саввишна подошла к дочери, осторожно тронула ее за плечо.

— Ты с отцом не спорь, — тихо заговорила она. — Только озлишь его, горя на свою голову накличешь. Я, конечно, не неволю. Но может Пелагея и напраслину на парня наговаривает. Самой присмотреться надо...

— Юбошник он, вот кто! — выкрикнула Юлька.

Мать приумолкла, потом, поглаживая Юлькину голову, словно сама с собой, заговорила:

— Маленькие дети — маленькая беда, они растут и беда рядом с ними растет. Надо было тебе, доченька, ехать вместе со всеми в город. Может бы в институт прошла. Ну что с того, что я больная. Гнилое дерево, говорят, сто лет скрипит. Конечно, и теперь не поздно учиться, но, видишь, отец куда гнет. Не даст денег, и нигуда не поедешь.

— Денег мне тетя Пелагея сулила, — отозвалась Юлька. — Только, говорит, поезжай, учись, не губи молодую жизнь ради сундуков, как твоя мать. Но как я тебя такую больную одну оставлю?

Настасья Саввишна смахнула наворачившуюся слезу, негромко откликнулась:

— Так-то оно так. Но ведь я-то свое отжила, а у тебя все впереди...

— Малый, самый малый...

Стена леса качнулась. В тихом хороводе поплыли сосны. Темные

наряды их перемежались ажурными платящами молодого поддеска. К воде склонились ивы. За ними дом, словно боровик на лесной опушке. Крыша взлезет, окна желтыми пятнами светятся.

— Приехали! — обрадовался Чернов. — Сейчас Петра Исаевича клишнем.

Над Обью поплыл басовитый гудок, и словно из-под земли на берегу вырос темный силуэт бакенщика.

— Богатырь, — Чернов довольно потирал руки, поглядывая на берег.

Петр Исаевич столкнул лодку, и она черной тенью легла на воду. Бакенщик греб сильно, уверенно, и вскоре лодка пришвартовалась к борту. Чернов неуклюже топтался на палубе, перехватывая руками перила, шарил ногой в воздухе, а спрыгнуть боялся. Петр Исаевич подал руку и снял его с судна. Лодка хлопнула под его ногами.

— Добрались наконец, — шумно выдохнул Чернов, усаживаясь на корме. — Подгреби поближе, мой помощник спрыгнет...

Через несколько минут они уже поднимались по узкой тропке к большому дому. Георгий шел позади и любовался крепкой фигурой бакенщика. Он был высокого роста, широк в плечах.

— Заждался, — гудел Петр Исаевич, — думал, не приключилось ли чего? Может, заболел...

Чернов недовольно отмахнулся:

— Какой там! До болезней разве? То одно, то другое, всюду глаз нужен...

Маленький дворик аккуратно прибран: в углу, на березовых клетях, — старые бакены, перевернутая вверх дном лодка.

Поленница дров, оставшаяся с зимы, а рядом — колода с глубоко всаженным топором. Напротив дома банька, срубленная в лапу. Дверь тоскливо поскрипывает, внутри темно, словно ночь до поры схоронилась под земляной крышей. А дальше — лес — сумерки уж и вершины сгладили. Пахнет хвоей и грибами. «Вот где приволье, — подумал Георгий, — и люди, как дубы, не то что в городе...»

— В избу пойдем, али тут ушицу заварим? — осведомился бакенщик.

— Ну, что ты, Петр Исаевич! — укоризненно воскликнул Чернов. — Какая же уха с печи? Нет, нет, только костерок. Как думаешь, Михайлыч?

Петру Исаевичу было вполне достаточно желания Чернова.

— Юлька! — позвал он. Ему никто не ответил, но это ничуть не смутило бакенщика. — Пойди, из садка рыбки достань.

Он принес охапку хвороста, приспособил ведро над старым пепелищем, надрал сухой бересты, подпалил. Потянуло горьковатым дым-

ком. Острые языки лизнули прокопченное дно и запрыгали в веселой пляске. Сумерки замкнули небо звездным куполом. Из-за плеча соснового бора выкатилась луна, нарисовала на речной глади серебряные каракули.

— Глаз бы ей выпшибить проклятой, — бурчит Петр Исаевич. Он давно приметил, что рыба в лунную ночь словно под берега уходит, никакой снастью не возьмешь. — Опять лову не быть.

Чернов широко расставил короткие ноги, нагнулся над огнем погреть ладони.

— Луны боится, а на свет хорошо идет. Думаю ращепроложением оформить. Дело не хитрое: перегородил реку, пару прожекторов с лодок и пошел...

— Это уже не промысел, а уничтожение, — вставил Георгий.

Чернов усмехнулся.

— Хоть так, хоть эдак поверни, все одно в котел, — и, уже обращаясь к Петру Исаевичу, спросил: — Нащи-то не балуют в твоём заповеднике?

— Бог милует, — сухо ответил бакенщик и искоса взглянул на Георгия. — Видать, впервой на реке?

— Да нет, бывал, — уклончиво ответил Георгий.

Бакенщик задумчиво смотрел на костер и лениво ковырял веточкой горячие уголья. От этого в небо поднимались прозрачные искорки, и ночь ловила их своим черным дологом. Лицо у бакенщика скуластое, подбородок словно топором скошен, на лице и шее густо пробились колючки бороды. Казалось, и тишина от его молчания колючая. Управляющий пододвинулся к огню, прилег на бок, спросил, будто продолжая давно начатый разговор:

— Не полегчало Настасье Саввишне-то?

— Мучается бедная, и умереть силы нету. — Петр Исаевич швырнул в костер палку, и в небо взметнулся целый рой искр. — Фельдшера вызывали, никакой тебе помощи. Может, ты пособишь доктора доставить?

— Это можно, — ответил Чернов. — До района доберусь, следом и пошлю...

Юлька молча поставила подле костра эмалированный тазик, наполненный рыбой, и благодарно глянула на Чернова. Тяжелая прядь волос упала ей на лицо. Она недовольно откинула ее назад и осталась стоять в ожидании приказаний отца. Георгий с любопытством рассматривал девушку. Волосы слегка приоткрывали ее смуглую шею. Пухлая, мягко изогнутая верхняя губа, чуточку выдаваясь над нижней, складывалась в уголках рта в произвольную насмешливую улыбку. Большие глаза, окаймленные густыми, изогнутыми ресница-

ми, задорно смотрели из-под треугольников густых бровей. Твердый подбородок выдавал стцовскую решимость и силу.

Перехватив взгляд Георгия, Юлька резко повернулась и пошла прочь.

— Невестой стала, — одобрительно сказал Чернов, провожая взглядом стройную фигуру девушки.

Бакенщик улыбнулся.

— Невеста... Считай, сосватали...

— Слышал, — оживился Чернов. — Между нами говоря, этот дуралей, Филька-то, меня хотел в сваты определить: шепни, дескать, Петру Исаевичу... Однако, вижу, дело наладилось и без меня. — Чернов потянулся к миске, выхватил еще живую стерлядку, передал Георгию. — Поработай, а то уха невкусной покажется. — И уже обращаясь к Петру Исаевичу, произнес одобрительно. — Мерная рыбка.

Юлька принесла несколько очищенных картофелин, головку лука.

— Помоги специалисту, — усмеялся Чернов. — А то, видать, он и рыбу в руках держать не умеет.

Юлька присела на корточки. Ее маленькая сильная ладонь неожиданно легла на руку Георгия. Он вскинул на нее глаза.

— Давайте я...

— А мне что же, костер жечь?

Юлька пожала плечами:

— Жгите, хворост за баней.

Он передал ей нож, нехотя поднялся и пошел за хворостом, а когда вернулся, ни бакенщика, ни Чернова у костра не было.

— К маме пошли, — пояснила Юлька, опуская в кипящую воду рыбу. — Николай Иванович всегда к ней заходит...

Георгий подкинул в костер несколько хворостинок, подошел к огню.

— А что с вашей мамой?

Юлька сдвинула брови:

— Болеет.

Георгий поспешил перевести разговор на другое.

— Хорошо у вас тут...

— Так все говорят, а проживут дня три и в город! — И подумав, добавила: — А мне нравится. Вот даже если институт закончу, обязательно сюда приеду... Хотя, вначале поступить надо.

Георгий лег на бок и, подложив руку под голову, смотрел, как ловко Юлька крошила в ведро картошку. Рыба побелела, всплыла... Над костром поплыл терпкий приятный запах ухи.

— А в прошлом году что же, по конкурсу не прошли?

Юлька тряхнула головой, и волосы рассыпались по ее плечам.

— И не пыталась. С мамой плохо было...

— А вы бы на заочное? Конечно, это труднее. Потом, заочник диплом может получить, но...

Георгий стал рассказывать о студенческой жизни, вспоминал всякие смешные истории. Юлька слушала с вниманием. Ей почему-то не приходила мысль, что учиться можно и заочно. Надо будет завтра же посоветоваться с матерью и с учительницей, Еленой Владимировной.

В доме хлопнула дверь.

— Ну, как ушица? — бодро спросил Чернов, подходя к угасающему костру.

Юлька встrepенулась, сняла крышку, протянула отцу деревянную ложку.

— Пробуй.

Петр Исаевич зачерпнул юшки, аппетитно крикнул.

— Теперь и лаврового листику спустить можно. — Он достал из кармана две бутылки водки, бережно поставил на землю, пригласил Чернова сесть. Юлька недовольно глянула на отца, на бутылки и, сухо попрощавшись, ушла.

4

Рыболовецкая бригада расположилась на слиянии Чугуя и Оби. Георгий сразу отметил преимущества, которыми пользовались рыбаки, застолбившие этот участок. Здесь широкий разлив, рыба валом идет в эти места на нерест. Воды трех рек: Оби, Чугуя и Инги — на десятки километров затопили правобережье. Вся пойма утыкана кольями фитилей. А дно Чугуя перечеркнули сети. Ни пройти, ни пробраться рыбе на нерестилище.

Ставная сеть перегородивает узкую протоку меж двух островов в пойму. Георгий ждет, что скажет управляющий. Чернов проверяет фактуры, записывает цифры. Многих рыбаков знает по имени и отчеству и явно гордится этим.

— Молодец, Ефим Назарович, — похваливает он бригадира, — эдак пойдет — осенью новые снасти выдать придется...

Бригадир — высокого роста, широкий в плечах, с очень молодежьим лицом, ковыряет носком сапога песок, посмеивается в пшеничный ус. Рад, мол, угодить начальству.

— А зачем же пойму от реки отрезали? — не выдерживает Георгий.

Ефим Назарович смотрит на управляющего, словно спрашивая, надо ли пояснять молодому специалисту, для чего ставят сети, но и Чернов повторяет вопрос:

— Зачем?

Вопрос вялый, как осенний лист.

— На случай... Чтобы рыба не скатилась в реку, — неохотно поясняет бригадир.

Георгий видит, как дрогнула сеть. Над водой показался острый, будто нож, плавник, широкая спина; сильный удар хвостом — и язь над тетивой: щеки раздуты, большая голова отливает золотом, от страшного напряжения нижние плавники словно кровью окрасились, в зеленовато-желтых глазах с пятнышком наверху тупое упрямство.

— Ишь ты, какой шустрый! — смеется Чернов.

— Значит, есть где пройти на нерест? — спрашивает Георгий.

— Почему же нет? Пройдет. Вся пойма открыта.

В голосе бригадира ни тени сомнения. Георгий присматривается к лодке, которая без видимого дела мотается по реке от одной сети к другой.

Вот человек на лодке навалился на борт и что-то тяжелое бросает в реку. Едва не черпнув воды, лодка пошла вниз, оставив за собой палку, перехваченную тонким жгутом. Бригадир заслонил собой лодку, спрашивая услужливо:

— Поди, не обедали еще? Сейчас ушицы заварим. Тройную, по всем правилам...

...Почти такая же лодка темнеет и под обрывом обского берега. В ней сидело двое. По едва заметным движениям рыбаков Георгий догадался — ловят оханом. Такое орудие лова широко применяют браконьеры на Волге.

— Тоже ваши?

— Деревенские, — лениво ответил бригадир, — побаловаться приехали.

— Побаловаться? — вмешался Чернов. — Договора с рыбнадзором не знаете?

Бригадир пожал плечами:

— На ушицу поймают и уйдут...

Чернов ругнулся.

— Я тебе о правилах, а ты свое. Там же прямо записано: «Рыбаки Гослова обязуются охранять рыбные запасы от расхищения»...

Бригадир удивленно посмотрел на Чернова.

— Как прикажете, так и будет...

— Ступай, Михайлыч, с ним на катер, и сюда этих браконьеров. Пропищем ижицу, другим неповадно станет...

Моторист встретил их, лежа на палубе. Прикрыв фуражкой глаза, он дремал, подставив волосатую грудь солнцу.

— Заводите, — попросил Георгий.

Парень недовольно поднял голову, осведомился:

— Куда?

— Надо бригадира познакомить с этими браконьерами...

— Да они, поди, с детства знакомы, — усмехнулся моторист, но поймав на себе недобрый взгляд бригадира, поспешил добавить: — Без приказа Николая Ивановича не могу.

Бригадир переступил с ноги на ногу, отвел глаза в сторону.

— Может, вы без меня с браконьерами разберетесь? Мне к рыбам надо. Вот-вот рыбу сдавать...

Георгий не ответил. Спросил, обращаясь к мотористу:

— Не пойдете?

— Зачем же? Приказ будет — пойду.

Георгий шагнул к корме, взял рупор.

— Товарищ Чернов, прошу подойти к катеру!

Пока говорил, бригадир потихоньку сошел на берег и размахисто пошагал к стану. Из-за палаток выкатился управляющий, обменялся с бригадиром несколькими словами и заспешил к катеру. Он почти взбежал по трапу и напустился на моториста.

— Может, тебе еще письменный приказ издать?

Моторист огрызнулся и пошел заводить двигатель. А Чернов тяжело дышал и все кипятился:

— Ишь, приказ... Я тебе покажу — приказ!

Моторист пришвартовался почти к самому борту лодки, ловко метнул металлическую кошку. Острые зубья впились в дерево, канат натянулся. Тяжелая плоскодонка лениво повела кормой и, как огромный осетр на кукане, пошла за катером. Не совсем так представлял Георгий встречу с браконьерами. Сидят, как загнанные зайцы, даже самому неприятно.

— У них, кажется, и рыбы нет, — заметил моторист. — Конфисковывать нечего...

Чернов недовольно повел бровью.

— Сам факт налицо, этого достаточно.

Катер прибуksировал лодку к берегу. Собравшиеся рыбаки с интересом ждали расправы над браконьерами. Начальству освободили место за маленьким столом. Чернов достал форменные бланки актов, взглянул на задержанных. Старик заметно волновался, то и дело снимал очки и протирал стекла. У его ног лежала не совсем обычная наметка. Это был металлический круг, разделенный на две равные половины. Его бросают на воду, и он собственной тяжестью увлекает за собой сеть. Как только сверху начинают поднимать наметку, обе половины круга натлухо смыкаются и преграждают выход попавшейся рыбе.

— Разве не знаешь, что это запрещенное орудие лова? — крикнул Чернов.

Старик приподнял с земли наметку, тихо произнес:

— Прежде чем кричать, ты сети посмотри. Сам в ячею проскочишь. Маломерная рыба в ней не задержится.

— Ишь, ты говорун какой! По-твоему, крупного осетра брать дозволено?

— А чего ж...

— Нет, ты посмотри, Михайлыч, на этих простачков! — Чернов развел руками. — Да таким саком из ям всех осетров выдрать можно! А каждая рыба, между прочим, пятьдесят рублей стоит...

Старик растерянно глянул на своего напарника, на рыбаков.

— Так ведь нету у меня рыбки-то, не поймал...

— Помешали, вот и не поймал!

Чернов разгладил бланк акта, принялся заполнять.

— Снасти и лодку конфискуем да еще штраф выпишем. Так что, внукам закажешь...

Старик озадаченно развел руками.

— Это что же получается? Меня, значит, заметили, а на своих взглянуть — глаза застит. Ты протри их, глаза-то!

— Он еще критику наводит! — задремел бригадир. — Пишите на него бумагу, Николай Иванович, все подпишемся...

— Ловкие у вас ребята, — оставил молодой, обращаясь к Георгию. — Может, сообща за одним и побьете моего батьку?

— Зачем же так? — упрекнул его Георгий. — Вы ведь понимаете, нельзя такой сетью промышлять. Это далеко не спортивное орудие лова...

— Нам нельзя, а вам, значит, все можно: и осетра брать, и нерестилища облавливать. Вы — хозяева?

Чернов уничтожающе глянул на браконьеров.

— Старый трюк! С больной головы на здоровую...

Молодой спокойно выдержал этот взгляд, сказал твердо:

— А вы посмотрите на пойму, да не с берега, может быть, кое-что и заметите, — и, уже обращаясь к Георгию, добавил: — Или, сами знаете, да молчите?..

Георгий кивнул этот упрек.

— Ну что ж, можно и пойму посмотреть, если вы так настаиваете.

Чернов недовольно насупился:

— Только этого еще не хватало. На поводу у браконьеров идти. Они, чтоб выкрутиться, любого теперь готовы оговорить.

— Воишься, стало быть? — горько усмехнулся старик.

Георгий повернулся к нему.

— Почему же? Пойдемте, покажите...

Среди рыбаков пробежал тревожный шепоток. Старик глянул на сына и поспешил к лодке, будто боялся, что Георгий передумает, не поедет смотреть пойму.

Они сели в лодку. Молодой ловко оттолкнулся веслом о берег и погнал лодку к луговым плесам.

Всюду, насколько хватал глаз, колья вентерей...

— Это бы еще ничего, — уже спокойно объяснял старик. — Ты вон туда посмотри...

Георгий повернул голову: от кочки к кочке, от островка к островку железной стеной на рыбьих дорогах встали сети. А старик продолжал:

— Язь на лугах, поди, уж и нереститься начал, а та рыбешка, что не поспела, ей-то куда деваться? Всяду сети — не пройти. Еще бы недельку погодить, тогда ставь, режь горловины снастью. С испокон на Оби такое ведется. А тут что же получается? И сеточка, посмотри, палец не просунешь.

— Нож есть? — решительно спросил Георгий.

— Как же не быть, коль уху варить собирались.

Георгий взял нож, потрогал лезвие, приподнял тетиву и полоснул сеть до самого низа.

— Может, еще не поздно. Подребите, будьте добры, к следующей вешке. Заколдованный круг получается: инспекция изымает эти снасти у браконьеров и... передает промышленникам. А какая разница, чьими руками их на воду ставят?

— Это верно, — одобрительно поддакнул старик. — Все под одно: поболе черпануть, а там хоть трава не расти. Ты, дорогой товарищ, заодно распорядись, чтоб осетра сейчас не брали. Икрыный он.

— Его же не принимают в торговлю?

Старик поморщился, словно услышал несурязицу.

— По закону-то оно так. Но встань на место заготовителя. Что для тебя лучше, центнер осетра или три центнера ерша? К накладной ведь рыбу не прищипливают, написать что хошь можно.

«Еще и бригадиру на водку останется», — продолжил его мысль Георгий.

За песчаной косой послышался мерный рокот мотора. Георгий оглянулся: вверх по реке пошел катер. «Куда это Чернов?»

— А вас за сети-то не прижмут? — поинтересовался молодой рыбак.

«Может быть», — подумал Георгий, но это сейчас волновало его гораздо меньше, чем все виденное на реке. Перед глазами до сих пор стояли стены сетей.

— Вон, видите, кол под раkitой плавает. Никак, кузан с осетрами?

Старик поправил очки, присмотрелся.

— Он.

Молодой рыбак подгреб к затопленному кустарнику, поймал кол. Втроем они с трудом подняли со дна рыбу, перевалили по одной в лодку. Осетров оказалось одиннадцать.

Лодка тяжело ткнулась в берег.

— Да, тебе же в акт фамилию надо, — поднимаясь, напомнил старик. — Бобров я, Антон Николаевич. В Рябиновке живу. А сына уж не замай. Офицер он у меня, в отпуск приехал. Хотели на ущецу добыть...

— Бросьте вы, какие тут акты, — отмахнулся Георгий.

Рыбаки сидели на прежнем месте, курили. Подошел бригадир и, не глядя в глаза Георгию, протянул вчетверо сложенную бумажку.

— Вам тут распоряжение.

Георгий прочел: «С браконьерами поступите по закону. Если обнаружите нарушение инструкции... строго предупредите и наших рыбаков... Вернусь завтра. Чернов».

— Сколько осетров сдали? — спросил Георгий.

Рыбаки заворочались, запереглядывались.

— Каких осетров?

— Да вы что?

Кто-то хохотнул:

— Приснилось, видать, парню. Осетров! Да их еще поймать нужно.

— Уже поймали. Или, может быть, это не ваши?

Словно ветерок пробежал меж рыбаков.

— Ну, поймали...

— Не мы, так другие, какая разница!..

— Да что вы раскинаетесь? — вставил бригадир. — Думаете, он не понимает? Все он понимает! Но для него главное — инструкция, бумажка. Ему плевать, что если мы не возьмем рыбу, то она сама подожмет. Он согласится, если мы, рыбаки, будем уху из консервов варить...

— И то верно, — поддержал старый рыбак, которого все называли дед Прошка. — Запакостили реку — керосин, бензин, химия всякая...

— И все-таки осетра брать нельзя! Выловим все стадо, а с моря новое не придет. Вы это не хуже меня знаете.

— А что, если с нас план требуют? — не унимался бригадир. — Ты спроси, что они получают, если не дадим положенные четыреста центнеров в декаду? Что? Да бабы их из дому повыгоняют!

— Значит, вы считаете, инструкции не для вас писаны?

Дед Прошка отмахнулся.

— Слушай, парень, не пугай нас своими инструкциями. Разумею кое-что. И к реке у нас душа поболее твоего прикитела...

Георгий понимал: выдержками из инструкций рыбаков не проймешь и не убедишь. Однако он и другое понимал: промолчи он сейчас — завтра бригада в открытую будет вести промысел запрещенными способами. И не она одна — все бригады. Он сел за стол, за которым еще недавно, развалившись, сидел Чернов, и начал писать акт. Рыбаки, не отрываясь, смотрели, как бегают по бумаге перо автоматической ручки. Закончив писать акт, Георгий громко прочитал:

— За применение малоячеистых сетей и облов нерестилиц пятьдесят процентов добытой за путину рыбы из плана бригады исключить. За отлов осетров взыскать пятьсот пятьдесят рублей, поделив сумму на каждого члена бригады.

Бригадир сплюнул, отошел в сторону.

— Коли так, сам и промышляй! Я лучше в колхоз подамся.

— Верно! Пускай сам сети таскает. Законник нашелся...

— Подписывайте акт! — обратился Георгий к бригадиру.

— Насчет мелкоячеистых сетей я несогласный и подписывать не стану.

— Может, еще кто не согласен? — Георгий выждал, пока рыбаки кончили перебранку. — Или я, действительно, не так написал?

Первый к столу подошел дед Прошка, поставил на бумаге замысловатую закорючку и передал ручку молодому парню.

— Заработали! — усмехнулся тот и аккуратно расписался пониже дедовой заковыки.

— Как же теперича будет? — осведомился дед Прошка. — Может, план помене сделаете?

— Чего ты с ним! — остановил деда молодой рыбак. — Он актик составил и дальше. Ему зряплату каждые полмесяца выдают.

— Нет, подожди! — Не унимался дед Прошка. — Вот ты нас за сети хлестанул. А их, между прочим, Чернов самолично выдал. Почему ты его в эту бумагу не вписал?

Георгий чувствовал, что во многом правы и дед Прошка, и этот молодой рыбак, и бригадир, который отказался подписать акт. Понимал он и Чернова, который, очевидно, предвидел, что произойдет, и уехал, оставив его выпутываться. Что стоит составленная им бумага, если рыбаки не верят в ее силу, открыто смеются над ним, над его требованиями? А что он может им ответить? Гибнет река, гибнет не от старости, не от безводья в своих истоках, а от безнадзорности.

Георгий резко поднялся.

До районного центра Георгий добрался на попутной машине. Прежде чем двинуться в Песчаное (поселок этот размещался на берегу огромного озера с таким же названием), решил зайти к председателю исполкома. Почти в дверях кабинета столкнулся с немолодым, седющим человеком, который торопливо, на ходу застегивал плащ.

— Вы ко мне? — неприветливо спросил он. — Очень некстати.

— Я только представиться, — сказал Георгий.

Председатель исполкома присел на стул.

— С этого все начинают. — И протянул руку: — Фирсов.

Георгий назвал свою фамилию, Старцев, и подал командировочное удостоверение.

— На предмет промышленного освоения, — вразяжку прочитал Фирсов и усмехнулся: — Не утруждайтесь. Брать нечего.

Они вышли на улицу. У крыльца райисполкома стоял газик. Фирсов открыл дверку и, обернувшись к Георгию, сказал:

— Немножко не по пути, но все равно садитесь, подбросим...

Машина выбежала за околицу. Краски в степи густели. В лесополосе буйно цвел марьян корень, устилая землю синевато-розовым пологом. На черном поле — хороводы берез, внизу у стволов — прошлогодняя трава с прозеленью, а вдоль самой дороги — серебристая полоска чуткого к ветру ковыля.

— А ведь и в ваших озерах водилась рыба, — напомнил о себе Фирсову Георгий.

Тот живо обернулся:

— Водилась, да ваш Чернов в прошлом году последнего караса выгреб!

— Я так и думал.

— А едете?

— Потому и еду.

— Заморные у нас озера, толку все равно не добьетесь.

— А кто виноват? В прудах карп пошел, там один хозяин. А на берегу озера или системы озер, как у вас, целый район. Вот и получается, у семи нянек дитя без глаза...

— Уели, — усмехнулся Фирсов.

— А вы что же, окончательно похоронили свои озера?

Фирсов неопределенно пожал плечами.

— Посмотреть надо...

Озеро Песчаное открылось разом, как только машина вырвалась на небольшой взгорок. Словно лоскут неба средь порыжевшего камыша, уходило оно к самому солнцу.

— Подрули поближе, — попросил Фирсов.

Шофер осторожно свернул с дороги. Машина запрыгала по кочкам и остановилась.

— Дальше не проедем, топь начинается.

Фирсов неторопливо вышел из машины, зашатал широко, не обращая внимания на чавкающие под ногами блюда воды.

— Сейчас познакомлю вас с будущим ассистентом, — пошутил он.

У самой землянки, сложенной из пластов дерна, сидел сухонький старичок, чинил гниловатые сети. Подле ног у него лежала огромная собака, щурилась на солнце. Заметив людей, она лениво вильнула хвостом и незлобно гавкнула, оповещая хозяина о гостях. Старик поднял глаза, приветливо улыбнулся:

— Проездом али как?

Фирсов пожал его узловатую руку и, склонившись к самому уху, крикнул:

— Ученого к тебе привез, Митрич. Смотри, чтоб на уровне!

Митрич понимающе закивал:

— На ушицу наскребем, наскребем на ушицу...

Фирсов улыбнулся и, уже обращаясь к Георгию, сказал:

— Трудно вам с ним будет. Но не стесняйтесь, кричите громче. Тут на версту пусто.

Георгий с грустью окинул широкую полосу порыжевшего от солнца кочкарника, поросшего сухой острой осокой.

— Порыбалить приехал? — прошамкал старик. — Пустое дело. Умирает озеро. Вишь, берега-то, словно петля, стягиваются. А было! Язь щел, линь, карась... Домик-то наш вон там, у березки стоял. — Старик поднял подслеповатые глаза, отыскивая одиноко стоящее в стороне дерево. — Так и кочуем. Я к воде, а она от меня. Вот и нынче избушку перенес...

Георгий смотрел на озеро, из которого вытекала длинная лента реки. В нем еще теплилась жизнь, как и в глазах этого старого рыбака.

В хорошие годы, когда выпадало много снега, весной озеро выходило из берегов, раздвигая душившую его петлю. В зелени камыша гнездились утки. Осторожные лысухи выводили пикунят на зеркальные плесы.

Подрастут пернатые, улетят, а через год, вернувшись, не узнают озера. На месте прошлогодних плесов — сухой камыш.

— А что, Митрич, — указал на реку Георгий, — если зажать ей глотку?

Закончив прибираться в доме, Настасья Саввишна подошла к кровати, которая стояла теперь у самого окна, собрала узлом густые, длинные волосы и легла, радуясь, что не ощущает ноющей боли под лопаткой. Она редко ложилась днем, но сегодня должен приехать врач, и она не хотела показаться ему хуже, чем в прошлый раз. На это у нее были особые причины. Юлька все чаще заговаривала об институте. Чутьем она угадывала: нелегко дочке под отцовской крышей. И, как могла, старалась помочь ей. Настасья Саввишна приподнялась, чуть приоткрыла окно. Тихо стонал старый тополь. Над лягой, что светлой дорожкой убегала к старице, испуганно метались утки. Взгляд ее скользнул дальше, к сенокосным лугам. Вспомнилось далекое прошлое, то, от которого ноет, замирает сердце. С тех пор, как она ушла из деревни, сестра ее, Пелагея, ни разу не заходила в Петров дом. Да, знать бы тогда все наперед, может, и не так обернулась бы ее жизнь. А Пелагея, видать, знала.

Дом Петра, срубленный еще его дедом, особняком стоял на пригорке, свысока поглядывая своими окнами на ютившуюся поодаль Рябиновку. Хозяин — Исая Силантьевич — мужик кряжистый и молчаливый, рано овдовел и ушел в тайгу пасечником. Старик никогда не бахвалился промыслом, однако сала медвежьего либо шкуру, только у него и купить можно было. Было у Исая Силантьевича два сына — Викентий и Петр. Подросли мальчишки, он и их в тайгу увел. Так промышляли вместе. В войну, получив похоронную на старшего, Викентия, Исая Силантьевич в одну ночь подряхлел. Вскоре его и похоронили. А Петр вернулся с войны уже после победы над Японией. Такой же, как отец, кряжистый, на широкой груди медали. Первое время ни одна гулянка в селе не обходилась без Петра.

Тяжелым было на этих гулянках веселье. В одном стакане радость и горе. И не поймешь, чего больше. Пелагея ночами плакала. Пока шла война, она вроде смирилась со своим вдовьим положением. А когда стали возвращаться фронтовики, опять вспомнила мужа. Настасью же захлестывала радость: Петр смотрит только на нее, только ее провожает вечером домой!

Наскучавшие по земле руки делали свое дело. Оживало село, пробуждалась степь. Солдаты не ждали приглашения на работу. И только Петр долго болтался без дела, не зная, куда приложить силу свою недоужинную. В колхоз звали — не пошел. В МТС устроился, бросил — работа грязная. Но Настасью это ничуть не путало. По вечерам она бегала на старый ток, где девчата устраивали танцы, потом ходили вдвоем с Петром по ночным улицам, разговаривали. Однажды Петр

не пришел на танцы. Сосед, Антон, попытался было проводить Настасью, но она убежала. А дома тоже не радость. Пелагея ругает: нашла ухажера! Бабы на коровах пахнут, а твой бугай проклятый кусочек послаще высматривает. Весь в отцовскую породу пошел! Видишь, в бакенщики подался, ровно старик какой...

Словно сквозь дымку видит Настасья Пелагею. Вот она, молодая, сильная стоит на прикладке, а Настасья с Антоном стог вершат. Бабы притомились, навильники подают жидкие, в стог положить нечего. Антон беззлочно похрюкивает, а у них и отшутиться духу не хватает. И вдруг с земли взметнулась огромная копна: «Принимай!»

Под стогом, широко расставив ноги, стоял Петр. Одной рукой он придерживал вилы, другой смахивал труху, которая сыпалась из сена на его обнаженное по пояс тело. Антон растерянно глянул на Настасью, будто спрашивая о чем-то и в то же время не решаясь шагнуть к краю стога, у которого маячил огромный навильник.

Настасья неестественно рассмеялась:

— Ты что, Антон, не заснул ли?

Антон не ответил, медленно расправил плечи, принял сено. Посуровела Пелагея, глаз с нее не сводит. А Настасье все нипочем: смеется, радуется, поглядывает на крепкого, красивого парня. Что ей за дело до Пелагеи, до Антона! А Петр будто и не видит ничего этого. Мышцы, словно канаты крученые, того и гляди кожа на руках полопается. Один взмах — и вилы подают на стог новую копну. Антон на лету подхватывает сено. Жилы на его шее вздулись, слова сказать не может. Вот уж и прикладок вровень подняли, Антон по кромке стога пошел, край стягивает. Настасья с Пелагеей середину утаптывают: вот-вот девки осоку подвезут, чтобы стог покрыть...

— К тебе пришел? — хмуро спрашивает Пелагея.

— А хоть бы и ко мне.

Глаза у Пелагеи потемнели. Она шагнула к Настасье, но Петр метнул навильник, и Пелагея потерялась в огромной охапке сена. Настасья весело рассмеялась, присела на край стога, зажала меж колен юбку — и вниз. Петр едва руки успел подставить.

— Разбилась бы, дурочка...

Дышит ей в лицо жаром, а на землю не опускает. Попробовала было высвободиться, ан нет — словно в клещи железные попала.

— Смотрят же...

Петр даже не глянул на баб.

— Пусть смотрят. Хозяйкой станешь, никто рта не открывает.

Она вспомнила, как сильно полюбился ей старый домик, в котором они поселились, как впервые рассердилась она на Петра, когда он стал вырубать стенки дупла в старом тополе. Грустная улыбка тро-

нула ее губы: дерево пожалела, испугалась, не выдюжит... Припомнила, как охватило ее беспокойство — это было, когда она ходила Юлькой. Петр не вернулся с реки. Всю ночь проплакала, а утром пришел рыбный инспектор. Снасти искал, а в дупло заглянуть не догадался. Петр пришел на второй день, злой, обросший! Кинулась к нему.

— Извелась вся...

Он ничего не ответил, прошел к старому тополю, осмотрел скороненные в дупле снасти, сказал спокойно:

— А ты уши-то не развешивай. Рубли, они сами в карман не падают.

Тогда Настасья была еще счастлива. Любила, делала все, чтобы поднять хозяйство. Дом с Петром перестроили, под железную крышу завели. В пригоне появились коровка, овцы. Петр сепаратор купил. Она умела радоваться даже малому. А тут такое: дом — полная чаша. Только вот угощать некого. С подружками встретиться и то некогда. Не в раз за реку соберешься. Да и Юлька подрастать стала — дичкой росла. Насмелилась Настасья Саввишна, в первый раз попросила мужа.

— Может, в колхоз вернемся, как все, станем жить?

Петр сверкнул глазами.

— Тебе что, тесно в моем доме стало, или хочешь, чтобы я в ихнем колхозе за пустой трудодень спишу гнул?

Поняла Настасья, не оставит он реку. Приворожила проклятая. Снасти мудреные завел. Крючья на тетиве длинные, в вершок. От ушка ниточка с поплавком — жало настораживает. Зацепится какая рыбина брюхом и уж не сорвется. Опять же доходу больше стало. Петру радость, а ей слезы. Иной раз увидит женщин, что с сенокоса идут, метнется к ним, слово от радости вымолвить не может — наскучалась. Зазовет их к себе, а они поглядывают осторожно по сторонам да поторавливают друг дружку. Обидно ей, а сказать нечего. Сама боялась, что Петр ненароком вернется.

Размышляя сейчас о годах, прожитых вместе с Петром, она видела, как уходили они друг от друга, и расстояние это уже нельзя было ни сократить, ни измерить. Время не изменило ее девичьих желаний, только то, что некогда вызывало прилив радости, желание веселиться, смеяться, петь, — теперь выжимало из глаз скупую слезу. Только и свету в окне — Юлька. Уж как любила она ее, как лелеяла! Не раз подмечала: дочь все к отцовскому тополю присматривается. То в мяч около дерева играет, то классики нарисует, прыгает, а сама прислушивается. Интересно несмышленной, куда отец провалился. В последнее время Петр все больше сам с собой разговаривал. Притворит дверку в дупле и никто не знает, что он там делает: то ли снасти переби-

рает, то ли деньги пересчитывает. Настасья схватит Юльку и — в дом. Но раз не уследила. Петр только осетра приволок, руки шипаком в кровь изодрал. Не успел за собой дверку в дупле прикрыть, а Юлька уж тут как тут

— У, какая у тебя рыба страшная...

Петр побагровел, схватил Юльку и ну стегать...

— А ты не лезь, не лезь...

Бросилась Настасья отнимать дочку и самой досталось. Отошла малость, собралась было с Юлькой к Пелагее на поклон идти. Знала — не прогонит сестра. Однако не ушла. Гости из города понаехали — угощать надо.

После их отъезда у бакенов теплоходы останавливаться стали. Петр подаст лодку, привезет гостя, рыбой одарит, а сам посмеивается: «Все на один крючок ловятся...» В прошлом году сам управляющий с Филиппом в гости напросились. Чернов — мужик обходительный, о здоровье справился, Юльку похвалил. Когда подпили, Петр попросил бригаду рыбацкую подалее к Чугую отодвинуть, и Чернов согласился. Теперь Настасья Саввишне только и радость, когда Чернов придет. И пожалуется ему на колотье в груди, и о Юлькиной жизни помечтает. Иной раз и на свою горькую судьбу посетует.

Вспомнив вдруг, что скоро быть пароходу, на котором придет доктор, Настасья Саввишна осмотрела еще раз комнату и осталась довольна. Свежестью поблескивают окна, на столе новая скатерть, над рукомойником вышитое полотенце. Настасья Саввишна поправила одеяло и взгляд ее скользнул по рукам. Они уже не были такими худыми и желтыми, как в тот раз, когда доктор впервые приехал из района.

За окном слышались шаги и голос Петра:

— С прибытием, доктор!

В комнату вбежала Юлька.

— Пожалуйста, проходите, Серафим Петрович.

Доктор передал Юльке трость, старенький плащ и засеменил к кровати.

— Ну, как мы себя чувствуем, милочка?

Близорукие глаза его слезились и это придавало его лицу какое-то особенное выражение мягкости и сердечного радушия. Настасья Саввишна настороженно улыбнулась, протянула руку. Доктор защелкнул крышку часов, раскрыл черный ящичек, достал трубку и необычно долго выслушивал грудь, спину. Постукал сухоньким пальцем по ее лопаткам, произнес:

— А вы сегодня молодцом!

Он тепло попрощался с Настасьей Саввишной и вышел во двор.

Юлька выскочила вслед. Она знала, что доктор любил ездить с ней на лодке. На этот раз он остановил ее:

— Не беспокойся, девочка, все будет хорошо. Посиди с матерью, меня на ту сторону сегодня Петр Исаевич переправит.

Баженик недовольно глянул на доктора и, не сказав ни слова, пошел к лодке.

Юлька вернулась в дом, подошла к матери, присела на краешек кровати.

— Доктор сказал, тебе лучше?

Настасья Саввишна улыбнулась.

— Сама видишь, ожила вовсе. Хочу к Пелагее в гости сходить. Негоже до смерти обиду держать...

— Ты что это о смерти заговорила? Или доктор что не так сказал?

— Так, все так, — тихо произнесла Настасья Саввишна. — Только и о смерти помнить надо. Потом ни греха не замолить, ни доброго слова людям не сказать. Поэтому и ты помни, что матери обещала. Не хочу, чтобы от тебя через этого Филиппа люди отворачивались. Мне тогда никакой доктор не поможет.

— Не надо говорить об этом, — попросила Юлька, — Я только и ждала, пока ты поднимешься.

— Экзамены-то когда?

— В августе.

— Вот и погоди маленько, отец, поди, сам пошлет.

Юлька поднялась с кровати, подошла к окну. В бору густели сумерки, а над вершинами сосен еще голубела синь неба. Подумала об отъезде, передернула плечами — знала, как озлится отец, узнавши правду, как будет мстить матери. И от этой мысли ушло доброе настроение. Повернулась к матери и испугалась: лицо ее было бледно, на щеках, под скулами, лежали синие тени, глаза смотрели тускло и печально. «Неспроста, наверное, мать о тетке Пелагее заговорила», — подумала Юлька.

Настасья Саввишна дышала ровно и глубоко. Уголки губ ее изредка вздрагивали в слабой улыбке и, наконец, на щеках проступил яркий румянец, какой бывает у детей, когда они спят ровным, безмятежным сном. Юлька осторожно поправила одеяло, отошла к столу, взяла с подоконника учебник химии.

В комнату вошел отец, искоса глянул на раскрытый учебник, настороженно посмотрел на спящую Настасью.

— Плохо дело-то наше, дочка, — шепотом сказал он. — Доктор говорит: надежда на мать плохая. Вот рецепт прописал и в город велит за лекарством ехать. А как я пост брошу?

Над озером висит тонкая дымка утреннего тумана. Прозрачная вуаль тает в свете наступающего дня, открывая спорящую с небом голубизну застывшей в дреме воды. Юлька редко приходила сюда в такую рань. Босые ноги ее покраснели, намочивший подол сарафана лип к ногам. Заметив свою учительницу, она весело крикнула:

— Елена Владимировна!

Елена Владимировна выпрямилась и приложила палец к губам:

— Тос... рыбу перепугаешь. Что тебя в такую рань принесло?

— Отец в город посылает за лекарством.

— Ну, а ты?

— Мать говорит, в институт поступай, а я не знаю, что и делать.

У тетки Пелагеи уж и деньги взяла, а все решить не могу.

— Нечего голову ломать, надо ехать...

— Надо, надо... Это я и сама понимаю, а как вздумаю про мать... Как ей тут одной оставаться? Отец на реку уйдет, а ей, что случись, и воды подать некому...

— Так-таки и некому? А тетка Пелагея? Да она первая придет и сделает больше, чем ты, в три раза! — Елена Владимировна отвернулась и, чуть склонив голову, медленно пошла к лодке.

— Давно хотела с тобой поговорить, да все как-то... обидеть что ли боялась. В деревне поговаривают, Филипп жениться собирается, а ты, знай себе, помалкиваешь. Всерьез решила?

У Юльки во рту горько стало. И рассказала бы все, да как будешь говорить, если к каждому слову отец примешивается. Вспомнился выпускной вечер. Директор школы вручает ей аттестат зрелости, серебряную медаль. Когда начались танцы, мальчишки, словно стоворившись, не дают ей остановиться. И вдруг вопрос: «Чья это такая?» Юлька узнала по голосу говорившего. Это парень из соседнего села, курсант военно-морского училища. Он танцевал с ней вальс, а сейчас кружился с ее одноклассницей, Лидой. «О, это богатая невеста! — насмешливо воскликнула Лида. — Дочь браконьера»...

Как она мечтала уехать, позабыть про все. А потом в ее жизнь пришел Филипп. Несмело перешагнул он порог отцовского дома. Поначалу она радовалась ему. Филипп приезжал часто, рассказывал деревенские новости, посмеивался над агрономом, который поселился у него в соседях и каждый месяц бегал занимать деньги.

Очень скоро Филипп стал своим человеком в доме и от робости его осталась только прежняя манера здороваться. Он всегда говорил: «Здравствуйте вам», видимо желая подчеркнуть какое-то особое уважение к отцу, хотя в голосе звучали уже совсем другие нотки.

Юлька не догадывалась, что отец специально попускает «вожжи», но видела как менялся сам Филипп. «Вся жизнь на том и стоит: я бате твоему, он мне...» Отец часто заговаривал о Филиппе, и Юлька вдруг с ужасом поняла, что и она является частицей какого-то отцовского долга перед этим человеком. Она попробовала намекнуть об этом Филиппу, но тот рассмеялся: «А что, отец против не будет. Мы уже разговаривали». Подумать только — они уже разговаривали! А что же она?

— Нет, с этим, кажется, все покончено, — наконец проговорила Юлька.

Елена Владимировна усмехнулась.

— Кажется? — Они столкнули лодку. Мягко шурша днищем, она сползла на воду, оставляя среди порыжевших камышей узкую дорожку света. Чуть заметная рябь тронула желтые кувшинки, в камышах недовольно загудела потревоженная вышь.

— Ох, Юлька, не нравится мне эта твоя неопределенность. Посмотри на свою мать, подумай...

— А я уже подумала и решила, — а мысленно добавила: «Все решила».

Она пока не мыслила себя без своей Рябиновки. Без леса, вот этого болота, сплошь изодранного светлыми пятнами «окон», но где-то глубоко-глубоко, почти подсознательно в ней уже пробуждалось твердое желание новой жизни, не похожей на жизнь матери. Там, в этой жизни будет много друзей, будет весело, необыкновенно красиво.

На середине озера Елена Владимировна бросила весла, и не спеша, сняла с себя платье. Темный купальный костюм почти сливался с ее загорелым телом. Опустив руку в теплую, как парное молоко, воду, она мечтательно улыбнулась.

— Ты знаешь, учеба со временем становится потребностью. Я так жду сессии! Хотя, скажу тебе, заочнику приходится так работать во время сессии — в кино не вырвешься.

Юлька понимающе глянула на свою учительницу.

— А я, Елена Владимировна, тоже на заочное...

Легкий ветерок потянул лодку к лесному берегу. Елена Владимировна подгребала к тоненькой вешке, которая указывала место рыбьей «столовой». Корма на подводном столике не оказалось. Крупный карп лениво терся широким брюхом о строганные дощечки. Елена Владимировна взяла со дна лодки длинный шест, на конце которого был приделан скребок для забора ила. Таким «прибором» невозможно точно определить запас корма на дне озера, но, за неимением ничего другого, и он давал кое-какое представление.

Лодка двигалась медленно и с берега хорошо было видно всю эту

нехитрую процедуру. Елена Владимировна почерпнула со дна ил и, присев на корточки, принялась выбирать рачков.

Елена Владимировна и Юлька не видели, что за ними наблюдают из-за кустов.

9

Удобно усевшись на старом пне, Петр Исаевич не спеша сворачивал самокрутку:

— Что слюни-то распустили? — буркнул он. — Или голой бабы не видали?

Филипп опустил ветвь, которой прикрывал лицо и неохотно побрел к машине. Второй, человек невысокого роста, молодой, но успевший уже оплыть, поднес Петру Исаевичу зажженную спичку и, когда тот сделал глубокую затяжку, осторожно осведомился:

— Неужто голая?

Его круглая физиономия поворачивалась к лодке, как подсолнух к солнцу. Подслеповатые глаза слезились от мучительного желания увидеть то, что, по его мнению, видели другие: «Дурак, — подумал Петр Исаевич. — А еще счетовод».

Василий Андреевич, так звали колхозного счетовода, называл себя человеком интеллигентного труда и при случае ввертывал такие словечки, что собеседники только диву давались. Девчата посмеивались над ним и прозвали его энциклопедией.

Петр Исаевич посмотрел на лодку, на которой плыли Елена Владимировна и его дочь Юлька, на «энциклопедию». Сказал насмешливо:

— Тут, брат, ученостью не возьмешь. Учителка, она тоже грамотная. Если в кармане зазвенит, она обернется...

Он еще плохо знал Ваську, но уже плел для него прочную узду.

— Будь я при деньгах, разве б полез в такую рань в озеро? Чистейший ревматизм...

— И зря, — равнодушно сказал Петр Исаевич. — Подмажешь — и в коленках скрипеть не будет.

— Мудрый ты человек, Петр Исаевич...

Бакенщик отмахнулся.

— Филька, готовь снасти!

Маленькая лодчонка скрылась за островом, разделявшим озеро на две части. Филипп и Василий разделись и побрели в воду, на ходу разматывая бредень. Петр Исаевич шел вдоль берега, подавая короткие команды. Васька замедлил шаг, а Филипп, налегая на воду, поволол огромное крыло, преграждая заводь. Тетива описала полукруг, и они побрели к берегу.

Юлька не догадывалась, что отец специально попускает «вожжи», но видела как менялся сам Филипп. «Вся жизнь на том и стоит: я бате твоему, он мне...» Отец часто заговаривал о Филиппе, и Юлька вдруг с ужасом поняла, что и она является частицей какого-то отцовского долга перед этим человеком. Она попробовала намекнуть об этом Филиппу, но тот рассмеялся: «А что, отец против не будет. Мы уже разговаривали». Подумать только — они уже разговаривали! А что же она?

— Нет, с этим, кажется, все покончено, — наконец проговорила Юлька.

Елена Владимировна усмехнулась.

— Кажется? — Они столкнули лодку. Мягко шурша днищем, она сползла на воду, оставляя среди порыжевших камышей узкую дорожку света. Чуть заметная рябь тронула желтые кувшинки, в камышах недовольно загудела потревоженная выпь.

— Ох, Юлька, не нравится мне эта твоя неопределенность. Посмотри на свою мать, подумай...

— А я уже подумала и решила, — а мысленно добавила: «Все решила».

Она пока не мыслила себя без своей Рябиновки. Без леса, вот этого болота, сплошь изодранного светлыми пятнами «окон», но где-то глубоко-глубоко, почти подсознательно в ней уже пробуждалось твердое желание новой жизни, не похожей на жизнь матери. Там, в этой жизни будет много друзей, будет весело, необыкновенно красиво.

На середине озера Елена Владимировна бросила весла, и не спеша, сняла с себя платье. Темный купальный костюм почти сливался с ее загорелым телом. Опустив руку в теплую, как парное молоко, воду, она мечтательно улыбнулась.

— Ты знаешь, учеба со временем становится потребностью. Я так жду сессию! Хотя, скажу тебе, заочнику приходится так работать во время сессии — в кино не вырвешься.

Юлька понимающе глянула на свою учительницу.

— А я, Елена Владимировна, тоже на заочное...

Легкий ветерок потянул лодку к лесному берегу. Елена Владимировна подгребала к тоненькой вешке, которая указывала место рыбьей «столовой». Корма на подводном столике не оказалось. Крупный карп лениво терся широким брюхом о строганные дощечки. Елена Владимировна взяла со дна лодки длинный шест, на конце которого был приделан скребок для забора ила. Таким «прибором» невозможно точно определить запас корма на дне озера, но, за неимением ничего другого, и он давал кое-какое представление.

Лодка двигалась медленно и с берега хорошо было видно всю эту

нехитрую процедуру. Елена Владимировна почерпнула со дна ил и, присев на корточки, принялась выбирать рачков.

Елена Владимировна и Юлька не видели, что за ними наблюдают из-за кустов.

9

Удобно усевшись на старом пне, Петр Исаевич не спеша сворачивал самокрутку:

— Что слюни-то распустили? — буркнул он. — Или голой бабы не видали?

Филипп спустил ветвь, которой прикрывал лицо и неохотно побрел к машине. Второй, человек невысокого роста, молодой, но успешный уже оплыть, поднес Петру Исаевичу зажженную спичку и, когда тот сделал глубокую затяжку, осторожно осведомился:

— Неужто голая?

Его круглая физиономия поворачивалась к лодке, как подсолнух к солнцу. Подлеповатые глаза слезились от мучительного желания увидеть то, что, по его мнению, видели другие: «Дурак, — подумал Петр Исаевич. — А еще счетовод».

Василий Андреевич, так звали колхозного счетовода, называл себя человеком интеллигентного труда и при случае ввертывал такие словечки, что собеседники только диву давались. Девчата посмеивались над ним и прозвали его энциклопедией.

Петр Исаевич посмотрел на лодку, на которой плыли Елена Владимировна и его дочь Юлька, на «энциклопедию». Сказал насмешливо:

— Тут, брат, ученостью не возьмешь. Учителка, она тоже грамотная. Если в кармане зазвенит, она обернется...

Он еще плохо знал Ваську, но уже плел для него прочную узду.

— Будь я при деньгах, разве б полез в такую рань в озеро? Чистейший ревматизм...

— И зря, — равнодушно сказал Петр Исаевич. — Подмажешь — и в коленках скрипеть не будет.

— Мудрый ты человек, Петр Исаевич...

Бакенщик отмахнулся.

— Филька, готовь снасти!

Маленькая лодчонка скрылась за островом, разделявшим озеро на две части. Филипп и Василий разделись и побрели в воду, на жоду разматывая бредень. Петр Исаевич шел вдоль берега, подавая короткие команды. Васька замедлил шаг, а Филипп, налегая на воду, поволок огромное крыло, преграждая заводь. Тетива описала полукруг, и они побрели к берегу.

— Не поднимай бредень, дура! — негромко ругался Петр Исаевич. — Вся рыба по низу уйдет! Да по мелям, по мелям шарьте! Вода прогрелась, вот-вот косяки пойдут...

Солнце покатилося по островерхим соснам и огненным столбом упало в озеро. Вода ожила, закипела, забулькала.

— Отхватывай косяк! — закричал Петр Исаевич. — Да не шибко, сеть не вытащим.

В темных спинах рыбьего стада с торчащими плавниками было что-то решительное, неумолимое. Ленивая осторожность, присущая каждой особи, вдруг исчезала, уступая властному инстинкту жизни. Слепленные страстью, неповоротливые самцы теснили прогонистых маток. Шум кипящей воды нарастал. Рыба выбрасывалась вверх, играя золотом чешуи, и с шумом падала в воду, расхлестывая ее ударами хвоста.

— К берегу, к берегу, — сдерживая волнение, командовал Петр Исаевич. Оба рыбака с трудом тащили бредень. Уже сквозь воду в сети были видны поблескивающие золотом рыбы спины.

— Ну что, Филипп, теперь и к дяде в гости можно!?

Филипп покосился на бересту верхней тетивы, приналег, рассекая плечом воду.

— Еще заход сделаем, грузить некуда будет...

Василий Андреевич довольно улыбнулся. «Некуда» означало, что машина в две с половиной тонны будет загружена под завязку. В переводе на мяжку пахоту — по четыреста рублей на брата...

Тяжелые кули с живой икрной рыбой доверху заняли весь кузов. Шофер с опаской поглядывал на рессоры.

— Не журишь, вернешься — новые выпишем, — подбодрил его «энциклопедия». Хозяйским глазом он окинул машину, достал из кармана чистый бланк накладной и принялся заполнять. — Сколько? — спросил он шофера.

Тот еще раз глянул на рессоры, ответил неуверенно:

— Тонны три будет...

Василий Андреевич заполнил бланк, попрощался с бакенщиком и важно сел в кабину. Он должен был провести машину через контрольный пункт и вернуться обратно. Все остальное брал на себя Филипп.

Петр Исаевич вернулся, когда Юлька была уже дома. Настасья Саввишна поставила на стол крынку молока, нарезала хлеба.

— Картошку подогреть?

— Солонинки, солонянки поставь...

Мать и дочь переглянулись. Знали, выпьет отец, опять за свое возьмется. Настасья Саввишна подала тарелку квашеной капусты, спросила робко:

— Нешто гостей ждешь?

Петр Исаевич подмигнул Юльке.

— А что? В самую пору и гостей ждуть. — Он сел за стол, не топясь, со вкусом выпил стакан водки, зажевал капустой. — Видишь — пью, а мать и не жалуется, потому как знает: не из последнего. А ты над книжками с дури сидишь. А что в них, в книжках-то?

Юлька нахмурилась.

— Жизнь.

Петр Исаевич рассмеялся.

— Это тебе учителька наболтала. А я куплю и продам ее вместе с книжками. Вот тебе и жизнь. Когда в кармане пусто, она, жизнь-то эта, не дорого стоит.

Настасья Саввишна поспешила к столу, смахнула крошки, пододвинула мужу сковороду с жареным.

— Ладно, ладно, ешь, чего расходился?

Петр Исаевич потянулся к бутылке, налил половину стакана, но пить не стал, снова повернулся к Юльке.

— Ну, учителька твоя, скажем, девка, с нее и спрос такой. А возьми, к примеру, агронома. Фигура! Что эта фигура, опять же, может? Ничего! Я захочу «Волгу» взять, завтра возьму! А он штаны в кредит покупает. Вот она и жизнь!

Юлька тяжело вздохнула: «Опять за свое взялся». Вслух негромко сказала:

— Неужели ты и в самом деле думаешь, что за деньги все купить можно?

Петр Исаевич усмехнулся.

— Поживешь — увидишь, — и вдруг, посерьезнев, продолжил: — Завтра в город поедешь. Осетринки Николаю Ивановичу сvezешь. У него и остановишься на день-два, пока лекарство изготовят.

Настасья Саввишна просветлела. Ей, очевидно, льстило, что ее дочь может остановиться у такого большого начальника. А может быть, она успела подумать и о том, что Николай Иванович, который относился к ней очень уважительно, и дочке поможет там в городе. Однако спросила неуверенно:

— Хорошо ли беспокоить таких людей?

— Говорю, значит, знаю, — оборвал Петр Исаевич и, уже обращаясь к Юльке, добавил: — У него остановишься. Туда и Филипп подъедет...

Словно горячая волна обдала Юльку: «Опять, опять то же самое!»

— А он зачем, охранять меня будет?

— Ты это что расходилась! — прикрикнула вдруг Настасья Саввишна. — Или тебе уже и лекарства для матери купить в тяжесть?

— Прости, мама.

Юлька отошла к окну. Петр Исаевич удивленно посмотрел на жену: «Ишь ты, тоже кой-когда умные слова произносит».

10

После дождя река преобразилась. У берегов почти не ощущалось течения. Изредка только смеет ленивая волна тонкую золотинку кварца и замрет в ожидании шаловливого ветерка, чтобы вновь лизнуть остывший за ночь песок. Откуда-то со дна всплыл голляк. Вода бесшумно скатилась с полысёвшего бревна, оставив на нем тонкую прядь водорослей. Тихая рябь подернула зеленоватую гладь омута. Тревожно шептались над ним ивы и вдруг, ослабев, поникли, роняя в воду крупные капельки утренней росы.

Юлька шла вдоль самой кромки реки, поминутно оглядываясь, чтобы видеть, как вода заливает ее след. Отпечатки босых ног оплывали, становились мельче и вскоре исчезали вовсе. Ночь, которую она провела без сна, таяла, как этот след на песке. Вспомнила недалекое: вот она, задрав к солнцу облупившийся нос, идет с завязанными глазами, лоя руками воздух. Подружки предостерегают: «Огонь, огонь...» И вдруг: «Сгорела!» Повязка ложится на глаза такой же девчушки, и она с замиранием сердца делает первый шаг: «Холодно, холодно!» — звучат голоса. Девчонка идет быстрее, спотыкается. Она может пройти, не обжигаясь, но, сама не понимая почему, ищет огня... Девчоночья игра. А может быть, сама жизнь? Каждая срывает повязку, когда от «огня» становится невмоготу.

Как все-таки жить? Не ходить же только по проторенным дорожкам?

Она вернулась к дому. Отец нетерпеливо прохаживался возле лодки.

— Что же ты? Опоздаем ведь к пароходу.

Он легко столкнул плоскодонку, сел за весла. Бледная заря, показавшаяся на востоке, окрасилась пурпуром и обняла весь горизонт. Зарево росло и разливалось по всему небу, отражаясь светлыми бликами в угрюмой реке. Петр Исаевич бросил весла и бесшумно опустил на дно самодельный якорь. Здесь, на повороте, река теряла силу и покорно растекалась под белыми звездами лилий.

Юлька ждала, что отец опять заговорит о Филиппе, но он молчал. Вдоль берега уже носились босоногие мальчишки. Пристроившись на ветхом помосте, женщины полоскали белье. Подошла водовозка. Парень что-то крикнул им и принялся черпать воду. На помосте дружно рассмеялись. Женщина в светлом резко выпрямилась, одернула подо-

ткнувший подол. Юлька узнала Елену Владимировну. Хотела помахать ей, но ровный голос отца остановил ее.

— Адресок Николая Ивановича не теряй. Филипп, пооди, уже выехал из города, но я его еще разок за тобой споняю. Вместе и приедете. — Петр Исаевич грузно склонился на бок, так, что лодка жлюпнула днищем, достал кисет, закурил. — Однако, долго-то не задерживайтесь, а то Филипп, чего доброго, еще по театрам водить тебя станет.

Юлька ничего не ответила.

Из-за острова белой чайкой выпорхнул теплоход «Наконец-то». Устав от ожиданий, она смотрела, как легко и красиво он рассекал зеленоватую воду.

— Эй! На шлюпке! Стоп, машина! — в рубке что-то звякнуло, сильная волна подняла плоскодонку. На какую-то секунду Юлька увидела палубу, потом опять белые листы обшивки, холодные стекла иллюминаторов. Отец ловко удержал ее за руку.

Лодка еще прыгала, как поплавок на стремнине, а Петр Исаевич уже подавал шест молоденькому матросу. Не поблагодарив его, он поднялся на борт, прошел в рубку. Через минуту вышел с капитаном. Тот был в форменном кителе, аккуратно выглаженных брюках.

— Дочь в помощники пристраиваешь? — в голосе капитана звучали укориженные нотки, и это никак не вязалось с его добрыми глазами и мягкой улыбкой.

Отец не ответил. Тяжело навалившись на перила, он выплюнул окурок и, проводив его взглядом, сказал небрежно:

— А ты мне не указ. — Он протянул Юльке руку и легко поднял ее на палубу. Какую-то минуту они стояли рядом. — Смотри там, в городе, поаккуратней.

В голосе отца звучали непривычные нотки заботливости и тревоги.

Не попрощавшись, Петр Исаевич спрыгнул в лодку. Капитан подал команду, из-под кормы вырвался крученый, как морской канат, зеленоватый бурун. Вскоре лодка стала крохотной, но Юлька все еще видела широкую спину отца.

По мере того, как лодка отдалялась, таяла в серебристой чешуе реки, волнение у Юльки сменялось новым, еще не ведомым ей ощущением свободы. Она могла подняться на палубу, не пойти к Чернову, побродить завтра по городу. Она могла все. Это было так много, что Юлька долго не решалась сказать себе, что же из всего выберет завтра, как начнет день?

Вокруг сидели, ходили, разговаривали пассажиры. Юлька улыбнулась, увидев, как по-деревенски откровенно обнажив грудь, молодая

женщина кормила голопузого мальчонку. Заметив восторженный и несколько смущенный взгляд Юльки, женщина подвинулась.

— В город?

— В город, — весело отозвалась Юлька.

Ей было хорошо. И оттого, что осталась одна, и оттого, что думалось о чем-то большом и неведомом. Ей нравилось смотреть сквозь щелочки прищуренных глаз на искрящуюся реку. Вот навстречу карабкается крохотный буксир, волоча за собой металлическое тело наливной баржи. Матрос, что принимал у отца шест, сделал несколько отмашек выгоревшим флажком. На буксире приняли сигнал и отвернули влево. Суда обменялись короткими сигналами. Маленький буксир старался изо всех сил. Широкие бока его вдрагивали, на поверхность реки то и дело выхлестывал трос. Казалось, буксир, не осилив течения, так и остался стоять на месте, а теплоход легко летел и летел, подгоняемый ветром.

Юлька достала из кармана бумажку с адресом Чернова и, даже не заглянув, принялась рвать на мелкие кусочки. Белые клочки ложились на воду, пунктиром обозначая путь теплохода.

11

Митрич долго смотрел из-под руки на стайку куликов, которая снялась с озера.

— Дождь будет. Ишь, на зеленыя потянулись..

Старик никогда не ошибался: утренние туманы, поздний или ранний отлет уток, блеск воды, закат солнца и даже то, как кричат лягушки, представляло для него книгу, в которой он читал так же бойко, как горожанин сводку погоды в газете. Многие приметы, основанные на долгом опыте, говорили ему, что зима выдастся бесснежной и вода в озере пойдет на убыль. Это волновало его, и всякий раз, когда приезжал Фирсов, он не упускал случая сводить его в бор, показать огромные муравьиные кучи, пожаловаться на то, что по нынешнему лету и бурьян не растет. Он ждал, что Фирсов вот-вот пришлет строителей и они начнут сооружать плотину, но строители не приезжали.

— Что же это получается? — говорил он Георгию. — Мы с тобой, почитай, всю работу закончили: все озеро вдоль и поперек промеряли, всех букарашек пересчитали, а на реке еще и осинового колышка не поставили. — Его лицо было усеяно добрыми морщинками, которые даются тихой спокойной жизнью, и только в глазах металась озабоченность. — Как же так, а?

С тех пор, как Георгий поселился на озере, Митрич совсем запустил свой промысел. Возчик из совхозной столовой поругивал его за

плохие уловы, а сегодня в садках и вовсе было пусто. Георгий услышал стук приближающейся телеги, взглянул на Митрича.

— Дружок твой едет за рыбкой, что делать будем?

Старик поскреб бороду, сказал растерянно:

— Обсказать придется.

Он помог Георгию спустить лодку на воду и, не торопясь, пошел к возчику. Тот остановил коня у самого домика и, спрыгнув наземь, поджидал Митрича.

— Ну что, Митрич, сам уже не управляешься? Помощничка подыскал?

Митрич усадил гостя на скамейку, что стояла у двери, не спеша вытащил кiset.

— Бог тебя брюхом звон каким наделил! Стало быть, заполнять его надо... — Он взглянул на Георгия и убедившись, что тот занят своим делом, произнес: — Ты не на садки посматривай, а в корень гляди...

— Или опять садки пусты?

Митрич недовольно насупился.

— Пойми: занятой я нынче человек. Сам Фирсов к новому делу приставил. Вот, говорит, Митрич, решай с товарищем ученым проблеме. Возьми, к примеру, карася. Он все по дну обитает, потому как там его первейшее лакомство. — Митрич осторожно приподнял маленький мешочек из целлофана, в котором были собраны донные обитатели озера. — Видал? Бен-тос называется. Этих букарашек там пропасть, одному карасю вовек не осилить. А потому к нему на подмогу еще карпа и линя запустить требуется. Потому — донная рыба. Но нам, вишь, комплекс нужен. — На этом слове Митрич высоко поднял указательный палец. — Понимаешь — комплекс! Вон погляди: озеро голубыми лоскутами пошло — циклоп взыграл. Это пицца для той рыбки, что по верхам гуляет: лещ, к примеру, рипус... Смекаешь, что получается?

— Смекаю, — поднялся возчик. — Что бригадиру-то сказать? Пусть учит поваришу из твоего комплекса похлебку варить, так что ли?

Митрич обиженно отвернулся, кликнул собаку и пошagal к Георгию.

— Все одно скажут: не обеспечил...

Он каждое утро уходил с Георгием на озеро, помогал брать донные пробы.

Как золото на лотке, мыл ил, выбирал личинки, обмерял берега. Работы было настолько много, что на промысел почти не оставалось времени. А когда трясли сети, Митрич не просто сыпал рыбу в садок,

а прежде отбирал несколько карасиков, как он говорил, «для анализа». Георгий научил его определять возраст рыбы. Как и дерево, рыба растет только в теплое время года, и потому на чешуе хорошо видны годовые кольца. Митрич удивлялся тому, что нередко мелкие карасики оказывались намного старше своих рослых собратьев. И Георгий терпеливо и подробно рассказывал о том, что в заморные годы, когда в воде отмечается полное отсутствие кислорода, этот самый карась забирается глубоко в ил и живет за счет разложения собственного тела. Митрич проникался к рыбе каким-то особым состраданием.

В последнюю ночь старик долго охал, жаловался на проклятый ревматизм. Прощались они на рассвете. Старик вышел проводить Георгия.

— Обрати будешь, — заглянь, — сказал он. — Может мы с тобой и вдвоем плотину осилим? Возьмем коня и помаленьку, помаленьку...

— Вдвоем не осилить, Митрич. Фирсов машины обещался прислать.

Они обнялись, и Георгий зашагал вдоль берега.

...Озеро Боровое. Лесистый берег, а под ним впалая грудь огромного озера. Как богатырь, лежит оно в предсмертной дреме. К самой воде скатились кособокие баньки, сарайчики. На высоком берегу — постройки совхоза. Центральная улица идет по кромке древнего ложа. Когда-то сильное озеро оставило после себя толщи перетертого песка и ила. Даже весеннему дождю не прибить пыль. Серый налет песка на крышах домов, на тусклых стеклах.

Вдоль берега серебристая полоса, похожая на кромку осеннего льда, припорошенного первым снегом вперемежку с дорожной пылью. Жадная до падали ворона деловито долбит выброшенную волной дохлую рыбешку. Не успев вырасти, она задохнулась подо льдом. Мальчишка собирает лопатой рыбу и тащит тяжелое ведро на огород. В школе ему сказали, что в ней содержится фосфор.

А озеро все-таки еще дышит, еще живет. Выбрались из донного ила тугорослые карасики, ожили, взбодрились и устремились к мелководным плесам, чтобы оставить после себя еще более мелкое потомство, только и пригодное разве что на удобрение. А в озере промышляли язя! На смену ему пришел карась. А он, по всей вероятности, если ничего не предпринимать, уступит место маленькой вихлястой рыбешке — гальяну, которому и в стеклянной банке хватит жизненного простора.

В блокноте Георгия — зарисовки озер, описания берегового рельефа, характеристика рыбьего стада. По его расчетам, повышение уровня воды несколько не должно ущемить хлеборобов. Озера отступили

а кругом их только высохший камыш да поросший шершавой осокой кочкарник. Сюда и скот-то гоняют в годы бескормицы.

Последние записи Георгий сделал за Зеленом озере уже в конце июля. Здесь его и застал Фирсов. Он только что вернулся из областного управления сельского хозяйства и не скрывал своего недовольствия тем, что его предложение поставить на баланс хозяйствам все пруды и озера, как средства производства, было отклонено.

— Правда, с оговоркой, — уточнил Фирсов. — Временно, пока нехватка техники и средств.

— Выходит, Демидов богаче был, когда посылал на эти самые озера инженера Аболтина? Или, может, смотрел дальше? Водяицу тогда двойной тягой использовали: на плотинах стояли мельницы, а в озерах рыбу разводили. Еще в тридцатом году известный русский зоолог Велижанин на этих озерах язя ловил!

Фирсов медленно шагал по песчаной отмели, искоса поглядывая на зеленевшую гладь озера. С противоположного берега в воду смотрелись островерхие сосны ленточного бора, над огромным зеркалом воды проплывали облака, а ветер нес дурманящий запах тлена.

Фирсову приходилось бывать во многих районах, и он видел вереницы озер, от которых исходил резкий запах сероводорода. Берега темной коркой схвачены, вода зелеными лишаями пошла. Птица, и та стороной облетает такие озера. Он понимал волнение Георгия. И в этой системе озер началась стадия отмирания. Первым из списка живых вычеркнуто Глубокое. Не поставь плотины — за ним уйдет Зеленое.

— Вы не прикидывали затраты на строительство плотин? — спросил он.

— Прикидывал. Но эти суммы пусть не страшат. Каждая копейка рублем окупится. Сейчас улов рыбы в озерах достигает 30—40 килограммов с гектара, а можно получить 5—10 центнеров. Главное — вернуть озерам жизнь. Это же на столетия!.. Запасы корма на дне практически неисчерпаемы — до шести тонн живых организмов на гектаре, а все живое, как вам известно, оставляет потомство.

По данным промысловой статистики прошлых лет, Георгий знал, как богаты были рыбой эти озера. Славное, по-видимому, когда-то отщуповавшееся от теперешней системы озер, в 1928 году дало две тысячи центнеров рыбы. На восточном берегу его и поныне сохранились остатки рыбоприемного пункта — полуразвалившиеся избушки рыбаков. Это озеро умерло так же, как умерло и огромное озеро Глубокое.

— Что ж, мы, пожалуй, обсудим это у себя на исполксоме, — пообещал Фирсов. — В конце концов плотины можно будет строить и на

коммерческих началах. Создать что-то в виде объединенного рыбхоза. Девиденты от вклада...

Георгий недоверчиво взглянул на него, покачал головой, но ничего не сказал.

— Вы не удивляйтесь, — продолжал Фирсов. — Все-таки не совсем зря я в город мотался. Вопрос об озерах обещают поставить на областном совещании работников сельского хозяйства. Мужики соберутся грамотные, копейку считать умеют. Я думаю, руководители совхозов и колхозов поймут, что к чему.

— Руководители-то поймут, а вот чиновники? Скажут: денежки государственные, их экономить надо. Мне же мой начальник читал такую политграмоту.

— Чего ж вы хотите от Чернова? Человек привык во всем разрешения спрашивать, а теперь вдруг самому думать приходится. Вот и растерялся.

Георгий усмехнулся. Он вспомнил свою первую поездку с Черновым, облов нерестилиц на Чугуе, донные сети, куканы.

— Растерянности я у него что-то не заметил. По-моему, он чувствует себя куда лучше, чем рыба — и та, которая живет в реке, и та, которая в озерах. У него все просто: дали план — перевыполни, премия будет. Брать готовое всегда проще, чем сначала вырастить, а затем брать. Ответственность же перед детьми, я уж не говорю о внуках, — материя тонкая и таким, как Чернову, не мешает спокойно спать. Другое дело — сегодняшняя ответственность перед вышестоящим...

12

Городская пристань неожиданно выплыла из ночи и понеслась на судно, обрушивая на него массу света и непонятных звуков. Уставив в одну точку мертвенно-желтые глаза, тяжело вздыхала землечерпалка, над баржами металась цепь портовых кранов...

За кормой потаила серебристая дорожка, и теплоход устало прижался к пирсу. Подхваченная общей сутолокой, Юлька сошла на причал, поднялась по каменной лестнице и очутилась на залитой светом площади. Толпа встречающих схлынула и растеклась по улицам, как полая вода.

Женщина с ребенком уехала последней. Юлька помогла ей сесть в автобус.

Еще в дороге Юлька составила себе план действий: разыскать в институтском общежитии девчонок из Рябиновки, и у них переночевать. Утром заказать лекарство. Потом можно побродить по магази-

нам, купить маме подарок. Но хорошо было думать: разыскать! Куда ночью в незнакомом городе кинешься?

В маленьком привокзальном сквере, устроившись, кто как мог, дремали пассажиры. На скамейке под большим матовым светильником сидел, закрыв глаза, узкоплечий, сухонький человек. Это была единственная скамейка, куда можно было присесть, и Юлька уже хотела было воспользоваться этой возможностью, но человек открыл глаза. Опасливо посмотрел на Юльку, пододвинул поближе к себе портфель и вновь прикрыл глаза. Веки его вздрагивали и было видно, что он не спит. Под светом матового светильника лицо человека и рука, лежавшая на портфеле, казались совершенно белыми, будто лишенные крови. «Должно быть, у этого типа мертвая хватка», — почему-то подумала Юлька. И сразу вспомнила Филиппа. Он говорил так об «энциклопедии». В тот день в Рябичовку привезли новый фильм. Филипп при отце и матери предложил:

— Может, сходим? Говорят, интересная картина.

Юльке очень хотелось и кино посмотреть, и в селе побывать, но она стыдилась при родителях сказать: «Ладно, пойдем». Еще подумают что-нибудь.

— Ты, если сманиваешь, то и привези назад, — строго заметил Филиппу отец. — Поночевничать ей некогда.

Кино закончилось поздно. Юлька пожалела было Филиппа: «Иди, отдыхай. Я у тетки Пелагеи переночую». Но он не согласился.

Ночь стояла лунная. Лодка быстро неслась по сонной реке. Вдруг Юлька заметила, что Филипп правит к острову.

— Куда ты? — насторожилась Юлька.

— Петр Исаич наказывал самолетов глянуть, — голос Филиппа надломился, будто горло перехватило.

Не останавливаясь у вески самолета, лодка прошла мимо и, мягко раздвигая ветви облетших, ткнулась в дернистый берег.

Филипп поднялся, потянулся к Юльке. Лодка дрогнула под его ногами:

— Пойдем, что ли? Я же не так... Женюсь.

Руки у него были потные, лицо бледное, с черными кругами под глазами, как у покойника. Не помня себя, она схватила снятый с ноги туфель, ударила Филиппа наотмашь по лицу и закричала, как могла громко:

— Не подходи, глаза выдеру!

Словно торопясь уйти от этих воспоминаний, она встала и вышла на широкую улицу.

Темные пустые тротуары вселяли какое-то непонятное чувство тревоги. Она вышла на мостовую и пошла посередине. Хотела свер-

нуть на широкую светлую улицу, но в этот момент рядом с ней за скрипели тормоза, ее обдало горячим запахом бензина и жженой резины. Объехав ее, «Волга» с шашечками на кузове остановилась, и Юлька готовилась уже услышать что-нибудь вроде «раззява» или еще хуже. Но распахнулась не левая, а правая дверка, из машины вышел человек и направился к Юльке.

— Простите, я, кажется, не ошибся... То есть, я вас узнал. Почему вы глубокой ночью и одна в городе?

— По вашему совету, в институт приехала. Вот хочу наших рябиновских девочек найти. Они в общежитии живут.

— Да, но почему вы в этой части города общежитие ищете?

— Товарищ, — раздался голос шофера, — давай скорей! Мне в гараж надо.

— Сейчас! — заторопился Георгий. — Тут вст еще девушку надо в общежитие сельхозинститута подвезти...

— Еще новости, подбирать всех на улице будем! — запротестовал шофер. — Давайте расстаться, мне в гараж надо.

Георгий забрал из такси плащ (свой тяжелый багаж с пробами он оставил в камере хранения), взял у Юльки тяжелую сумку, содержимое которой предназначалось Чернову, сказал весело:

— Что ж, буду вашим гидом. Согласны?

Юлька кивнула.

Они шли рядом, Георгий неторопливо рассказывал о городе, о только что закончившейся командировке, о старике Митриче, Юлька слушала и почему-то несколько не удивлялась тому, что именно знакомый ей молодой ихтиолог встретил ее на пустынной улице, что он отпустил машину и идет с ней. Она видела озера, о которых рассказывал Георгий, представляла старого Митрича, и ей даже хотелось самой побродить по тенистым берегам, полазить по камышовым зарослям, послушать в ветхой землянке неторопливые рассказы старого рыбака. Сказала задумчиво:

— Завидую я вам. Ездите, людей видите...

Георгий удивленно глянул на Юльку и, ему показалось, понял ее.

— Насколько я помню, у вас свадьба намечалась. Как ваш суженый, не возражает против того, чтобы вы учились?

— Не надо про это... — попросила Юлька. И вдруг, неожиданно для самой себя призналась: — Нет никого у меня, никаких суженых. А вам я, правда, завидую. Все-таки, наверное, здорово это, когда не просто живешь на земле, а знаешь, зачем живешь. Может, я смешно говорю?..

— Почему же? Нет. Можно есть, чтобы жить, можно — жить, чтобы есть...

Цепочка огней убегала вдаль, словно маня вперед, раскрывая перед ними новые площади, неброские, но красивые дома, улицы. Юлька чутко прислушивалась к ночному городу, мысленно вторя словам Георгия. Сама не зная как и почему, она заговорила вдруг о матери, о том, как уехала из Рябиновки. Георгий слушал внимательно и участливо.

Они подошли к серому многоэтажному зданию. Георгий остановился:

— Вот и общежитие.

Георгий шагнул к парадному входу с высокими стеклянными дверями, нажал кнопку звонка. Юлька с ужасом подумала, что сейчас проснутся все в общежитии, но в огромном доме было тихо. Георгий позвонил еще раз.

В какой-то из дальних комнат вспыхнула лампочка. Послышались неторопливые шаркающие шаги, и за стеклянной дверью показалось недовольное, заспанное лицо пожилой женщины.

— Чего надо? — спросила она, прижимая лицо к стеклу.

— Да вы откройте, — попросил Георгий.

— Может, тебе еще и невесту позвать? — съехидничала женщина и уже хотела было уйти, но Георгий остановил ее.

— Я вот тут девушку привел. В институт к вам приехала. Не на улице же ей ночевать?

Женщина опять прижалась к стеклу, долго рассматривала Юльку и сухо отрезала:

— Все равно не могу. Распорядок.

— Понимаете, — словно оправдываясь, заговорил Георгий, — я бы вас мог пригласить к себе, и, если мы знакомы были подольше, вы бы пошли. Мама у меня приветливая...

Юлька решительно покачала головой.

— Нет, спасибо.

— Ну, а одну на улице я вас не оставлю. — Георгий поставил на тротуар сумку, накинул Юльке на плечи свой плащ. — Будем вместе встречать рассвет и первый день вашей новой жизни.

— А вы умеете красиво говорить, — потупилась Юлька. — День же у меня будет обыкновенный. Надо лекарство заказать. Потом найти рябиновских и отослать с ними; мама-то ждет...

— Если не будете возражать, я вам помогу!

...За стеклянной переборкой с маленьким окошечком сидела молоденькая девушка с высокой прической, читала книгу. Георгий постучал в стекло.

— Скажите, кто у вас из Рябиновки остановился?

Но девушка не успела ответить. В коридоре показался высокий

парень в клетчатой рубаше навypтyск. Начал неприветливо: «А вам, собственно...» Но увидел Юлькy и осекся.

— Вы когда домой собираетесь? — спросила она. — Лекарство маме отправить хотела.

Парень глянул на Георгия, хмыкнул:

— По мне хоть сейчас ехать можно. Филькy жду.

— А где он?

— Знамо где, на базаре. Только что свеа...

Рынок оказался совсем близко. Они прошли под арочными воротами, и Юлька сразу увидела Филиппа. Он сидел на пустом ящике, в руках держал безмен с подвешенным на крючке карпом и бодро покрикивал:

— Подходи, подешевела! Подходи! Свеженькая!

Вокруг него толпились женщины, быстро разбирая рыбу, и покрикивал Филипп, видимо, так, от хорошего настроения.

Георгий заметил, как у Юльки побледнело лицо. Спросил:

— Кто это?

— Тот, кого мы ищем, Филипп... Ворованным карпом торгует.

— Подожди здесь, — спокойно сказал Георгий.

Он подошел к Филиппу, оглядел кули с рыбой. Взял рыбинy, прикинул в руке.

— Икряная?

— Как одна! — бодро ответил Филипп, — Берите, дешевле грибов отдаю.

— И много продал?

Филипп насторожился:

— А тебе, извиняюсь, какое до этого дело?

— Если спрашиваю, значит есть дело. — Георгий достал удостоверение, протянул. — Я ихтиолог областного рыбопромышленного треста.

— А-а, понимаю, — потрянул чубом Филипп. — Документик нужен? Сейчас будет документик. Сейчас... — Глаза у него воровато забегали, будто он отыскивал кого-то в базарной толпе. Неожиданно для себя, наверное, он увидел Юлькy и обрадовался: — Вот она знает, у нее спросите. Это нашенская. А я сейчас за документиком слетаю.

Георгий прикрьл рыбу пустыми кулями, стал ждать. Очередь потихоньку расходилась.

Петр Исаевич в ожидании вестей из города спал в эту ночь плохо и встал раньше обычного. Несмотря на тревогу, которая отравляла жизнь в последние дни, он сохранил привычное спокойствие и только

излишняя потребность к работе выдавала его внутреннее состояние. Он никак не мог поверить, что дочь ослушалась его и осталась в городе. Когда он узнал об этом — лишь случайно не зашиб Настасью, которая клялась, что знать ничего не знает. Да разве он поверит ей? Разве он не видит, как трусливо бегают ее глаза? Все видит, все понимает!

Сойдя с крыльца, Петр Исаевич снял со стены сарая литовку и пошел к ляге, которая тянулась от озера почти до самого дома.

С лугового берега доносились бабьи песни. Что-то далекое, трепетное коснулось вдруг сердца Петра Исаевича. В ушах звонко, озорно зазвенел девичий смех, сверкнули радостные, влажные глаза. Петр Исаевич встряхнулся, зло сплюнул и, грузно переваливаясь с ноги на ногу, пошел к лодке.

Вода в озерах держалась долго, и обычно пересыхающая к этому времени ляга все еще служила ему чем-то вроде естественного канала. Маленькая долбленка с трудом двигалась, подминая камыш, падающий под сильными ударами литовки. Эту «дорогу» Петр Исаевич расчищал ежегодно и почти в одно время. Но первому морозцу, когда вода в реках начнет густеть, а озера покрываются тонким серебристым ледком, он выйдет с Филиппом по этой дороге на озера и станет черпать карася. Рыба в эту пору ленивая, знай бери.

Петр Исаевич занес косу для очередного удара, да так и застыл по другую сторону ляги мелькнуло светлое платье Настасьи и потерялось в густом хороводе берез.

Петр Исаевич привык к молчаливому недоуманию жены и с нескрываемым подозрением, даже злостью, смотрел на то, как в последнее время управлялась она по хозяйству. «Девки который день дома нет, а ей и горюшка мало. Все знает, но молчит, стерва...»

Он взмахнул косой и перед лодкой легла золотая дорожка. Будто боясь опоздать, он двигался к озеру. Большое, сплошь покрытое белыми лилиями, оно открылось сразу, как только лодка вырвалась из узкой камышистой ляги. На берегу, поставив подле себя корзину с грибами, сидела Настасья.

«Сейчас поговорим, — решил Петр Исаевич. — Уператься станет — душу выну». И повел лодку, прижимая ее к прибрежным корягам.

Настасья сидела к нему боком. Взгляд Петра Исаевича скользнул по обнаженным ногам ее, на какую-то секунду задержался на лице и медленно, словно ощупывая, снова потянулся книзу. Настасья вздрогнула. Увидев Петра, растерянно улыбнулась, однако перехватив его взгляд, быстро поднялась, насторожилась. Петр Исаевич будто и не сделал ни одного движения, а лодка уже ткнулась в высокий берег.

Он тяжело спрыгнул с нее и, минуя осыпь, не спеша стал подниматься вверх. Подошел совсем близко, выдохнул:

— Ну вот... Ты удумала Юльку в породе оставить?

Настасья побледнела:

— Сказывала уж я тебе...

Петр Исаевич молча схватил ее за плечо, потянул к себе так, что платье треснуло и расползлось по шву.

— Говори, Настя!

Она, не выдержав его взгляда, отвернувшись, прикрывая рукой обнаженное плечо. Петр Исаевич повернул ее к себе, впился в ее наполненные ужасом глаза своим холодным, тяжелым взглядом.

— Не тронь, Петенька, не тронь... я же опять слягу...

Он оттолкнул ее. Теряя грибы, к озеру покатились корзинка и закачалась на легкой волне...

14

Впервые за многие годы Чернов не рапортовал начальнику управления о досрочном выполнении плана весенней путины. Ничего утешительного не обещал и начавшийся летний промысел. Уловы повсюду были низкими, и Чернов добился разрешения на отлов леца. Однако вместе с лицензией на промысел к нему пришли запоздавшие акты о зимнем заморе, почти начисто опустошившем эти водоемы.

Чернов механически перечитывал бумаги, насаживал их на металлические пластины скоросшивателя. В папке уже много актов. Все они составлены обстоятельно, по всей форме: количество атмосферных осадков за последние три года, температурные колебания воздуха, промеры глубины озера и даже количество погибшей рыбы. Чернов знает цену этим цифрам — сам когда-то учил ставить больше, чтобы при составлении плана не учитывать площадь заморного озера. Поэтому он даже не смотрит на заключение комиссии. Его волнует другое. Сибирская научная рыбохозяйственная станция, по инициативе которой и началось зарыбление озер, требовала сведения по вопросам морфологии леца, весовом и линейном составе, темпе роста и плодovitости новоселов. Надо бы составить умную бумагу, и он написал бы ее в два счета, да вот беда — деньги, отпущенные на мелиоративные работы, остались неиспользованными. Колнись кто — и сразу все наружу. Спрятаться не за что. Спрячат: почему зимой не обогащал озера кислородом, не строил дамб? Да мало ли еще что придет в голову проверяющим. А тут еще свой радатель объявился. Конечно, пока он зеленый. По молодости и по глупости стену головой хочет пробить. Но... Этот дуралей, Филька, ничего не удумал лучшего, как на базаре сидеть с рыбой! И в кого жадный такой?

А специалист-то этот хоть и с дипломом, а сдал рыбу магазину и расписался в накладной, в которой черным по белому: «Принято от ихтиолога рыбопромышленного треста Старцева Г. М. сто сорок семь килограммов рыбы». Какой — не указано. В случае чего этот документик умный человек так повернет!..

Хотя дурачков, говорят, бог бережет. И лучше с этими ершистым ухо держать востро. Не подумал хорошо тогда над приказом, который он сочинил, и, пожалуиста, началась карусель. Зарогтали рыбаки на своих бригадиров. А потом и жалобы пошли: «Нерестилица облавливаем, из ям осетра гребем...» Мер не примешь, того и смотри самому вобучку дадут. Пришлось снять трех бригадиров. И все этот приказ дурацкий... Больше всего он залился на директоров рыбзаводов. Сейчас, когда ему нужны живые центнеры, они взялись читать проповеди о правилах рыбоводства, ссылаясь на его же приказ. Подшили бы и дело с концом!

В памяти цепочкой выстраивались целые ряды цифр. Год от года трест шел с большим перевыполнением плана. Собственно, несколько лет назад это был и не трест — захудалый заводик с пятью-шестью приемными пунктами. А теперь каждый из этих пунктов заводом стал. Однако Чернов по опыту знал: ценить его будут не за то, что было год назад, а по последней цифре в отчете. Будет она, эта цифра, весомая — никто не вспомнит ни про заморные озера, ни про что другое. Нет — значит, нет. Был передовой управляющий, да весь вышел.

Чернов пододвинул тезисы доклада, и на бумагу легла круглая спускательная фраза: «Несмотря на неблагоприятные климатические условия в нынешнем году, которые привели к заморам во многих озерах, рыбаки треста дадут сверх плана...»

Чернов ждал декадную сводку добычи рыбы, и потому не решился сразу поставить цифру.

Зазвонил телефон.

— На линии директор Нижне-Обского рыбзавода, — предупредила секретарша.

Чернов взял аккуратно расчерченный лист бумаги и еще раз пробежал цифры. Только ниже-обские рыбаки шли с некоторым опережением плана.

— Чем обрадуете?

По мере того, как он слушал, лицо его светлело: все четырнадцать бригад сдавали рыбу в счет плана второй декады. Прикидывая, как бы увеличить задание еще на две-три сотни центнеров, он закричал в трубку:

— Поставьте заработок рыбакам в прямую зависимость от добычи. Денег на поощрение передовиков не жалеть! Люди должны чув-

ствовать заботу. Обещаю из личного фонда подкинуть. За две декады надо сделать квартальный план. Да, да, квартальный! Снасти отгрузим, берите рыбаков сверх штатного расписания. Перерасход фонда заработной платы компенсируем. Квартальный план дадите, проведете сокращение штатов...

— План дадим, — слышалось в трубке. — Когда ихтиолога ждать? Пришлете?

— А вы что, не умеете без ихтиолога рыбу ловить? — насмешливо спросил Чернов. — Если умеете, докажите!

И бросил трубку.

В кабинет осторожно вошел директор головного рыбзавода, он же секретарь объединенной партийной организации Жилкин. Ему было далеко за сорок, но выглядел он довольно молодо: худой, юркий.

— Наш юный специалист объявился, — тихо сообщил он. — Сейчас на складе, проверяет, какие снасти выдаются...

Чернов тяжело поднялся:

— Пойдем, и мы посмотрим, что там...

Они вышли во двор. У склада стояла доверху груженная машина. В верховьях реки дела шли плохо, и Чернов дал команду подкинуть рыбакам снасти.

Заметив Георгия, Чернов приветственно поднял руку.

— Сколько лет, сколько зим! Хорошо, что не задержался, дело к тебе есть.

— И у меня к вам тоже, — пожимая пухлую руку управляющего, ответил Георгий. Потом кивнул на грузовик. — Куда это такую прорву сетей отправляете?

Чернов кивнул на Жилкина.

— Вот он жмет, секретарь. Созвал народ на собрание, подработал обязательство увеличить добычу. Приходится теперь разворачиваться, изыскивать возможности.

— Да, — протянул Георгий. — Это резерв! А как другие бригады, не думают увеличивать промысел?

Чернов одобрительно хохотнул:

— Поддел! Ха-ха-ха! Люблю остроумных. Ну, айда в кабинет, потолкуем. Ты там отдохнул на озерах, а мы тут...

Чернов распахнул дверь кабинета и, широко шагая, прошел за стол. И вдруг словно спохватился:

— Да, мне из управления торговли звонили. Ты какую-то рыбу там в магазин сдал?..

Георгий не ожидал такого оборота.

— Да, правильно, сто сорок килограммов карпа. Я его изъясил у браконьеров, на рынке.

— Акт составил?

— Бланков не было. И получилось так неожиданно: посадил меня рыбу караулить, а сам отправился якобы за документами. И с концом...

Чернов поднялся, зашагал по кабинету

— Не пойму я вас, товарищ Старцев. Вроде бы честный, принципиальный... То есть, тот самый человек, которого мы и хотели иметь в тресте. А коснись практических действий — ляп за ляпом. Что это, либерализм или неумение работать? Ну, первый раз упустили браконьеров — ничего не сказал. Теперь опять. Как хотите, но я такие вещи прощать не могу. Надо составить акт и наказать преступника. Тем более, Филипп — мой хоть и дальний, но родственник. Служ пойдет — не оберешься... В общем, так: не оформите документов — вас буду наказывать. Наперед говорю, чтобы потом не обижались.

— Хорошо, Николай Иванович. У меня свидетель есть — дочка Петра Исаевича. Она не откажется.

Чернов недобро взглянул на Георгия:

— Ну-ну, я гляжу, не рыцарь вы, товарищ Старцев, не рыцарь. Это уж я вам так, по дружбе говорю. Филипп штрафом отделается, а каково девке потом в деревню возвращаться? А в общем смотрите, дело ваше.

Георгий еще не пришел в себя от растерянности, а управляющий повел разговор дальше:

— О совещании знаешь? Наш вопрос стоит: «Промышленное освоение внутренних водоемов». Нужно подготовить доклад, и чтобы со всей прямотой и откровенностью. Мертвое, значит наплевать и забыть, а дышит — давай конкретные предложения по использованию.

— Предложение одно: надо строить плотины.

— Это я уже слышал! И тоже скажу — надо. А дальше что? Обосновать требуется, прикинуть: выгодно ли такое мероприятие государству. Это же не экспериментальная лаборатория, а тысячи озер. Так что есть над чем пораскинуть мозгами. И, главное, спешить в водах не нужно. Булькнешь с трибуны, а сделать не сделаешь. Хватит, поговорили в свое время... Давай-ка, дорогой, выкладывай свои соображения — мне доклад писать надо.

Георгий не верил своим ушам и готов был признаться, что ошибся в Чернове. Говорил он по-отечески просто и доброжелательно, будто помогая Георгию определить свое отношение к предстоящим работам на озерах.

— Я свой журнал захватил, в нем записи по каждому озеру. Посмотрите, может быть, пригодятся.

Плотно усевшись за столом, Чернов перелистнул страничку.

«Озера, расположенные в истоках реки Черемши, Тихое и Зеркальное, как отмечала в 1926 году сибирская ихтиологическая экспедиция, были заселены язем. В настоящее время озеро Тихое совершенно безрыбно, а озеро Зеркальное заселено карасем и гальяном. По данным промысловой статистики, в 1928 году из озера Глубокото было выловлено две тысячи центнеров рыбы. В настоящее время это озеро мертвое. По свидетельству местных жителей, уровень озер колеблется, что связано с количеством выпадающих осадков. В годы высокого стояния воды озера оживают, и в них замечается быстрый рост рыбы. В засушливые годы, когда озера мелеют, изменяется и гидрохимический режим: повышается концентрация солей, а в зимний период наблюдается дефицит кислорода. Это вызывает замор, массовую гибель рыбы. Улучшить кислородный режим в озерах и вернуть их к жизни можно только путем строительства плотин...»

Чернов закивал головой.

— Так, так, вполне...

Он с интересом рассматривал зарисовки озер, вчитываясь в краткие описания. Судя по пробам, взятым на каждом озере, в них можно прокормить огромное рыбье стадо, но все водоемы были либо мертвы, либо слабо заселены мелким тугорослым карасем и гальяном. Георгий следил за выражением лица Чернова, пытаясь прочесть, одобряет он его работу или нет. А тот почти не шевелился и только толстые пальцы переворачивали страничку за страничкой. Георгию уже начинало казаться, что Чернов и без него знает все это, но вдруг лохматые брови его удивленно поднялись вверх:

— Ого! С 1811 года изучаются наши озера?! Много же ученые бумаги исписали...

— На все плотины бы хватило, — усмехнулся Георгий.

Чернов сокрушенно покачал головой:

— Полтораста лет — и все без толку.

— Я боюсь, — сказал Георгий, — что и на этот раз все кончится умными разговорами. Озер много, и к каждому свой подход нужен. Враз на все ни сил, ни средств не дадут...

— Что же ты предлагаешь?

— Строить, только не все сразу. Нынче одну систему зарегулировать, рыбу пустить, в будущем году — другую.

— Кхы, кхы, — откашлялся Чернов и, словно поняв что-то очень важное, оживился. — Хорошо! Системы может на первый случай и многовато, а вот озеро какое-нибудь поднять для наглядности, пожалуй, можно. Не спасуешь, если начальником стройки пошлем?

Он пытливо глянул на Георгия и, не получив ответа, сказал одобрительно:

— Хорошую ты мысль подсказал. Не зря в институте профессоров слушал. Завтра на совещании и обговорим этот вопрос. И давай-ка дорогой, начнем с Рябиновки. Места тебе там знакомые, да и озеро доброе — за успех ручаюсь.

— Мне бы сподручней к Фирсову, — задумчиво отозвался Георгий, — почти лето по его озерам лазил.

Чернов пожал плечами:

— Я и против этого не возражаю. Но боюсь, не мы это будем решать. Сам знаешь, как в управлении скажут, так и будет. А с тобой мы в принципе договорились. — Он протянул Георгию руку. — Будь здоров. На совещании будем держать твердую линию...

— Просите, чтоб к Фирсову послали, — сказал Георгий. — Дело там во много раз перспективней.

Чуть приметная улыбка тронула губы Чернова.

— Не сомневайся.

15

Юлька писала тетке Пелагее письмо. Похвалилась, что уже сдала на пятерки два экзамена, просила тетку непременно сходить к матери. Пусть не беспокоится — еще какая-то неделка, и она, Юлька, придет домой. Хотелось ей намекнуть тетке словом-другим о Георгии. Но что напишешь? Что несколько раз была с ним в кино? Что не может понять его: чуть не каждый вечер приходит, расспрашивает о настроении, радуется не меньше ее самой пятеркам и в то же время ведет себя с ней, как с маленькой. Девчонки посмеиваются: «Уж очень положительный какой-то!»

В коридоре послышались тяжелые шаги. Не зная почему, Юлька почувствовала вдруг, как сжалось у нее сердце. Она торопливо свернула письмо, сунула его в карман платья. И в ту же секунду дверь распахнулась и вошел отец. Он вначале молча осмотрел комнату, словно хотел удостовериться, одна ли дочь, прошагал к столу, сел.

— Значит, тут устроилась? Что ж, тут оно вольготней, — посопел, еще больше насупился и выдавил: — С матерью худо, дочка. За тобой прислала.

...Юлька не заметила, когда подняли трап, не слышала команды капитана и только, когда задрожала под ногами палуба от работы двигателей, поняла, что теплоход уже отвалил от пристани.

Подождал отец.

Сухо сказал парнишке, который сидел рядом с Юлькой: «Подвинься». Двигаться было некуда, и парнишка встал.

Петр Исаевич тяжело опустил ся рядом, спросил:

— Передала рыбку-то Николаю Ивановичу?

Юлька не ответила.

— Что с мамой?

— Худо. Не знаю, застанешь ли живую...

Теплоход то прижимался к берегу, и тогда было слышно, как шумит лес, то переваливал на противоположную сторону, и с лугов доносились тягучие бабьи песни.

— Ты уж не реви сразу-то, — глухо попросил отец. — Может, бог даст, оклемается...

Прежние обиды на отца отошли, стерлись перед тем, что предстояло увидеть. Отец рассказал, что лекарства, присланные из города, подняли было мать на ноги, а потом вдруг она слегла и так не поднималась больше...

В Рябиновку теплоход пришел засветло.

Юлька птицей выпорхнула из лодки, у дома перевела дух и, осторожно приоткрыв дверь, перешагнула порог. Мать лежала на ее кровати, поставленной подле окна. Маленькая, тихая, голова высоко, у самой спинки.

— Приехала? — просияла она. — Нашел, значит, отец...

— Да. Я и сама скоро собиралась: два экзамена оставалось...

Она под села к матери, поправила подушку.

— Одеяло приподними, — попросила Настасья Саввишна, — грудь давит. И баньку бы истопить... Заросла ведь я тут без тебя.

Юлька едва сдерживала слезы: мать осунулась, под глазами — синие разводья, губы блеклые.

Чтобы не расплакаться, говорила без умолку. Про институт, экзамены. Раза два упомянула и о Георгии.

— Ты его должна помнить, мама. Он с Черновым весной приезжал.

Радость, что приехала дочь, на несколько минут взбодрила Настасью Саввишну. Но сил у нее оставалось мало. Утомившись от Юлькиных новостей, она прикрыла глаза, вяло прошептала:

— Пожалуй, усну...

Громко побрякивая, вошел Петр Исаевич.

— Ну, как?

— Тише, тише, — зашикала Юлька. — Баню она просит истопить. Разве тут без меня ее никто не мыл?

— Просит, дак истопи, — ответил Петр Исаевич. Прошел к кухонному столу, достал бутылку водки. Словно стесняясь Юльки, пояснил: — Это я не себе. Работник там у меня в сарае, снасти ладит.

Юлька махнула рукой: — Мне какое дело! — и на цыпочках вышла из комнаты.

Баня была маленькой и тесной. Но Юльке она казалась самой хорошей. Летом в ней было прохладно, как в дупле старого тополя; зимой, когда поддашь пару, хоть на снег выбегай. Все в ней было привычно, ничто не менялось с того самого дня, когда отец соорудил однажды полки, лавочки, вмазал в печь котел.

Юлька разожгла каменку, наносила воды, стала налаживать щелок. В бане стало жарко, и она сбросила с себя халат. Сухие дрова в каменке пощелкивали, и она не слышала, как открылась дверь бани. Обернулась потому, что почувствовала на себе взгляд. Вгляделась — Филька. Стоял, загородив дверь, разглядываая ее.

— Ты чего притаращился? Уходи! — закричала Юлька и вместо того, чтобы поскорее надеть халат, загородилась тазиком.

— Кричи не кричи, — прохрипел Филипп и шагнул к ней. — Теперь ты никуда не денешься. — Тяжело дыша, обдавая Юльку противным запахом водки и лука, он больно схватил ее выше локтя, приподнял. Несмотря на острую боль, Юлька крутнулась и вырвалась.

— Не подходи! — кричала она, отступая к полку. — Не подходи!

В это время в дверь бани просунулась голова Петра Исаевича.

— Что тут такое? Почему ты, считай, что голая, с парнем?

— Убери ты этого своего гада! — с визгом выкрикнула отцу Юлька. — Или, может, сам и подучил его? Мною хотел за рыбу рассчитаться?..

— Да ты что? — взревел Петр Исаевич. — Очумела!.. Родному отцу такое... — И вдруг, схватив Фильку за грудки, притянул его к себе. — А ты, значит, так за мои хлеб-соль?.. Дочь и меня позором покрыть удумал?

— Кого теперь позорить? — дернулся Филька. — Этот, городской-то, думаешь, только в глазки ей загля...

Жестокий тычок в живот согнул Фильку, и он, подогнув колени, опустился на пол.

...Настасья Саввишна умерла ночью. Гроб переправили в Рябиновку на отцовской лодке. На берегу покойницу ждала подвода. Лохматая лошаденка медленно потащила скрипящую телегу к кладбищу. Глухая колея прорезала песок. А по ней шаги, шаги, шаги. У палисадников бабы, ребятишки. Встречные мужики снимают фуражки, останавливаются. Юлька идет за телегой. Перед глазами — окрашенный ромбик, за ним — ноги матери, обутые в домашние туфли. Какая-то старуха сказала: «Легче ей, сердешной, в них-то...»

Грохнула о звонкие доски земля, закричали бабы, а Юлька стояла и тупо смотрела туда, куда сыпалась и сыпалась желтая земля...

Георгий подошел к киоску, купил свежий номер газеты. На второй странице нашел свою фамилию и взглянул на заголовок — «Край голубых озер». Он не узнавал своей статьи. Все в ней было не то, не так, даже заголовок другой кто-то придумал. «Кого же это угораздило придумать такой заголовок? — подумал он. Голубыми озера могут казаться и оттого, что верхние слои воды катастрофически перенаселены мельчайшими микроорганизмами, которые и придают им голубой цвет. Чаще такие озера либо очень слабо заселены рыбой, либо мертвые совсем... Где же смысл?»

В статье было все: красоты, имена исследователей и даже перспективы. Не было главного — физического изменения, которое терпели озера, причин, ведущих к заморам, количества погибшей рыбы, взятого из отчетов. Такие статьи обычно печатаются под рубрикой «Твой край родной».

Георгий подумал о предстоящем совещании, вспомнил Фирсова, доброе лицо старого Митрича и отчетливо представил, как они будут посмеиваться над его статьей.

В тесном дворике под старым тополем сидели вызванные на совещание директора рыбзаводов и совсем по-домашнему о чем-то разговаривали с Черновым. Мужики все крупные, с большими руками — из рыбаков.

Георгий поздоровался со всеми. Чернов подвинулся, давая место, сказал приветливо:

— Вот он, наш землепроходец, — и потянулся к газетке, которую держал Георгий. — Читали? Очень мобилизующая статья. Прямо в точку! Молодец, Михайлыч!

Георгий усмехнулся:

— За что благодарить-то? Выжимки одни. Главного-то, ради чего статья писалась, нету.

Чернов озадаченно развел руками и посмотрел по сторонам, словно приглашал всех, кто был рядом, в свидетели.

— Скромность, конечно, украшает человека. Особенно молодого. Но, по-моему, статья что надо. Вот и товарищи скажут.

— Я бы гордился такой статьей, — бодро проговорил Жилкин.

— А как же? — подхватил седобровый грузный мужчина. — Нам трэба гнилые озера колхозам спихнуть. Кто ловчее это зробить, тот и может гордиться. С точки зрения государственности такая линия, может быть, и не того... А с ведомственной точки — она самая...

— Георгий Михайлович имеет в виду не это, — отмахнулся Чернов. — Нам надо поднять озера, а без любви к делу этого не сделаешь.

— Любовь, конечно, чувство сильное, — мягко перебил его Георгий, — и плохо, когда люди считают одну только выгоду, причем, главным образом, вознаграждения, которые им причитаются. Рыбаку без душевности, без тонкого понимания природы жить нельзя. Но о выгоде, по-моему, надо думать с прицелом. Крестьянин, например, какие бы трудности у него ни были с питанием, не повезет на мельницу последний мешок зерна. Он собирается и на будущий год калачи есть...

Чернов поднялся.

— Ну, Георгий Михайлович, ты куда-то в глубокую философию ударился. — Глянул на часы и заторопился: — Пора! Не то на совещание опоздаем.

Вышли на улицу. Но разговор и там продолжался.

— Нет, вы мне объясните, — настаивал седобровый, — як же оно получается? Были годы — на большом притоке я с бригадой промыслял. Брала тайменя, нельму, осетра. Мы добычу ведем, а нам острастки всякие шлют: нерестилища не облавливай, молодежь не бери. Раз инструкция, мы не облавливаем, не берем. Большой приток теперь сдох. Дальше слушайте. Перешли мы на Обь. Острастки снова шлют. Но как ты втолкуешь рыбаку, что слушаться этих бумаг надо. Озлился рыбак — все одно, мол, сдохнет ричка...

— Это гнилой разговор, — строго обрезал Чернов. — Демагогия. Нам сейчас правильную и единую линию выработать надо, а поспорить — дома успеем. Я вот кой-какие цифры просматривал. Красивая картина получается! Пруды дают больше рыбы, чем наши озера. Что это значит? А это значит, что плотины ставить не-об-хо-ди-мо! Только и в этом вопросе надо понимать политику. Будь средства, не-зачем было бы и обещание собирать, время тратить. Денег нет. Значит, надо народ убеждать. Георгий Михайлович правильно выступил со своей статьей, показал людям перспективы озерного рыбоводства. Если возьмут в ведение колхозов и совхозов системы озер, скажем, по рекам Черемше и Змеевке — жадничать не станем. Ведомственные интересы не должны заслонять главного...

— Возьмут ли?

— Как предложить!

Они подошли к Дворцу труда. Над входом пламенело алое полотно: «Добро пожаловать». Чернов забеспокоился:

— Начальство разыскать надо, согласовать кое-что, — строго напомнил: — После совещания — все в трест.

У входа толпилось уже много народа. На груди у многих — правительственные награды. Разговор о хлебе, о водных угодиях. Одни жаловались на эрозию, другие хвалили какого-то директора совхоза.

который в свое время не стал распахивать многолетние травы и по весне снабжал район семенами. Георгий обошел вестибюль, с любопытством осмотрел фотографии, красочные стенды.

— Вы что же это, старых друзей не узнаете?

Георгий обернулся и увидел за столиком Фирсова. Рядом с ним сидели заторелые, возбужденные мужчины, пили пиво.

— Здравствуйте! — радостно шагнул к Фирсову Георгий. — Я уже во все закоулки заглядывал. Думал уж, вы не приехали.

— Надо знать, где меня искать, — засмеялся Фирсов и подошел к Георгию свободный стул. — Да, прочел, прочел вашу статейку. Вот сидим и обсуждаем с товарищами.

— Я шутки люблю, — нахмурился Георгий. — От Чернова слышал, что в жилу материалец. А мне, честно говоря, людям в глаза смотреть не хочется.

— Это почему же?

Георгий достал из кармана вчетверо сложенные листы бумаги с машинописным текстом.

— Вот второй экземпляр той статьи, что я относил в редакцию.

Фирсов пробежал глазами, затем начал читать вслух:

— «О каком ведении озерного рыбоводства может идти речь, если сотни водоемов неизвестно когда и кем отнесены к разряду бесхозных»... Так, так... Дальше тут идет, что в газету попало... А вот этого нет! «Давно пора отбросить упования на неблагоприятные климатические условия, ведущие к неизбежным заморам. Ускорить процесс зарыбления водоемов можно лишь единственным путем — поставить на баланс хозяйствам каждое озеро, пруд... Водоемы должны стать средством производства, равно как луга и пашни»...

Фирсов аккуратно собрал листы, передал Георгию.

— Не журитесь, может, в редакции эти строчки выкинули из-за стиля, — заговорил сидевший рядом с Фирсовым мужчина с угловатым, заветренным лицом. — Мы на днях в своем совхозе толковали на этот счет: ставить плотины или не ставить? И, скажу вам, не так просто поднять на это дело народ. Очень много таких, кто считает эту затею баловством. В землю, говорят, или в животноводство вложи деньги — окупятся. А в силу мертвого озера не верят и — баста...

— Надо убедить. Взять карандаш, бумагу... Простейший расчет.

— А-а, карандаш, бумагу! Мужик, пока сам не пощупает, не поверит.

— Простите, тогда получается заколдованный круг! — вздернул плечами Георгий. — Вы говорите, чтобы убедить, надо пощупать. Но ведь, чтобы было что пощупать, надо сделать!

— Вы не волнуйтесь, — улыбнулся Фирсов. — Директоров совхо-

зов тоже надо знать. Сейчас вот он по инерции отбрехивается, а строить будет. На исполкоме мы тоже решение уже приняли. Дело за организатором. Идите к нам начальником стройки?

Георгий развел руками:

— Я бы с удовольствием, но Чернов грозитя в Рябиновку послать. Для примера. С малого начинать решил, чтобы без осечки...

— Да, — понимающе протянул Фирсов. — Твоего начальника на козе не объедешь. Озера там богатые и свои энтузиасты-рыбоводы есть. Рассказывают, какая-то учительница карпа завезла, разводит...

Раздался звонок. Фирсов не спеша допил пиво, поднялся. За ним встали остальные.

Председательствующий предоставил слово докладчику.

Чернов быстрыми, уверенными шажками прошел за трибуну. Она была слишком высока для него, и поэтому Георгий видел только круглую и желтую, как дыня, голову управляющего. Чернов разложил листки своего доклада, глянул в зал.

— Товарищи, сегодня впервые за многие годы мы собрались, чтобы по-деловому обсудить проблему сельскохозяйственного рыбоводства. В статье товарища Старцева «Край голубых озер» очень хорошо сказано о перспективах развития этой отрасли хозяйства. Для большей убедительности приведу некоторые цифры: площадь озер у нас составляет более 100 тысяч гектаров водной поверхности. Кроме того, колхозами и совхозами создаются искусственные водоемы — пруды, площадь которых около четырех тысяч гектаров. Прудовое рыбоводство в колхозах и совхозах нашей области развивается довольно успешно. Сейчас уже около ста хозяйств имеют рыбоводные пруды. Работают карповые рыбопитомники. Закончено строительство двух питомников, которые будут давать полтора миллиона карпов-годовиков. Себестоимость центнера выращенной рыбы колеблется от двенадцати рублей до тридцати девяти. Ежегодное производство прудовой рыбы в наших хозяйствах к 1970 году планируется довести до 20 тысяч центнеров. — Чернов окинул взглядом зал и продолжал еще более напористо: — Но, несмотря на весьма убедительные цифры, которые я привел, работа эта до сего времени ведется на чисто любительских основах. В одном хозяйстве строят пруды, а в другом — десятками лет лежат не использованные ниже неудобья...

Начальник управления многозначительно кивал головой и что-то быстро записывал в блокнот. Фирсов тронул локтем Георгия:

— Знает, с какого конца за дело взяться. Сейчас начнет свои дохлые озера расторговывать.

И верно, Чернов очень ловко перешел к озерам.

— Хочу обратить ваше внимание на совершенно не использован-

ные пока резервы. Озера степной части нашей области расположены в борях. Эти озера нередко представляют собой расширенные русла речек, что в значительной степени способствует их промышленному освоению. Обширна также площадь пойменных озер Оби и ее притоков и правобережной лесостепи. Многие из присутствующих хорошо знают эти озера. Все их можно отнести к рыбопромысловым, но они сильно запущены. Из года в год наблюдается падение уровня воды. В прошлом в этих озерах водились щука, чебак, линь, карась, окунь...

— А еще раньше здесь было дно моря, в котором киты плавали, — громко вставил кто-то.

Георгий обернулся и увидел согнувшегося над газетой человека с большими волосатыми ушами.

— Председатель из Рябиновки, — шепнул Фирсов, — Александр Егорович Пономарев. Любопытная личность...

Пономарев обернулся к своему соседу и шепотом начал читать что-то.

— Агитка, — небрежно бросил тот. — Поставить на баланс... Да я лучше три спускных пруда построю. Буду знать, что мои. А как ты поделишь это озеро, если на нем три колхоза сидят? Один деньгу будет выкачивать, а другой — на чужом горбу кататься.

Начальник управления нетерпеливо забарабанил по звонку.

— Товарищи, прошу внимания!

В зале шелестели газетами, переговаривались, не обращая внимания на докладчика. Георгий чувствовал, как у него от волнения взмокли руки. А Чернов монотонно продолжал:

— В области можно выделить четыре перспективных рыбохозяйственных типа озер: рипусо-карповые, карасево-карповые... Каждое из этих озер, разумеется, при правильном ведении хозяйства, способно дать до пяти, шести центнеров рыбы с гектара...

Аплодисментов не было. Чернов вытер платком затылок и вышел из-за трибуны. К удивлению Георгия, на лице его не было ни растерянности, ни разочарования. Он даже, пройдя в президиум, улыбнулся залу.

— Вопросы к докладчику будут? — почему-то очень строго спросил управляющий.

Георгий тревожно осмотрел зал. Не поднимаясь с места, Пономарев выпрямился и стал сразу на голову выше всех сидящих.

— Товарищ Чернов нам тут любопытные штуки о перспективах рассказывал. А может, лучше было бы начать с объяснения, почему подошли озера? Сто тысяч гектаров все-таки! И еще попутно — есть ли конкретные лица, которые понесут за это ответственность?

— Этот вопрос ко мне? — заискивающе спросил Чернов начальника управления. — Или, может быть, вы ответите?

— К докладчику! — недовольно бросил тот.

— Товарищи, — поднялся Чернов, — климат у нас характеризуется малым количеством осадков, большой сухостью воздуха и резким колебанием температур. Отсюда и цикличность маловодья и многоводья озер... Наши радости и беды! А что касается ответственности, — могу сказать: за народное достояние в равной мере отвечает каждый из нас, и я в том числе. Мы и собрались для того, чтобы поговорить об этой ответственности и о том, чтобы уберечь то, что милостиво даровала нам природа. Надо, чтобы колхозы стали настоящими хозяевами озер. И спрос за них надо учинять, как за землю...

Пономарев недовольно отмахнулся и снова сгорбился над газетой.

— Так что же вы хотите, мертвые озера на баланс хозяйствам навязать? — выкрикнул кто-то.

— Сейчас некоторые из озер не представляют большой промышленной ценности, и ставить их на баланс и планировать выход продукции никто не станет. Но когда озера войдут в силу, думаю, вы сами от этого не откажетесь?

Георгия так поразила ловкость Чернова, с какой он выкрутился из острого положения, что даже возмутиться не смог. «Ну, ловкач, ну, налим! — изумлялся он про себя. — Вот из таких раньше, наверное, прасолы выходили». И все-таки по насупленному лицу начальника управления чувствовалось, что тот недоволен ходом совещания.

Выступающих было мало. Говорили в основном о прудовом рыбоводстве, о том, что в области негде взять сеголеток карпа, недостает питомников, и никто ни словом не обмолвился об озерах. Чернов зачитал наспех подкорректированный проект решения.

По существу, это было краткое переложение его же доклада. И только один пункт четко определял действие: «Командировать ихтиолога треста товарища Старцева в Рябиновку для организации строительства плотины...»

Пономарев все утро мотался по разным организациям, устраивая какие-то колхозные дела. Из города выехали только после обеда. Георгий ждал, что председатель заговорит наконец о своих озерах, о предстоящем строительстве, но он угрюмо молчал. Под колеса неудержимо рвалась степная дорога. На полях, свесив колосья, желтела пшеница, горбились стога соломы. Георгий чувствовал себя лишним, чужим, понимал, как некстати для председателя и для колхоза это ре-

шение о строительстве плотин. Весь народ в поле, ни одного свободного трактора. Хлеб!

Однообразный степной пейзаж утомлял его. Однако выцветшие поля стали перемежаться березовыми колками, и вскоре машина вошла в лесную просеку. Повеяло прохладой. Сквозь островерхие кроны мелькали голубые лоскуты неба. Георгий удобно уюстился в углу своего сидения, прикрыл глаза.

Вроде бы и сбылось его желание. Он едет строить свою первую озерно-рыбоводную ферму. Сколько он думал об этом, там, на фирсовских озерах! Комплексное использование водоемов позволит снимать три урожая рыбы в год, и, самое главное, интенсификация ни в какой мере не снизит качественных достоинств озера, как основного средства производства: оно не изнашивается, не постареет, не станет беднее. В этом, пожалуй, и заключаются основные преимущества рыбного хозяйства. Оно эксплуатирует запасы живых организмов, обладающих способностью воспроизводства. Надо только научиться направленно вести процессы, соблюдать соотношения между ростом рыбьего стада и восстановлением кормовой базы. «Живой хлеб!» И это уже не фантастика. От того, как он сумеет доказать все это, зависит будущее множества других озер. Он мог бы считать себя счастливым. Не каждому удастся вот так, сразу, получить возможность практического воплощения своих идей. Но где-то глубоко-глубоко, почти против его воли, всплывало горькое чувство обиды... Нет, ему не поручили новое дело, его попросту отстранили от главного. В разгаре летне-осенняя путина — время основного промысла. Чернов отгружает сети, и никто уже не помешает облавливать зимовальные ямы, промышленлять осетровых и лососевых.

Хотя в Рябиновке тоже браконьеров хватает. Один родственничек Чернова что стоит!

Подумав о Филиппе, вспомнил о Юльке. Странно! Бросила экзамены сдавать, уехала и не оставила даже записки. Дичок какой-то, а не девятнадцатилетняя девушка...

Машину резко тряхнуло. Георгий глянул на спидометр: стрелка подрагивала у цифры 80. Председатель недовольно ворочался на своем сидении, словно никак не мог устроиться удобно.

— Далеко еще до ваших озер? — спросил Георгий.

Пономарев обернулся:

— Да нет, скоро будем. — И доверительно: — Я вот сижу, думаю: поставят на баланс эти озера. Пойдет рыба или нет — вопрос, а план дадут! Сейчас я сам завел карпа, сам хозяйничаю потихоньку. А тогда не открутишься! Скажут, производственная единица, ферма. Если верить Чернову, почти как животноводческая, вроде стада бычков. —

Он посмотрел в боковое стекло, помолчал и вдруг просто душно: — А может, вам и не поглянутся наши озера. Два из них совсем никчемные, одна лаборатория кое-как держится.

Георгий усмехнулся.

— Прибедняетесь. Я сам видел, какого карпа промышляют на вашем озере.

— Промышляют? Наш нештатный рыбовод, учительница Елена Владимировна шефствует над озером. Она только вот, на днях, разрешила первый отлов. Где ж вы успели увидеть?

— В городе, на базаре. Ваш учетчик, по имени Фильш, — фамилия у меня тоже записана — торговал.

— Что вы говорите?

— А что, Александр Егорович, — вмешался в разговор шофер. — Не зря же Филька путается с этим бакенщиком, Исаичем. Там и Юлька, и рыба...

— Ты Юльку не задевай, — оборвал его Пономарев. — Пелагея Саввишна недавно приходила, просила за нее. Горе у девки. Да и... — Пономарев покосился на Георгия, — товарищу неприятно слушать такие разговоры о Юлии Петровне.

Георгий почувствовал, что краснеет.

— Извините, но... такая осведомленность...

— Не обижайтесь. У нас село. На одном конце чихнешь, на другом скажут: «Будь здоров». По-моему, даже лучше, если и вы будете знать, что о вас в селе уже кое-что известно.

Они замолчали. Машину бросало из стороны в сторону, и вдруг узкая просека расступилась, и взору открылись поблекшие поля, село у самой реки.

— У меня заночуете, — сказал председатель. — А утром квартиру подыщем.

Эти слова вернули Георгия к тому, зачем он ехал в Рябиновку. Завтра начнется его первый рабочий день. Каким он будет тут, в Рябиновке?

— Простите, тем более, что это теперь не секрет, хотя я боюсь, что сарафанное радио в своих прогнозах перестаралось, — я хотел бы у бакенщика побывать...

— Возражений не имею, — пожал плечами Пономарев, — если хотите его повидать. А если дочь, то за реку ехать незачем. Она после того, как мать скоронила, у тетки живет, в селе.

— Как скоронила?

— Обыкновенно...

...Осенняя ночь с ее легким, словно прозрачным холлодом, оставила после себя лишь крупные, блестящие капли росы, некоторые кло-

нили к земле сочные, прибрежные травы. Юлька уже успела все рассказать: как уехала из общежития, как хоронили мать, как ушла из дому.

— Тетка Пелагея говорит, учетщицей на ферму можно устроить меня. А я не хочу, чтобы меня устраивали. Пойду хоть дояркой, хоть телятницей...

— Ты вначале с институтом реши, — наставительно сказал Георгий. — Съезди, объясни. Не так много у них абитуриентов, которые сдают вступительные на пять. Потом у тебя же медаль! В порядке исключения могут тебя зачислить!

Юлька остановилась у ограды невысокого домика, несмело предложила:

— Зайдем?

Скрипнула покосившаяся дверь, и они очутились в низенькой комнатке с большой русской печью у входа. Казалось, потолок только и держится на ее широких плечах. С лавки от стола поднялась пожилая женщина. Георгий почувствовал на себе ее строгий взгляд. Юлька вышла чуть вперед, как бы заслоняя его собой.

— Знакомься, тетя, это — Георгий.

— Угу, — кивнула тетка Пелагея и протянула Георгию руку: — Что ж, будем знакомы. Здравствуйте. — И к Юльке: — Раз привела гостя, давай собирай ужин.

Стол был накрыт по-праздничному. Чай перекишел и чуть отдавал веником, но этого никто не замечал. Тетка Пелагея допытывалась у Георгия про его работу в Рябиновке, заставила рассказывать о матери, об отце. И все подливала в его стакан чай. И Георгию маленькая комнатка уже не казалась такой неудобной, и наивная откровенность тетки Пелагеи не была такой сумрачной.

18

«Действительно, мир тесен», — подумал Георгий, встретив в коридоре конторы колхоза «браконьера» Боброва, который втравил его весной на Чугуе в конфликт с рыбаками. Старик его тоже сразу узнал.

— Разыскали-таки? — вяло улыбнулся он. — А я-то думал, отняли тогда снасть и делу конец.

Георгий протянул ему руку.

— Кто старое помянет, тому глаз вон. Я не штрафы взывать сюда приехал, работать. А вы что?

— Председателя жду.

— А его разве нет?

— Здесь. Но там у него задушевный разговор идет. Слышите?

Вам как начальству — заходи и вся недолга, а мне уж лучше в такой момент со своими делами не лезть.

У Пономарева сидели Филипп и пухленький мужчина в очках, как узнал после Георгий, — счетовод колхоза. Они обернулись, когда Георгий вошел. Пономарев сделал попытку улыбнуться:

— Вы по-городскому спите. Правда, я домашним наказал, чтоб не будили. Мы-то живем по-деревенски: следом за курами спать ложимся, зато до света встаем. — И хмуро кивнул на Филиппа: — Узнаете?

Георгий пытливо взглянул на Филиппа: как он-то относится к такой, должно быть, неожиданной для него встрече? Под левым глазом у Филиппа темнел старый, отживающий свои дни синяк. Но, растерянности на лице у него Георгий не заметил.

— Я думаю, товарищ сам должен честно признать, — начал Георгий.

— Что признать? — окрысился Филипп. — Что признать?? Что девуку не поделили? Про это вся деревня знает. А то, что я карпом торговал — брехня! Карася как-то возил, на опираюсь. Это вот и Василий Андреевич видел, — и он кивнул на счетовода. — Помнишь ведь, Василий Андреевич?

— Да, — с готовностью затряс тот головой. — Я еще сказал: что ж ты, Филя, мне на пирожок не предложил? А он: «Да они мелкие!» Филипп оживился:

— Говорю: карасем торговал!

— А вот товарищ говорит — карпом. И я ему верю, — твердо сказал председатель. — В общем так: сто сорок семь килограммов по полтиннику, это — семьдесят три рубля, пятьдесят копеек. Хочешь — сам внеси в кассу, а нет — высчитаем.

— Это суд решит!

— Суд с твоим «фонарем» разбираться будет, а за колхозную копеечку я сам спрошу.

Счетовод закрутился на стуле:

— Александр Егорович, вы, я понимаю, председатель... Но мой долг уберечь вас от действий, которые, если смотреть с юридической стороны, как бы это сказать...

— А так сказать, — оборвал его Пономарев, — попроси у товарища Старцева официальное отношение или акт, он знает, что нужно писать. Вынесем этот вопрос на заседание правления, — вот тебе и вся юриспруденция. Понял? Будем считать разговор законченным, — отодвинул бумаги, вприщур посмотрел на Георгия: — Все думаю, с чего бы это Чернов тебя на наши озера послал? Выгоды-то ему никакой. Озера ведь наши! А может, он и о прибыли только так, к слову?

Георгий понимал: прежде чем приступить к строительству плотины, председатель хотел знать, что дадут ему его озера.

— Сейчас ваша лаборатория дает пятьдесят-шестьдесят килограммов рыбы с гектара. Так? Но уловы можно довести до десяти центнеров! Пересчитайте, во что это выливается.

— Хорошо! А Чернову от этого какая польза?

— А он пальцем показывать будет, чтобы потом свои озера спикнуть. Забот меньше, славы сколько угодно — организатор.

— Да! — Пономарев поднялся, подошел к окну, распахнул створки. Вместе с запахом луговых трав и леса в кабинет влетел сытый душок испеченных хлебов. — Эй, Колька!

К окну поспешил мальчишка в резиновых сапогах и великоватой для него фуражке.

— Чего?

— Слетай за Еленой Владимировной. Скажешь, иждиолог приехал.

Вернувшись за стол, Пономарев пододвинул к себе счеты, защелкал костяшками. Георгий легко разгадывал значение слагаемых. Площадь озера исчислялась в девяносто гектаров. При строительстве плотины в единую систему входили еще два озерка по тридцать гектаров каждое. Пономарев бросил на счетах цифру 150 тысяч — конечный выход продукции, и тут же вторая цифра — 75 тысяч — доход в рублях.

— Что ж, математика немудреная, — заключил председатель. — Только я ведь не директор, а председатель. Все это на правлении обговорить надо...

Скоро в контору пришла Елена Владимировна.

— Знакомьтесь, — поднялся из-за стола председатель.

Елена Владимировна протянула Георгию маленькую загорелую руку, улыбнулась.

— А я уже слышала о вас. Надолго к нам?

Пономарев тут же приступил к деловой части разговора.

— Надо показать Георгию Михайловичу наши озера, лабораторию. Лучше вас, Елена Владимировна, это никто не сделает. Я тоже с вами поеду. Посмотрим вместе, где ставить плотину. У меня насчет этого своя думка есть.

Огромное озеро дремало под ясными, но уже не жаркими лучами осеннего солнца. С противоположной стороны в тихое зеркало, словно прихорашиваясь, смотрелись вековые сосны.

— Да-а, — залюбовался Георгий, — на таком озере рыбозавод поставить можно!

Спустились к воде. В сочных камышах пряталась маленькая чернобокая лодчонка с одним веслом. Елена Владимировна пропустила

председателя и села рядом с Георгием. Лодка раздвинула ксамыщи и тихо пошла вдоль озера к прятавшейся в кустах речушке. Остановилась она около старых, осевших от времени и размытых водной остатков дамбы.

— Вот тут, наверное, плотину лучше всего ставить, — сказал Пономарев. — Я еще мальчишкой был, помню, — тут мельница-водянка была. Потом она из моды вышла — в районе появились современные мельницы. Плотину ремонтировать перестали. А по ней, бывало, ездили в деревню Македонку. Напрямую-то тут не больше трех километров, а в объезд — двенадцать.

Говоря о строительстве плотины, председатель не столько думал о рыбе, сколько о дороге, которую уже несколько лет намеччали провести, чтобы связать с центральной усадьбой самую крупную, шестую, бригаду.

— Место, пожалуй, подходящее, — согласился Георгий. — Вода поднимется, затопит лужок и по каналу пойдет в дальние, заброшенные теперь озера. И эта старая дамба пригодится.

— Давайте уж сразу пройдем, посмотрим, где лучше провести дорожное полотно, — предложил Пономарев. — Все равно строить придется.

Солнце уже отбрасывало длинные тени, когда они поднялись на небольшой взгорок. Отсюда открывались поля шестой бригады. Далеко, на самой кромке земли, пыжили машины. Председатель смахнул со лба крупные капли пота, оглянулся. Далеко внизу лежало уснувшее озеро. А чуть дальше, за озером, притаилась Рябиновка.

— А тут, рядом с плотиной, можно будет построить маленькую лодочную станцию, оборудовать пляж..

Пономарев обернулся к учительнице, сосредоточенно посмотрел:

— Что вы говорите?

— Пляж, говорю, и лодочную станцию.. Сами же сетуете, что молодежь бежит из деревни. Дайте материал, мы, что сможем, после работы будем делать, субботники организуем..

— Дайте... — покачал головой Пономарев. — Можно и думать, у меня в кармане и сваи, и щебень..

— В городе у строителей, по-моему, можно добыть бракованные бетонные плиты и столбы, — высказал мнение Георгий. — Я, правда, никогда не интересовался, как трудно их заполучить и дорого ли они стоят, но я видел — валяются..

— Чудно получается, — засмеялся Пономарев. — Я тоже сейчас про эти плиты думал. По-моему, они нас здорово бы выручили. Но мне сейчас заниматься ими некогда. Так что, давай, Георгий Михайлович,

пробивай этот вопрос сам. Ты заварил кашу, тебе и самая большая ложка. Не стесняйся, стучись там в любую дверь: ведь мы инициаторы, пионеры. Никуда не денутся, помогут.

19

Прошло больше месяца. На дворе стоял прохладный октябрь. Строительные работы за это время мало продвинулись. Но под ярмом у села, на берегу, серел порядочный штабель плит, которые сгрузили здесь с паузка. Около будущей плотины звенели ребячьи голоса — Елена Владимировна опять вывела свою «строительную бригаду».

Георгий направлялся к реке встречать теплоход. Сегодня должна была приехать из города Юлька. Он шел напрямик, продираясь сквозь пожелтевшие кустарники. На маленькой лужайке у Македонки, которая очень скоро должна была стать дном нагульного пруда, мальчишки вырубали тальник, а девочки вязали из гибких прутьев плетни. А вдоль будущей плотины деревца не трогали. Тальник или топольки приживутся и зеленой стеной встанут вдоль дамбы, крепко держа воду. Георгий уже видел бурую излучину плотины, опоясавшую дно котлована, медленно ползущие самосвалы, очертания нового пруда, каналы, по которым вода пойдет в гнилые озера.

Словно угадывая его настроение, Елена Владимировна продекларировала:

— «Здесь будет город заложен!..»

— Будет! — в тон ей ответил Георгий и потянулся к топору, который она держала. — Дайте-ка, я разомнусь малость.

20

Над Обью поплыл басовитый гудок теплохода. Георгий искал среди пассажиров, которые сходили на берег, Юльку. И вдруг увидел Фирсова.

— Михаил Иванович! — кинулся к нему Георгий. — Какими судьбами?

— За опытом. Председатели колхозов интересуются... — В глазах Фирсова вспыхнул теплый огонек. — Митрич вот вам посылочку велел прихватить, вяленых линьков низку. Не хотел старика обижать, привез.

— У нас еще и опыта никакого нет, — развел руками Георгий. — Только собираемся начинать. Уборку закончили, сколачиваем строительную бригаду...

И вдруг увидел Юльку. Она стояла в сторонке и, должно быть,

не могла решить, как ей поступить: дать знать о себе Георгию или пройти мимо.

Георгий приветливо улыбнулся, протянул к ней руки:

— Юля!.. Михаил Иванович, знакомьтесь!..

21

Чернов мягко прикрыл дверь кабинета начальника управления и, не сказав «до свидания» секретарше, выскользнул в коридор.

— Ы-ых, дурень старый, — в немой досаде шорил он себя. — Сто раз слышал: слово — серебро, молчанье — золото...

День начался у него неплохо. В горных озерах, куда Чернов выслал своих разведчиков, рыбаки добычливо вели промысел. (С большим опережением он закрыл план третьего квартала и сегодня твердо пообещал дать к ноябрьским праздникам не меньше пятисот центнеров рыбы сверх плана. Они у него уже были, эти пятисот центнеров, теперь надо было думать только о том, чтобы на реке не снизились уловы. Правда, добытая рыба в горных озерах обходилась в копейку, но это не волновало Чернова. Деньги, отпущенные на мелиоративные работы, он расходовал на транспорт. Себестоимость рыбы, таким образом, не выходила за допустимые пределы, и в отчетах значились проведенными мероприятия по спасению молодежи.

Начальник, просматривая сводку, похвалил его: «Есть, мол, порох в пороховницах...» Чернов подсунул отстуканную на машинке бумагу — ходатайство, в котором просил разрешения восстановить в правах ранее снятых бригадиров. Он вполне мог сделать это и своей властью, но, зная слабость своего начальника вмешиваться в мелочи, решил польстить его честолюбию. «Нагнал ты на них страху», — усмехнулся начальник управления, подписывая прошение.

И вдруг вопрос:

— Да, как у тебя этот, молодой специалист? Это ж по его милости, кажется, ты бригадиров снимал?

— Неудобно говорить, — замаялся Чернов. — К тому же, человек молодой, только начинает трудовую биографию. Но... как говорят, из молодых, да ранний. Из торго пришло письмо — какую-то рыбу в магазин он сдавал; из Рябиновки сообщают — что-то у него там по морально-бытовой линии... А, главное, работать не любит!

— Интересно! — поверх очков посмотрел на Чернова начальник управления. — А у меня тут на днях Фирсов был, просил у меня этого специалиста. А Фирсова я знаю. Он бездельников и дураков вокруг себя не держит. И рябиновского председателя я знаю. И то, что у тебя специалисты не приживаются, я знаю. Что ты на это скажешь?

Стихи поэтов города Ленина

Нынешней осенью на Алтай приезжала группа ленинградских писателей. Они выступали во дворцах культуры и клубах ряда сел и городов, в учебных заведениях.

Предлагаем вниманию читателей стихи поэтов города Ленина, бывших гостями любителей поэзии края.

Людмила ЩИПАХИНА

ЗЕМЛЯ

Земля! Твое рождение — прекрасно!
Смотрели на тебя миры внимательно,
Когда возникла ты — светло и властно,
Материей рожденная, как мать.

Ее тепло текло в земные поры
Живительно, как млечная струя.
И завязи коллоидных растворов
Затрепетали жаждой бытия!

А громы грохотали, как литавры.
Был мир дождями звездным полит.
А по земле — ходили динозавры
И царствовал над всем — палеолит!

О светлое явление рассудка!
Его печать, весома и остра,
И в смелости наскального рисунка,
И в каменном величье топора.

События бушуют, как метафоры.
Теперь у жизни — есть свои творцы.
И возникают греческие амфоры,
И рушатся Версальские дворцы!

Земля живет! Земля читает Маркса!
На лбу ее вздохмачен чуб лыняной.
Она гудит. И ждет сигналов с Марса.
Звучит сонатой лунной под луной.

Люблю тебя! За то, что ты красива.
За то, что совершишь ты впереди.
За то, что называется Россией
Зеленый берег на твоей груди.

ЖЕНЩИНАМ

Ах, что вы делаете, женщины?
Скажите, по каким причинам,
Самоотверженно и жертвенно
Вы угождаете мужчинам?
Зачем от них вы так зависите?
Зачем вы им на шею виснете?
Зачем обиды им прощаете?
И все на свете упрощаете?
Мне ваша доброта не нравится.
Она, как ноша на горбу.
И ваше вечное неравенство,
Не перешедшее в борьбу...
Опомнитесь скорей! Опомнитесь!
И так потери велики!
Отриньте от уютов комнатных
И магазинных волокит.
Я предрекаю вам заранее:
Придет к непризнанным — признание.
Мужайтесь, женщины! Мужайте!
Себя свободой окружайте!
Решайте! Ведь еще не поздно,
Ведь мир — не домик из слюды.

О женщины, хватайте звезды!
И перепутайте следы!
И совершенством поражайте!
И смейтесь! И детей рожайте!
Но только — упаси вас боже,
Бездарно вылезать из кожи,
В глаза заглядывать мужчинам,
Как самым крупным величинам.

* * *

От новых срубов золотых
Чуть сыровато пахнет мохом.
Березы в сумерках парных
Меня встречают легким вздохом.

Качаясь над твоим крыльцом,
Сережки веток чутко дремлют.
И роща юное лицо
Уткнула в бархатную землю.

И я, забыв про бурелом,
Спрошу неслышно: — Дома? Дома!
А сосны сумрачным крылом
Мне машут нестари знакомо.

Меня ручей в лесу нашел —
Поет о тебе — дремно-синий.
Мне снова просто хорошо,
Мой Север строгий,
мой любимый!

* * *

Невеселый друг,
Просто — скучный друг,
Разогнал подруг —
Никого вокруг.

В телефон юдин ответ —
Кто ни спросит,
— Дома нет!
Сам уйдет — на дверь замок,
Чтоб никто войти не мог.

Стало лихо,
Стало тихо,
Будто на погосте...
То и дело ухожу
В гости.

А не стало б дальше хуже,
Ты смотри.
Закрывают не снаружи,
Изнутри.

Дверь раскрыта, отперта.
Ты не тот и я не та.
И сказал он мне: — Прости,
Птица вольная, лети.
Чтоб ты пела,
Чтоб ты смело,
Гордых мыслей не тая,
Хоть на солнышко смотрела,
Милая моя!

— Так-то лучше, — я скажу. —
Я с тобою посижу.

Петр ОйФЯ

СНОВА СВИРЬ

Загорается бакен на Свири,
Тропкой света бежит на волну.
Робко, словно еще не в клавире,
Песня пробует ноту одну.

Вот мы с Ладогой входим угрюмой,
За кормой штормовой переход,
О нелегких дорогах подумай
Здесь, у северных наших щедрот.

Снова Свирь голосистых причалов,
Старых шкиперов, барж-работяг...
Все сначала, как будто сначала
Мои годы навстречу летят.

Выбегают к воде человечки —
Створных знаков сквозной силуэт,
Папиросного дыма колечки
Завиваются думам вослед.

Только двое, прижавшись друг к другу,
Под транзистор на палубе тут
Недвижимо танцуют по кругу
Той пластинки, что жизнью зовут.

И врубается эхом сирена
С теплохода в зеленый разлив
Там, где шлюза отвесные стены,
Гидростанция белый массив.

ДОКТОР ЧЕГЛЕЦОВ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РАССКАЗ

Изучая материал, нужный для этого очерка, я в один из воскресных вечеров зашел к Юрию Михайловичу Рассохину. Он сидел за столом и, словно от нечего делать, рисовал на большом листе ватмана фигурки, напоминающие кастрюли с ушками. Каждую такую «кастрюлю» он ставил одна на другую в столбик.

— Что это вас сегодня кухонные мотивы увлекли? — спросил я.

— Почему кухонные? — удивленно поднял он глаза. Потом взглянул на свой рисунок и расхохотался. — Действительно, на кастрюльки с ушками немного похоже. Но вы вот на это посмотрите.

Он подал рентгеновский снимок, на котором, как на хорошо проработанном негативе, четко выделялась часть позвоночника. И рассказал довольно невеселую историю.

В одном из сел Каменского района свалился набок колесный трактор. Тракторист отделался синяками, а ехавшая с ним в кабине молодая женщина после падения не смогла подняться. Повреждений на теле у нее не было, поэтому местная фельдшерица посчитала, что все обойдется; женщина полежит немножко, успокоится и опять начнет ходить. Но больная оставалась недвижимой и день и два. Кроме того, появились другие грозные осложнения. В тяжелом состоянии больную доставили в Барнаул.

Проведенные обследования показали, что у больной поврежден и сдвинут с места позвонок и им зажат спинной мозг.

Врач Рассохин провел сложную, требующую необыкновенной точности операцию: удалил дужки поврежденного позвонка, освободив спинной мозг, затем через полгода, чтобы стабилизировать позвоночник,

сделал ложа на теле верхнего, находившегося над поврежденным, и нижнего позвонков, вставил трансплантат — своего рода перемычку — из кости, взятой из голени больной. Перемычка срослась, и женщина начала ходить. Но Юрий Михайлович не считал свою задачу выполненной.

— Понимаете, — озабоченно начал пояснять он, — надо еще одну перемычку поставить. Дело-то женское. Какое-то время нынешняя моя больная, конечно, будет помнить, что ей надо беречься. А потом хватит-ся как-нибудь — воды в доме нет — и пойдет к колодцу с коромыслом. Надо найти способ подобрать к позвоночнику со стороны спины, чтобы и сзади закрепить его.

Не зная близко многих влюбленных в свое дело врачей, я бы, наверное, не замедлил выразить восторг: вот как человек верен долгу! Выходной, поздний вечер, а он сидит за столом и продумывает будущую операцию.

Но и не поддаваясь восторгу — желание как можно лучше выполнить предстоящую работу свойственно людям всех профессий, — все-таки не можешь не задуматься об истоках этой самой верности долгу и влюбленности в свое дело.

Когда, скажем, инженер изобретает в неурочное время приспособление, которое позволит улучшить производственный процесс, он, помимо того, что получит моральное удовлетворение — помог своему цеху, своему заводу снизить себестоимость продукции, повысить качество и т. д., — может, как минимум, рассчитывать на премию за инициативу.

А что руководит врачом? В служебном порядке, как известно, его никто не может заставить не только рисовать схемы в выходной день, но и вообще браться за операцию, которую он считает рискованной. О корыстном интересе речи не может быть, потому что врачи, сколько бы и каких блестящих операций они ни проводили, получают только свой оклад.

Словно догадываясь о моих вопросах, Юрий Михайлович сказал:

— Жаль, рано не стало моего учителя, Александра Николаевича Чеглецова. Он прямо-таки загорался, когда встречался сложный случай. Точно в спор вступал с болезнью: что ж, давай померяемся силами, посмотрим, кто победит!

..

Учитель... Так Чеглецова называют десятки известных хирургов, которым посчастливилось пройти его школу.

А тысячи и тысячи людей, встречавшихся с этим человеком не как с коллегой, а как с врачом, связывают с его именем другое слово — жизнь.

Стоит лишь при старожилах края сказать «Чеглецов», как начинается: «Он нам отца спас!» — «У меня знакомый, можно сказать, уже одной ногой па том свете был. Сердце встало, холодеть начал, Александр Николаевич оживил!» — «Что знакомый! Я сам побывал у него на столе. В детстве затеяли с мальчишками бросаться камнями. Мне и прилетела половинка кирпича в темя. Тоже жизнь на волоске висела. А сейчас, как видите, на здоровье не жалуясь. Офицер запаса, годен к строевой без ограничений».

Он так много делал, что его имя стало не просто популярно, а почти легендарно. Пронзая первую букву его фамилии на сибирский манер как «ш», народная молва утверждала: «Уж если Шеглецов лечит, значит человек будет жить».

..

Сильных и одаренных не страшно учить даже по самому суровому древнему методу: достигнет мальчик определенных лет, его садят на молодого, горячего коня, дают в руки повод — и скачи. Удержишься — будешь воином. Нет — значит, суждено тебе для воинов кашу варить или сапоги тачать.

Летом 1927 года Александр Николаевич Чеглецов закончил медицинский факультет Иркутского университета и отправился работать в дальнее таежное село Тасеево, Канского округа. Антисанитария, невежественные, но по-своему хитрые и многоопытные знахари. Как сделать, чтобы крестьяне и охотники — русские, эвенки, татары, остяки — ехали лечиться к нему, к молодому врачу, а не к этим неграмотным костоправам и шептунам?

Опыта не хватало, посоветоваться можно было только с книжками. Порой не было самых необходимых медикаментов.

Но вот первая смелая и удачная операция. Вторая. И в дальних поселках, таежных займках заговорили о молоденьком — всего двадцати одного года, — но понимающем в болезнях докторе. К нему пошли не только лечиться, но и на совет с житейскими вопросами, с горем. Люди видели, что по-юношески бурный, непоседливый доктор помогает избавляться и от страданий, которые несут человеку болезни, и защищает незаслуженно обиженных, помогает, чем может, впавшим в нужду.

Через два года Александра Николаевича пригласили заведовать Енисейской районной больницей. Правда, в этой районной имелось всего восемнадцать коек, не было хирургического инструмента и даже стола и автоклава. И, главное, добыть все это в те годы было не так-то просто. Но Чеглецову в короткий срок удалось создать, собственно, новую и по тем временам крупную больницу.

В семейном архиве Чеглецовых сохранился документ тех дней, написанный заведующим Енисейским райадрамотделом, один из немногих к сожалению, за все годы. В нем, в частности, говорится: «...Хирургическая работа благодаря опытности и квалификации врача Чеглецова выросла до необычных в енисейских условиях размеров...

С августа 1929 года по январь 1930 сделано было врачом Чеглецовым крупных операций 102, за 1930 год — 190, в 1931 году — 234, в 1934 году — 303, и за 5 месяцев 1933 года — 197. Мелких операций с августа 1929 года по июнь 1933 года проведено 1965... До врача Чеглецова всех хирургических больных приходилось направлять в Красноярск. Между тем, врач Чеглецов проводил в Енисейске такие же хирургические операции, какие проводятся в Красноярской больнице. Например, трепанации черепа, резекции желудка, операции Вертгейма, на печени, почках, кишечнике... И это в условиях, примерно, нынешней участковой больницы, на третьем-четвертом году самостоятельной работы!

В августе 1933 года Чеглецов приехал в Барнаул. Здесь он не был первым в этих местах врачом, как в Тасеево, и не был первым хирургом, как в Енисейске. В городской больнице давно работал и пользовался у населения огромным авторитетом старый хирург Нил Михайлович Руднев. У старшей операционной сестры Евгении Александровны Гардез, и у той к тому времени за плечами был более чем двадцатилетний стаж. Так что, и по сравнению с ней, по возрасту и опыту, новенький молодой доктор выглядел юнцом.

Но вот новенький помыслы и встал к столу. Сперва присутствовавшим на операции Рудневу, Шутскому, Борисову, Евгении Александровне показалось, что молодой врач медлителен. Да и руки у него вроде не подходящие для хирурга: крупные пальцы, короткие, толстые. Только спустя некоторое время они обратили внимание, что Чеглецов одинаково уверенно работает правой и левой рукой. И пухловатые, кажущиеся негибкими, его пальцы не так уж неудобны. Наоборот, они придают какой-то особый почерк его работе. Брал ли он инструмент, прикасался ли к тканям — все это делалось с кошачьей мягкостью и ловкостью.

Когда больного увезли, Руднев взглянул на часы и высоко вскинул брови:

— Позвольте! Смотря на то, как вы лениво копались, я думал — операция, минимум, уже часа полтора длится. А оказывается, прошло только сорок пять минут. Что это, обман зрения или меня часы подводят?

— Видимо, первое, Нил Михайлович, — с улыбкой заметил кто-то из врачей.

— Да, но в сорок пять минут я такую операцию не делал!

С этого дня старому хирургу, не знавшему за все время работы в

Барнауле соперничества в опыте и мастерстве, много раз приходилось вслух и про себя говорить: «Я этого не делал». Чеглецов вместе с Константином Ивановичем Зеровым впервые в городе начали применять переливание крови, организовали скорую помощь на дому. Скорой, конечно, ее можно было только назвать по тем временам: телефоны имелись далеко не во всех районах города, выезжать на вызовы приходилось после дежурства, на больничной лошадке. Тем не менее, это все же позволило намного улучшить медицинское обслуживание населения. Организовали они и научное общество, выступали с докладами перед медицинскими работниками, проводили беседы с населением.

Уже в те дни у молодых врачей ясно определились склонности. Они всю жизнь оставались друзьями. Но Константина Ивановича все больше и больше увлекала организационная работа. Александр же Николаевич весь отдался хирургии.

Были и есть еще врачи, которые, как огня, боятся неудач и избегают операций, не сулящих благополучного исхода. Их вроде бы трудно и осуждать. Неудача сама по себе — моральная травма для врача. Кроме того, за нее строго спрашивают: она снижает общий показатель работы отделения или больницы. Чеглецов был лишен страха за себя, за свое спокойствие и авторитет, потому что всегда думал не о себе, а о больном. Первым в Барнауле он применил местное обезболивание, первым в тридцатые годы коснулся сердца, начал проводить сложные операции на легких, на головном мозге.

Будь на месте Чеглецова другой, более практичный в житейских делах человек, думающий, и не в плохом, а в хорошем смысле, о своей карьере, он бы, наверное, перебрался поближе к научным медицинским центрам, специализировался в какой-то узкой области, со временем защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертации...

Александра Николаевича влекла научная работа. Он никогда не довольствовался тем, что знал и умел. Внимательно следил за медицинской литературой, время от времени сам выступал со статьями, почти ежедневно проводил по нескольку часов в анатомке. Но наукой ему приходилось заниматься только урывками, потому что каждый начинающийся день требовал от него: спаси человека! И он должен был уметь делать все, чтобы спасти.

Необычайно широкий хирургический диапазон Чеглецова в наше время может показаться невероятным и не совсем рациональным. Браться за все — это значит распылять силы. Но не браться было нельзя: больные не могли ждать, когда в городе появятся специалисты в той или иной области хирургии. И он выбрал единственно возможный в его положении путь: следить за достижениями хирургии и применять их.

Коллектив хирургического отделения Барнаульской горбольницы летом 1935 года. Во втором ряду крайний справа — А. Н. Чеглецов. Рядом с ним — К. И. Серов. Далее — А. Е. Шукина, врач-инфекционист, хирурги М. Я. Комиссаров, Н. М. Руднев, М. В. Борисов, ст. операционная сестра Е. А. Гардер. В третьем ряду за М. Я. Комиссаровым — операционная сестра К. Г. Авдеенко.

Самозабвенная упоенность Чеглецова работой вызывала удивление и восхищение. Часы, проведенные у операционного стола над обессиленным телом жаждущего жить человека, по своей напряженности и отдаче энергии едва ли можно сравнить с часами, отданными какой-либо другой земной работе. А он, как поэт, когда у него стихи сами льются из души, вдохновлялся на операциях. В короткие перерывы, пока увозят одного больного и привозят другого, выйдет в предоперационную — сестра уже знает, подносит ему в пинцете зажженную папироску. И снова на долгие часы он склоняется над столом, снова видит только больного, которому нужно помочь стать здоровым.

Он, не мешкая, спешил на помощь к людям не только тогда, когда требовалось спасти главное — жизнь. Он хотел, чтобы жизнь эту не омрачали физические и моральные мучения.

В этом отношении характерны его операции по устранению врожденных или вызванных болезнями уродств.

Однажды он увидел молоденькую, глазастую девушку. Лицо ее ниже глаз скрывала черная занавесочка, потому что вместо носа у нее зияли две дырочки. Девушка стыдилась своего вида, избегала показываться на людях.

Чеглецов заставил ее снять занавесочку, осмотрел.

— Как тебя зовут, милая? Маша? Я попробую, Маша, сделать тебе нос. Можно остренький, можно курносый, какой пожелаешь. Хочешь? Только предупреждаю: придется много и долго терпеть. Согласна?

Терпенье нужно было не только девушке. Она-то готова была все вытерпеть. Но чтобы прирастить нос, нужно сделать так называемую «чемоданную ручку» на руке. Затем, когда подойдет время, обрезав один конец «ручки», приживить его к лицу. Затем приживить другой конец «ручки», придать форму носу. При этом не всегда же все идет гладко. Случается, один этап приживления проходит удачно, второй, третий, и вдруг почти готовый нос отпадает. Это значит, начинай с начала. Зато какая награда, когда человек, скрывавший от людей свое лицо, смотрит на себя в зеркало и от радости плачет.

Маша, например, так и не ушла из больницы, осталась работать санитаркой. Как все счастливые, она встретила любовь, стала матерью.

Носы, щеки, губы. Устранение косолапости, врожденных вывихов. А в конечном счете, в каждом случае — возвращение к нормальной жизни человека. Вот что в свое время писали из Усть-Пристанского колхоза родственники Тамары П. в «Алтайскую правду»: «После сыпного тифа у нашей Тамары вследствие осложнения оголилась левая сторона лица, так что видны были зубы. С таким лицом она жила с 7 до 22 лет. Хотя, что это была за жизнь!

Доктор А. Н. Чеглецов провел 7 операций, т. е. лечил ее полгода, и щека была восстановлена.

Мы задавали вопрос Тамаре, как она вынесла столько болезненных операций. Она говорит: «Так делал-то их Александр Николаевич. Когда сомнение в душе, он убедит, когда грустно бывает — развеселит».

Однако добр Чеглецов был не ко всем больным без разбору. (Одна из старых работниц горбольницы до сих пор с удовольствием рассказывает, как Чеглецов выпроводил из кабинета стриженного под машинку мужчину с обрубленным носом.

— По амнистии вышел? — прямо спросил он. — Ну, так вот: ккогда привозят вашего брата на операцию, ничего не поделаешь, приходится лечить. А вот красоту на твоём лице наводить я подожду. Станешь честным человеком — приходи. А для хулигана или вора и такая физиономия — роскошь.

И в тот же день он делал совершенно «чужие» операции: извлек у ребенка из легких пуговницу, очистил у пожилой женщины десны от запущенных, заросших тканью, корней зубов...

Особенно заботлив и беспокоен был Александр Николаевич, ккогда дело касалось здоровья, и тем более жизни, ребенка. Незадолго до Великой Отечественной войны к нему привезли шестилетнюю Катю Г. По ошибке или из любопытства она хлебнула крепкого раствора каустической соды, приготовленного к стирке, и сильно обожгла пищевод. Чеглецов провел ей в желудок резиновую трубочку — синтетических материалов тогда не было, — и девочка получила возможность принимать пищу.

— Пока придется ей с трубочкой погулять, — объяснил он родителям, выписывая Катю из больницы. — Потом сделаем ей настоящий пищевод. Ну и, я уверен, она забудет даже нас с операционной сестрой, Ираидой Анатольевной, на свадьбу пригласить...

«Пока» и «потом» обернулись почти десятию годами. В течение их Александр Николаевич простоял тысячи часов у хирургического стола в эвакуационном госпитале, в медсанбате 372-й стрелковой дивизии, во фронтовом госпитале. Волховский, Ленинградский, 3-й Прибалтийский, 2-й Белорусский фронты, Северная группа войск. Если б кто-то подсчитал, сколько за это время при его неутомимости и азарте в работе он провел операций! Сколько вернул в строй бойцов, спас жизней! Жаль только, что вести подсчеты в то время было некому и некогда.

Года три спустя после войны — Александр Николаевич уже снова работал в Барнаульской городской больнице, — к нему на прием пришла девушка, по виду не старше ученицы десятого класса, и вместо «здравствуйте» испуганно прошептала: «Ой, как вы изменились!»

Брелся перед зеркалом по утрам, на скорую руку, он не успевал заметить, что мешочки под глазами день ото дня у него становятся

больше, складки на лбу — глубже. Поэтому его рассмешило восклицание девочек: «Изменился!»

— Ну-ка, ну-ка, подойди поближе, — поманил он ее к столу. — Можно подумать, ты меня студентом знала.

— Значит, вы забыли меня! Помните, вы еще обещали мне настоящий пищевод сделать? Я вас ждала...

— Подожди, подожди, — остановил ее Чеглецов: — Катя! То-то, я смотрю, глаза знакомые! Не забыл я тебя, Катя, вспомнил не раз. Только ты у меня осталась в памяти маленькая, с косичками и с бантиком на голове. Почему-то не думалось, что годы идут, ты растешь, а я, наверное, действительно, уже не молодею. Правильно сделала, про пришла. Будем обзаводиться с тобой чем-нибудь получше резиновой трубочки.

Начались поиски, настойчивая, кропотливая работа. И вот через четыре месяца стало ясно: умение хирурга и молодой организм победили. Искусственный пищевод прижился.

В первые послевоенные годы далеко не во всех районных больницах имелись хирурги. Чеглецов систематически вылетал то в одну, то в другую больницу, оперировал с утра до ночи, пока в палатах оставался хоть один человек, нуждавшийся в его помощи.

Но подобные вылеты были крайней мерой. Нужно было готовить хирургов для сельских больниц.

В отделениях, которыми заведовал Чеглецов, постоянно проходили стажировку молодые врачи. Александр Николаевич любил с ними заниматься, охотно учил — активно, заинтересованно, в расчете на трудолюбивых и талантливых учеников. И, разумеется, не только рукодейству. Хирургу, прежде чем работать руками, надо поработать головой: поставить диагноз и продумать во всех деталях операцию.

Как ни уклонялся Александр Николаевич от административных постов, которые могли отвлекать его от основного и самого любимого дела, хирургии, жизнь, время распоряжались по-своему. Встал вопрос о главном враче крупнейшего в те годы лечебного учреждения — городской больницы. Кого назначить? Разумеется, Чеглецова! Коммунист, непримирим к недостаткам. У себя в отделениях сумел навести образцовый порядок, значит сумеет навести и во всей больнице. Началось выдвижение кандидатов в местные Советы. И опять, как обойти Чеглецова? Руководитель городской больницы, заслуженный врач Российской Федерации. Кстати, он может возглавить и комиссию по здравоохранению...

Административные должности отнимали массу времени, причем, часто на решение таких вопросов, которые не требовали врачебных знаний. По форме этого вроде не должно было быть. Смету может во всех

инстанциях утвердить бухгалтер, строительные материалы для ремонта обязан приобрести помощник по хозяйственной части. К сожалению, с бухгалтером в инстанциях считаются не так, как с главным врачом; цемент, белила и другие необходимые мелочи приходилось не приобретать, а добывать, выпрашивать, выколачивать.

Уже работа в Енисейске показала, что Чеглецов загорался не только в операционной. Таким же напористым, смелым на выдумки он был и тогда, когда нужно было изыскать средства, договориться с каким-либо предприятием о ремонте больничных корпусов.

Его хватало на все. Он, очевидно, был первым, кто громко поставил вопрос о том, что Алтаю нужен медицинский институт. Он многого раз выступал на сессиях Барнаульского горсовета и на городских активах, требуя как можно скорее начать строительство моста через железнодорожную выемку. Он организовал жильцов в своем доме и вместе с ними построил для ребят в ограде площадку с грибами, качелями.

Беспокойные, крутые по характеру люди обычно далеко не всем нравятся. И если сегодня спросить кого-либо из тех, кто рука об руку шел с Чеглецовым многие годы, легко ли с ним было работать? — они односложно — «да» или «нет» — едва ли станут отвечать. Скорее же тоже спросят: что вы подразумеваете под словом легко?

Врачи, сестры, все работники больницы знали, что к Чеглецову в любое время суток можно обратиться за советом и за помощью. Долгое время он жил с семьей на территории больницы, и тогда к нему шли прямо домой. Когда получил квартиру на улице Союза Республик, звонили. И не было случая, чтобы он кому-то отказал, намекнул, что ему неприятны такие вызовы в неурочные часы.

Даже в день смерти матери, Елизаветы Семеновны, заведующая инфекционным отделением Юдина, хорошо знавшая, как тяжело переживает Александр Николаевич потерю близкого человека, пошла к Чеглецову домой. Правда, на этот раз она не решилась, как бывало обычно, позвать: «Пойдемте, Александр Николаевич, скорее». Спросила, за кем из хирургов можно послать машину: ребенок умирает!

— Брось ты о машинах говорить, Елена Викторовна, — хмуро остановил ее Александр Николаевич. — Иди мойся. Сейчас я приду, в вместе будем делать операцию. И постарайся взять себя в руки: на тебе лица нет.

Но, относясь к работе так сам, он этого требовал и от других. Обратил внимание, что у работавшей с ним параллельно женщины — опытного и немолодого хирурга — больные медленно выздоравливают. Начал искать причину. И вдруг заявил при врачах и сестрах:

— Ты вот что, или дома картошку чистишь в перчатках, или работаешь в перчатках. Разве можно шершавыми пальцами за ткань браться?

Позвонила ему ночью операционная сестра, что один из хирургов вышел на дежурство после тяжелого похмелья: берет инструмент — руки трясутся. Он метеором прилетел в операционную, сам проработал всю смену. И прежде, чем уйти утром из больницы на завтрак, написал приказ, которым уволил врача, позволившего себе в подобном состоянии браться оперировать человека.

Разумеется, читать подобные приказы, выслушивать резкие замечания, а от них никто не был гарантирован, даже такие понимавшие его с полуслова, с полунамека операционные сестры, как Ираида Анатольевна Пиджакова и Ксения Георгиевна Авдеевко, — было неприятно. Но характерно, что самые строгие, высказанные иной раз и под горячую руку, выговоры главного врача не вносили нервозности в работу и, тем более, не отбивали у товарищей по профессии и у подчиненных желания работать. Потому что Чеглецов не только умел замечать промахи и выговаривать.

Всего два или три месяца после института проработал в больнице Юрий Михайлович Рассохин и приболел. И вот к начинающему врачу, который искренне считал, что его в громадном коллективе не только по фамилии, в лицо еще никто не запомнил, вечером того же дня приехал главный врач.

— Мне сказали, Юра, что ты заболел. Что-нибудь серьезное?

— Да нет, Александр Николаевич, по-моему, гриппок.

— Смотри! Может быть, лучше специалисту показаться?

Он пробыл недолго. Понтересовался, чем молодой коллега занимается в свободное время, любит ли рыбалку и охоту, и распрощался, наказав:

— Давай выздоравливай. Работы много. Если что нужно будет, не стесняйся, звони. Или пусть жена заходит.

Десять-пятнадцать минут. Но в эти пятнадцать минут вчерашний студент почувствовал себя врачом, нужным в коллективе человеком.

Врачам, даже самым умелым и добросовестным, не всегда сопутствуют успехи. И вот тут опять же сотрудники больницы видели в Чеглецове не только начальника, умеющего дать квалифицированный разбор ошибок, но и сердечного, глубоко понимающего состояние угнетенного неудачей человека, советчика и, нередко, защитника.

На женщину-хирурга в ряд учреждений поступила жалоба: продержала больную в приемной сорок пять минут. Жалоба есть жалоба. Зазвенели телефоны, горздравотдел в момент создал комиссию, созвал общее собрание с задачей строго наказать «нечуткого врача». И тут решительно, со свойственной ему страстностью вмешивается Чеглецов:

— Вот что, дорогие товарищи, — заявил он членам комиссии, — идите и занимайтесь полезным делом. Я знаю этот случай. И, в отличие

от вас, вижу не только то, что врач долго продержала автора жалобы в приемной, но и то, что она в это дежурство провела несколько сложных операций. Всю ночь человек, не разгибаясь, простоял у стола! Может он на двадцать-тридцать минут присесть, расслабиться, вернуть работоспособность?

— Да, но вам известно мнение по этой жалобе других товарищей? — напомнила Чеглецову представительница горздрава.

— Мне нет дела до того, кто читал жалобу и каков, сидя за столом, составил по ней мнение. Пока я главный врач больницы, я не позволю в угоду кому-то трепать нервы лучшим нашим специалистам.

Он, конечно, знал, что среди руководителей есть и такие, как Константин Иванович Зеров — принципиальные, по-партийному заботящиеся о деле; есть и чиновники, которые все могут простить подчиненному, даже развал работы и полную профессиональную непригодность, но никогда не простят непочтительности, смелости иметь и отстаивать собственное мнение. Обидевшись, они не упустят случая показать, как они всемогущи. Не направят приветствия в день пятидесятилетия, придерутся к отчету, пошлют лишний раз комиссию.

Но Чеглецов знал и другое: здоровье и жизнь больных каждый час, каждую минуту зависят от врачей. И очень важно, чтобы они, врачи, работали уверенно, без оглядки на то, что скажет о них Вера Ивановна или Михаил Петрович.

У самого Александра Николаевича как у хирурга очень редки были промахи, но все-таки случались. И всякий раз он собирал врачей отделения, не умаляя своей вины, анализировал причины неудачи и наказывал: «Не повторяйте вы такой ошибки, которую допустил я».

С годами, благодаря такой требовательной заботливости Чеглецова и творческого отношения к работе, в городской больнице выкристаллизовался крепкий и талантливый коллектив. С открытием в Барнауле медицинского института, в клиниках стали работать крупные специалисты-ученые. Например, А. В. Овчинников, И. И. Неймарк. Но и рядом с ними не бледнеет мастерство соратников и учеников Чеглецова, таких как Ю. М. Дедерер, В. В. Алябьева, Л. И. Трушко, Ю. М. Рассохилина. А сколько хороших врачей других специальностей выросло за те годы в горбольнице, сколько настоящих поэтов-хирургов, прошедших школу Чеглецова, работает в районах края и в других областях!

Тлеть, не излучая ни света, ни тепла, можно до нудности долго. Чеглецов умел только гореть.

Он по-прежнему выходил из операционной возбужденный, по-молодому разминал свои по-борцовски широкие плечи. Когда операций было проведено много, любил подбодрить уставших помощников:

— Ну, сегодня мы всласть поработали!

А. Н. Чеглецов за работой. Рядом операционная сестра
К. Г. Авдеенко.

Но, поднимаясь по лестнице на этаж, нет-нет — и останавливался, лез в карман за валидолом. Если кто-то был рядом, старался отправить в рот таблетку незаметно.

— Не могу простить себе, что курить поздно бросил. Вино мне почему-то всегда было противно. А курил страшно! И теперь вот, видите, леденцами вынужден пробавляться.

Аня Ивановна — жена Александра Николаевича, близкие друзья, многие работники больницы советовали и, как могли настаивали, чтобы он всерьез занялся своим здоровьем. К сожалению, Чеглецов, как это нередко бывает у врачей, любил лечить, но не любил лечиться. Настаивать же в разговоре с ним было не так просто. То отшутится: «Терапевтам показываться? А чего они понимают? Мы, хирурги, правда, еще кое-что можем». То сам перейдет в наступление: «Неужели я похож на больного? Вот пойду в отпуск, съезжу на рыбалку, подышу свежим воздухом, и все пройдет».

Таким он оставался до последних минут.

30 сентября 1957 года в больницу привезли мальчика с тяжелой травмой. День уже был на исходе. Александр Николаевич, как всегда, находился в больнице с восьми утра, уже не раз успел слазить в карман за валидолом. Тем не менее, взялся оперировать ребенка сам. Работал увлеченно, быстро. Наложил шов и потерял сознание.

Спустя несколько минут, к нему направилась попроведать его френт-генолог Петрова. Открыла дверь кабинета и удивленно остановилась: Александр Николаевич сидел за столом и спокойно хлебал из тарелки принесенный кем-то суп.

— А, Зоя! — улыбнулся он. — Чего встала? Заходи! Слышала, в магазинах новые пылесосы появились? Советую купить. Для таких, как ты, занятых на работе женщин, очень полезная вещь.

— Да, но вы знаете, я из отпуска...

— Так у нас деньги сейчас есть! Если хочешь, я скажу Анне Ивановне, она тебе даст.

У Петровой мелькнула мысль: не разыграли ли ее, сказав, что «самого», как с легкой руки Иранды Анатольевны называли иногда в больнице Чеглецова, на носилках принесли в кабинет? Трудно было представить, что еще несколько минут назад этот приветливый, брызжущий энергией человек мог быть беспомощным. И тем более, никому в голову не могло прийти, что уже через два часа этого большого, и нужного всем человека не станет.

О том, кто тысячи раз побеждал смерть, язык не поворачивается выговорить: умер.

По земле ходят люди, которым он вернул здоровье, жизнь. Они и провозжали его в последний путь, носят на его могилу цветы, называли его именем улицу в Барнауле. В больнице работают его ученики и рассказывают о нем своим ученикам. И никто из них не удивляется, что и теперь еще иногда в приемных раздается вопрос:

— А доктор Щеглецов сегодня принимает?..

ТАМ И СЕГОДНЯ...

Заснеженное, тихое, лесное,
Далекое сибирское село...
Я все равно приду к тебе весной.
Ты пахнешь лебедою и сосною.
К тебе мои пути не замело!
Не замело, дождями не размыло,
Бурьяном и быльем не поросло.
Оно меня вспоило и вырастило...
И шалости давнишние простило,
Мое родное, тихое село...
Там и сегодня шустрые мальчишки
Охотятся за белками в лесу.
Там звезды над селом висят, как шишки.
И падают, как шишки, на росу.
Там и теперь шумит поток в овраге,
Там Касмадинка пенится в грозу.
С сосновых игл стекают капли влаги,
И каждая похожа на слезу.
Там и теперь на солнечном закате
Благоухает белый молочай.
Там на широкий пень расстелят скатерть
И с медом пьют смородиновый чай!
Заснеженное, тихое, лесное,
Далекое сибирское село,
Я все равно приду к тебе весной.
Ты пахнешь лебедою и сосною.
К тебе мои пути не замело...

КОЛЬЦО

Умывала в Волге лицо,
Уронила в воду кольцо.
И оно упало на дно...
А ведь счастье в жизни одно.
Не отыщешь его на песке —
И томится сердце в тоске...
То кольцо мне муж подарил.
Уходя в поход, говорил:
— Ты, жена, кольцо береги!
Не снимай никогда с руки.
И ему я клятву дала:
Каждый вечер его ждала.
Умывалась волжской водой,
Чтобы быть всегда молодой.
Выйду вечером на крыльцо,
Лунный серп похож на кольцо.
Он висит над Волгой-рекой,
Не достанешь его рукой.
С той поры я печальна хожу
И на дно речное гляжу:
— Милый мой, хороший, родной!
Укатило счастье волной...
Только нет в том моей вины,
Что не едешь долго с войны.
Я тебя всегда буду ждать —
Мне одной кольцо не достать.

ПЕЧАТНИК-ПОДПОЛЬЩИК ФЕДОР ИЛЬИНЫХ

Двенадцать часов подряд несутся приказания: «сделай, подай, принеси». И, как всегда под вечер, команда мастера: «Федя, дуй за водкой».

Федя — ученик в переплетной мастерской барнаульского купца Реброва, владельца типографии. Тяжело на работе, не сладко и дома. Семья большая. Два года проходил в школу — и в мастеровые. Надо зарабатывать на хлеб. Но есть и радости. Через переплетную проходит много хороших книг. Федя пристрастился к чтению. Книжку можно взять на вечер, а в субботу даже на весь воскресный день.

На всю жизнь запомнились Феде октябрьские дни тысяча девятьсот пятого года. Вечером 20 октября, принарядившись, он отправился в Народный дом, на любительский спектакль. Галерка волнуется, ждет открытия занавеса. Но в зрительный зал внезапно хлынул поток возбужденного народа. Вместо спектакля начался митинг. Один за другим выступают ораторы. Зал потрясает смелый призыв: «Долой самодержавие!»

Да здравствует демократическая республика!» Федя срывается с места, неистово аплодирует. Поздно вечером все выходят на улицу, строятся в колонну. Состоялась первая в истории города политическая демонстрация.

В 1906 году двадцатилетний Федор Ильиных становится одним из организаторов профсоюза печатников Барнаула. Вначале задумали учредить легальный союз, но губернские власти не утвердили устав «профессионального общества». Тогда решили создать подпольный профсоюз. Ильиных дали поручение собирать членские взносы. На тайное собрание членов союза он решил пригласить своего друга Тимофея Фофанова. Тот был членом РСДРП и в 1905 году работал в Томском союзе печатников. Пошел к Тимофею, но не застал его на квартире. Оставил записку. А вечером нагрянула полиция с обыском к «политически неблагонадежному» Фофанову, обнаружила записку, и обоих, Ильина и Фофанова, арестовали как организаторов нелегального союза.

В тюрьме, в общей камере для политических, познакомился Ильиных с настоящими подпольщиками. Была там и маленькая библиотечка партийной литературы. Молодой рабочий всерьез занялся политической учебой. Впоследствии он вспоминал: «Я долго жалел, что скоро освободился».

В 1908 году Федора Ильиных, как прозванного на подпольной работе, приняли в партию. В те годы, в целях конспирации, прием в члены РСДРП решался общим партийным собранием без присутствия принимаемого. О приеме в члены партии сообщили товарищи.

С конца лета 1908 года Барнаульская группа РСДРП приступила к организации подпольной типографии. Рассчитывали своим печатным станком обслуживать Омский комитет и Новониколаевскую группу РСДРП. Пока готовилась «техника», начали выпуск листовки на гектографе. В сентябре отпечатали «Устав Барнаульской организации РСДРП». В октябре-декабре выпустили четыре номера гектографированного журнала «Комитетский вестник».

Но в ночь на 22 декабря 1908 года Барнаульская группа подверглась разгрому. На квартире Субботина полиция захватила гектограф, подготовленный к выпуску «Комитетский вестник № 5», оригиналы статей и много паспортных книжек, как смытых, так и заполненных.¹ Восемь членов организации оказались в тюрьме.

Обыску и аресту подвергся и Федор Ильиных, но он, как свидетельствует январский протокол, «за неимением достаточных оснований, привлечен в качестве обвиняемого не был».²

Осенью 1909 года Барнаульский комитет РСДРП организовал, наконец, подпольную типографию и начал издавать газету «Голос из подполья». Вышло четыре номера газеты. Но последовал новый удар: 2 декабря 1909 года полиция разгромила типографию.

Чтобы поднять боевой дух рабочих людей города, запуганных репрессиями, барнаульские большевики решили в 1910 году отметить день 1 мая массовой. Федор Ильиных и Лолий Решетников направляются в пимокатную Полякова и по магазинам агитировать рабочих и приназчиков на выступление. Долго убеждать не пришлось. Пимокаты-сдельщики не посчитались с потерей заработка. Но кто-то сообщил властям о появлении агитаторов в мастерской Полякова. К заводу послал конный отряд полиции. Пимокаты успели закрыть на замок заводские ворота и вышли на улицу через калитку на заднем дворе.

Маявка состоялась в «березках», за нынешним парком меланжевого комбината. На ней присутствовали сотни рабочих. Полицейские пытались разогнать маявку, арестовать зачинщиков, но стоявший на дороге пикетчик, направил «архангелов» по ложному пути.

¹ ПААК, ф. 1061, оп. 3, д. 4, л. 6.

² ПААК, ф. 1061, оп. 3, д. 6, л. 52.

Летом 1912 г., в связи с новыми арестами, руководство в Барнаульской организации РСДРП перешло к М. А. Яркому, Ф. Д. Ильиных и И. М. Буйнову. В начале сентября организацию возглавил бежавший из нарымской ссылки И. В. Присягин.

Выполняя решение Пражской конференции «О выборах в IV Государственную думу», комитет развернул энергичную деятельность по проведению избирательной кампании в блоке с легальными организациями — кооперативом «Труженики» и обществом «Приказчики». Комитет утвердил написанную Присягиным прокламацию, излагавшую избирательную платформу партии большевиков. Яркому поручалась подготовка подпольной типографии. Ильиных помог обеспечить печатный станок шрифтом. Но в ночь на 26 сентября типографию вновь заставили жандармы. Одновременно был арестован весь актив парторганизации — 25 человек.

Жандармский ротмистр Коробчаков сообщил начальству о полной ликвидации барнаульской организации РСДРП. Следствие длилось полгода. В марте 1913 года над группой подпольщиков состоялся суд. И. В. Присягин и М. А. Ярково «по лишению прав состояния» были посланы на поселение. Наборщица И. Третьякова и К. Просеков (в его бане помещалась типография) были приговорены к тюремному заключению.

Не избегал ареста и Федор Ильиных. При обыске у него обнаружили нелегальную литературу. На основании агентурных сведений жандармское начальство заключило: «Ильиных — член комитета и кассир организации, на его квартире часто проходили заседания комитета и временно находилась на хранении партийная техника».¹

По выходе из тюрьмы, в конце октября 1912 года, Ильиных берется за воссоздание партийной организации.

Членов организации волновал вопрос о причинах провала 26 сентября. Всем было ясно, в подполье проник провокатор. Подозрение пало на Бессонова, который был женат на дочери полтавского прижизнителя Успенского. На квартире Ильиных состоялся партийный суд над Бессоновым, но тот категорически отвергал обвинения и выражал решимость чем угодно доказать свою преданность организации, вызываясь даже уничтожить ротмистра Коробчакова.

На суде над Бессоновым присутствовал член комитета Ефим Крутиков. Он заявил Ильиных, что решил уехать из Барнаула, якобы из-за грозящего ему ареста. Вскоре после его отъезда постановлением Томского губернатора от 21 февраля 1913 года Федор Ильиных, Варвара Яркова и Нина Яковлева «ввиду их опасной для общественного порядка деятельности», подлежали высылке из пределов Томской губернии.²

Федор и Варя некоторое время жили в Ирбите, в Тобольске. Но осенью 1913 года их неожиданно арестовали, отправили в Новониколаевскую пересыльную тюрьму и оттуда по этапам погнали в Барнаул. Варя Яркова в дороге простудилась и тяжело заболела. Только за несколько дней до смерти ее отдали родителям «на поруки».

Однажды на тюремном дворе Федору удалось увидеть и поговорить со Стуковым. То, о чем он рассказывал, потрясло Ильиных.

Весной 1912 года Стуков покинул Барнаул, по дороге был арестован и заключен в тюрьму, но совершил удачный побег, добрался до Харбина и поступил там на службу, преподавателем русского языка в китайской школе. Туда же приехала жена. И вдруг неожиданно-негадано повстречался с барнаульцем Крутиковым. Обрадовался встрече: как-никак, товарищ по подпольной работе! От Крутикова узнал о сентябрьском разгроме организации. Крутиков же любезно сообщил, что у него есть адреса Ильиных и Ярковой, поспешил принести их в ближайшем виде. Стуков написал обоим письма, вложил в конверты. Осталось получить обещанные адреса. Но вместо «товарища по подпольной работе» явились жандармы.

¹ П. А. А. К., ф. 1061, оп. 3, д. 6, л. 17.

² П. А. А. К., ф. 1061, оп. 3, д. 6, л. 21.

Уже после февральской революции в сейфе жандармского управления было обнаружено дело «Петра Ивановича» — такую кличку носил Крутиков. За услуги провокатор получал ежемесячно 30 рублей.¹

Суд над Стуковым и Ильиных состоялся лишь в марте 1915 года. Стукова приговорили к высылке на поселение. Ф. Д. Ильиных не был осужден по недостатку улик. Но ему было запрещено проживать в Томской губернии. Пришлось немедленно отправиться в Тобольск. Там он вступил в подпольный кружок. Познакомился с девушкой Паной Рейман, своей будущей женой.

В апреле 1917 года Ильиных вернулся в Барнаул. Возвратились из ссылки и его старые товарищи по подполью — Присягин, Ярков, Сычев, бывший каторжанин Фофанов. И снова борьба, теперь уже открытая, но не менее упорная и острая, против сторонников буржуазного Временного правительства.

Ильиных посещает всюду: выступает на митингах и собраниях, на заседаниях совета, ведет борьбу с меньшевиками в союзе печатников. Рабочие проводят переборы правления профсоюза, избирают большевика Федора Ильиных своим председателем.

Летом 1917 года большевики Барнаула выходят из городской организации РСДРП — в ней преобладали меньшевики, и создают самостоятельную большевистскую организацию. В момент разрыва с оппортунистами большевиков было менее полутора десятков человек. Но парторганизация быстро выросла численно, неизмеримо поднялся ее авторитет среди рабочих и солдат. Барнаульский совет, профсоюзы, военный гарнизон пошли за большевиками.

Победа Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде обострила классовую борьбу на Алтае, усилила движение масс за передачу власти Советам. 5 ноября общее собрание барнаульских большевиков выразило горячее приветствие петроградскому пролетариату и Советскому правительству во главе с В. И. Лениным. 7 декабря власть в Барнауле перешла в руки Военно-Революционного комитета — органа Барнаульского Совета рабочих и солдатских депутатов. Через несколько недель Советская власть победила на всей территории Алтайской губернии.

Член горкома партии Федор Ильиных поднимает трудящихся на строительство новой жизни, руководит союзом печатников, работает в губернском объединении профсоюзов...

В конце мая 1918 года вспыхнул белочешский мятеж. На борьбу против Советов поднялась вся контрреволюция. В Барнауле подпольная офицерская организация поднимает мятеж, нарушает телефонную связь Ревкома с вокзалом и фронтом. Восстановить связь Ревком поручает Ильиных, Соколову, Яркову и Решетникову. К ним присоединяется реалист Аркадий Третьяков. На ревкомовском автомобиле вихрем промчались они через город. Но на пустыре, недалеко от вокзала, нарвались на засаду. Машина встала. Третьяков упал, срезанный пулей. Остальные, отстреливаясь, стали пробираться к своим. Яскоре на помощь осажденному Совету пришла коммунистическая рота. Мятеж был подавлен. Приказ ревкома выполнен.

Но город удержать не удалось.

Друзья помогли Федору Ильиных сесть на пароход. Благополучно он добрался до Новоиколаевска. Однако на станции при посадке на омский поезд его арестовали и под конвоем отправили в Барнаул.

Глубокая, темная сентябрьская ночь 1918 года. Затихла тьма. И вдруг чуткую тишину разорвал топот, хриплая ругань, лязг железных запоров. Через минуту-две насторожившийся Федор услышал громкий голос: «Товарищи, нас выводит пьяная банда офицеров. Пройдите, товарищи!» И снова тишина.

¹ ТОГА, ф. 411, оп. 1, д. 9. лл. т—12.

Чей был это голос, Цаплина или Присягина? Куда их уведут? Не знал Федор, что этой ночью белогвардейцы по-бандитски убьют Присягина, Цаплина, Казакова и Фомина.

Ф. Д. Ильиных удалось вырваться из колчаковского застенка. На время он уехал в деревню, потом вернулся в Барнаул, установил связь с подпольем, включился в работу по снабжению партизан оружием.

В декабре 1919 года Красная Армия и партизаны освободили Барнаул от колчаковцев. Началась новая полоса в жизни бывшего ученика-переплетчика. С 1919 по 1947 год — партийная и советская работа на Алтае и в других районах Западной Сибири. С 1947 года тяжелая болезнь приковала Ф. Д. Ильиных к постели. Умер он в 1963 году в Новосибирске.

Биография Федора Дмитриевича Ильиных — живая частица истории рабочего класса Алтая и большевистского подполья в годы царизма.

А. КОЗЛОВ, доцент
Барнаульского пединститута.

Не одна тысяча выпускников 5-й Каменской средней школы с благодарностью вспоминает учителя русского языка и литературы Никиту Степановича Хильченко. 48 лет он проработал в школах бывшего Каменского уезда, округа, затем в городе Камне, принимал активное участие в создании новой, советской школы, рос вместе со школой.

В предлагаемом вниманию читателей очерке Н. С. Хильченко рассказывает о некоторых эпизодах жизни и борьбы учителей Каменского уезда в тревожные годы гражданской войны.

УЧИТЕЛЬСКАЯ СТАЧКА

Учителя начальных школ царской России были самой обездоленной частью российской интеллигенции. Чиновники, учителя гимназий и реальных училищ относились к учителям начальных школ, особенно сельских, высокомерно, пренебрежительно. А полицейские чины и черносотенцы считали их неблагонадежными людьми и держали на подозрении. Первым надремлющим оком, постоянно наблюдавшим за учителем, был поп. Даже неаккуратное посещение церковных богослужений давало право «отцу духовному» сделать учителю наставление и доложить о его поведении «по начальству».

Все это у большинства народных учителей вызывало чувство протеста, порождало недовольство своим положением в обществе.

Недовольство и желание перемены подогревались также крайним консерватизмом царского правительства в области народного просвещения. Учителя хорошо понимали необходимость радикальных изменений, реформ в области народного образования, и в первую очередь в программах и в постановке учебного дела в начальных школах.

Все это явилось одной из причин того, что подавляющее большинство учителей с удовлетворением встретило декрет и мероприятия Советского правительства об отделении церкви от государства и школы от церкви, об изъятии из школьных программ закона божия и церковно-славянского языка, о связи школы с жизнью. Еще больше сблизило учителей с советским строем полное доверие к ним со стороны органов Советской власти. Многие из них влились в работу по созданию новой, подлинно народной школы.

Обо всем этом ярко свидетельствует, на мой взгляд, пример народных учителей Каменского уезда. Восторженно встретив Советскую власть и ее революционные преобразования, они решительно восстали против колчаковских порядков.

...Весна 1918 года. Закончились занятия в школе. Потянуло в город. Там идут смелые поиски путей создания новой школы. Вместе с учителем Чистяковым в конце мая мы отправились в Камень.

Каменским Совдепом к этому времени уже был организован Дом учителя. Неходил он на берегу Оби, на территории пристани. Здание было конфисковано у

местного владельца паровой мельницы, однофамильца моего товарища — купца Чистякова. В Доме учителя уже было человек 20—25 учителей, приехавших из разных школ уезда. Радостные встречи, новые знакомства, обмен мнениями, самое необходимое общение с руководителями народного просвещения уезда, с заведующим УОНО Ф. Шевцовым. В Доме учителя он занимал одну маленькую комнату. Это была его квартира, и тут же был и отдел народного образования.

Ф. Шевцов был самым активным и неутомимым участником всех разговоров, споров, которые велись в Доме учителя и днем и ночью. Тут же коллективно составлялись предложения для Совпеда по вопросам народного образования, проекты решений.

К этому времени в Камне уже был создан Народный университет. Размещался он во втором этаже дома купца Винокурова, в той части, где в настоящее время находится зооветеринарный техникум. Все сельские учителя охотно посещали лекции, читавшиеся в Народном университете.

В июня, 1918 год. Теплый погожий день. По расписанию, примерно в 11—12 часов дня, в Народном университете должна начаться лекция учителя Серебrenникова по политэкономии. Для всех сельских учителей этот предмет был новым. Я уже собрался пойти на лекцию, но меня остановил Ваня Шабалин.

— Мне сообщили, — сказал он, — что снизу идет к Камню какой-то пароход. Дай мне, пожалуйста, бинокль. Надо посмотреть, что это за пароход.

У меня был бинокль, я отдал его и вместе с другими учителями пошел на лекцию.

Мы заняли места. Вскоре в зал вошел Серебrenников, высокий, стройный, приветливый. Поздоровался, стал за кафедру, раскрыв папку. Вдруг — телефонный звонок. Серебrenников подошел к телефону, что-то послушал. Не отвлекаясь на трубку ни слова, подошел к кафедре, взял свою папку и, уже направляясь к выходу, сказал нам: «Лекция не состоится. Вам тоже советуем уйти отсюда».

Мы все в недоумении поглядывали друг на друга. Через непродолжительное время послышались пароходные гудки.

Мы знали, что на пристани стояли под парами два парохода, пассажирский «Лейтенант Шмидт» и быстроходный буксирный «Крестьянин». На этих пароходах находилась часть Каменского красногвардейского отряда и некоторые члены Совета. Мы решили, что Серебrenников, как начальник штаба, вызван на пароход к отряду. Примерно через полчаса оба парохода отчалили от пристани и пошли вверх, в сторону Барнаула.

Из учителей пока никто ничего не подозревал. Некоторые высказали предположение, что, вероятно, где-то в прибрежном селе вспыхнуло кулацко-эсеровское восстание, и отряд во главе с Серебrenниковым отправился на подавление его. Прошло еще минут 30—40. Послышалась пулеметная очередь. Мы вышли на балкон. Пулеметные очереди периодически повторялись где-то значительно ниже пристани. Стало тревожно. Мы решили идти из Народного университета в Дом учителя.

В тот же день мы узнали, что на северной части острова, который против Камня, находилась пулеметная точка. Там было два красногвардейца. Ваня Шабалин, увидев пароход, тоже отправился к ним. Пароход приближался к острову. Ясно различались фигуры вооруженных людей. Сомнений не было — идет белогвардейский отряд. Шабалин несколько раз прошил пароход пулеметным огнем на близком расстоянии. Несколько белогвардейцев было убито. Пароход повернул обратно и причалил к берегу в месте, недосягаемом для пулеметного огня. Там был высажен десант, который берегом пошел в Камень. У Шабалина больше не было лент. Вместе с пулеметчиками он в лодке переплыл в город.

Ваня Шабалин знал, что половина небольшого красногвардейского отряда накануне была отправлена в одно из сел на подавление кулацкого восстания. Но он не знал, что вторая часть отряда отправилась на пароходах в сторону Барнаула. Город

Н. С. Хильченко.

оказался беззащитным. Пароход, высадив десант, беспрепятственно подошел к берегу, но почему-то не к пристани.

С носовой части парохода, уткнувшейся в берег, был спущен длинный узкий трап. По нему редкой цепочкой по одному, с ружьями наперевес, быстро сходили на берег чехи, поляки и белые офицеры.

Первые три офицера, сошедшие на берег, сразу направились в Дом учителя, где находился отдел народного образования и квартиры Шевцова. Они спросили нас, где Шевцов. Затем довольно строго предложили нам сдать оружие, если у кого оно есть. Обыскали каждого, перерыли чемоданы, постели. У К. Морозова был револьвер, но он, как только пароход причалил к берегу, сунул его в печку, где было много золь и бумаги. Дверка печки осталась открытой. Там не искали.

Пароход стоял от Дома учителя, где мы находились, на расстоянии 50—60 метров. С крыльца дома было хорошо видно, как на берегу, у парохода, быстро стала собираться толпа — сытые мужчины с золотыми массивными цепочками через животи, богато одетые дамы, которых до этого не было видно в Камне. Вскоре встречать белогвардейцев пришли учителя гимназии во главе с директором, кадетом Лукиным. Лукин преподнес начальнику отряда хлеб-соль и пригласил офицерский состав в гимназию на обед. Приглашение, разумеется, было принято с благодарностью.

В это время толпа молодчиков, купленных местными купцами, привела на берег, к пароходу, сваченного на улице учителя Шевцова. Толпа сытых пришла в ярость. Обращаясь к белогвардейским офицерам и указывая пальцами на Шевцова, многие неистово кричали: «Это главный совдепщик! Это — инциатор и главный вдохновитель произвола и всех беззаконий, которые творились у нас!» Хулиганы и бандиты тут же стали бить Шевцова кулаками по лицу, глумиться над ним. Начальник отряда под усиленным конвоем тяжело избитого Шевцова отправил в тюрьму.

Кто-то из предыдущих встречать белогвардейцев предложил начальнику отряда догнать «совдепские» пароходы и привести их в Камань. Колчаковский пароход с частью отряда отправился в погоню, но через некоторое время вернулся ни с чем. Очевидно, белогвардейцы боялись заходить далеко вверх по Оби.

В это время в Дом учителя зашел купец Чистяков, у которого был конфискован дом, окинул всех злобным взглядом, стал лицом в угол, где у него раньше стояли иконы, перекрестился широким крестом: «Наконец-то господь помог мне зайти в собственный дом. — И, повернувшись к нам, приказал: — Немедленно освободите помещение».

С тяжелым чувством стали мы расходиться кто куда и уезжать в села, в свои школы.

Завхватив город, колчаковцы жестокими мерами пытались погасить в умах и душах людей свет свободы, который они впитали в короткие месяцы Советской власти.

Летом 1918 г. учителя уезда собрались в Камань на курсы. И в это время как раз Каманская городская управа уволила за большевистские убеждения трех учительниц — Цареву, Киселеву и Корниевскую. Профсоюзная учительская организация, возглавляемая М. В. Яковлевым, заявила протест против незаконных действий городской управы. Но управа отказалась пересмотреть свое решение.

Воспользовавшись тем, что на уездные курсы съезжалось много учителей, правление учительского союза поставило вопрос о восстановлении уволенных учительниц на обсуждение профсоюзной учительской организации. Настроение у всех присутствующих уже было взвинчено. Наглое поведение ноячковских офицеров, бесчинства карательных отрядов, грубое попираание демократических свобод и элементарных прав человека вызывало у учителей возмущение. Увольнение же трех учительниц оказалось каплей, переполнившей чашу терпения. На собрании было много очень смелых, резких и страстных выступлений, направленных не только против Каманской городской управы, но и против подобной правительственной системы. Собрание выделило делегацию, которая должна была пойти в управу и от имени уездной профсоюзной организации категорически потребовать восстановления на работе уволенных учительниц. В состав комиссии были избраны Ф. А. Развух, П. О. Никишин и автор этих строк. Управа оказалась заслушать заявление делегации и оставила свое решение в силе.

На следующий день вновь было созвано собрание учителей города и уезда.

В это время Алтайская губерния уже была объявлена на военном положении и на проведение собраний требовалось разрешение властей. Учительская профсоюзная организация пренебрегла этим требованием и проводила собрания без разрешения.

Властям известен был конфликт учителей с городской управой. На собрании явился представитель контрразведки, палач и каратель Воронов (к сожалению, тоже бывший учитель). Делегация доложила собранию, что городская управа отказалась рассмотреть требование учительской профсоюзной организации. Это сообщение вызвало бурное возмущение. Председатель правления союза учителей М. В. Яковлев первый выступил с гневной речью, в которой смело и резко обличал городскую управу в произволе, говорил о том, что она не имеет права и не может игнорировать профсоюзную организацию и демократию, завоеванную народом нашей страны. «Мы — организация, значит — сила. Мы заставим городскую управу считаться с нашим мнением и нашими законными требованиями», — так закончил свое выступление М. В. Яковлев. За ним выступил с возмущенной речью учитель П. П. Статирский. Он призвал участников съезда защитить достоинство и честь учителя, заставить всех уважать права профсоюзной учительской организации и «отучить городскую управу заниматься самоуправством».

Выступающих было много. После каждого нового оратора возбуждение и негодование росло. Воронов сидел на самой задней скамье, как на иголке.

Собрание закончилось принятием решения: «Потребовать от городской управы восстановления уволенных учительниц на работе... Если же городская управа откажется выполнить наше требование, с 1-го сентября объявить стачку всех учителей городских школ. Если и после этого городская управа не отменит своего решения и не восстановит на работе уволенных учительниц, то с 10 сентября начать стачку во всех школах уезда и проводить ее до выполнения управой нашего требования». Съезд поручил делегации принятое решение доложить управе, а на следующий день сообщить съезду решение управы.

Мы наутро пришли к началу заседания управы. Наше заявление было поставлено последним вопросом в повестку дня, всего их там стояло 16. Пришлось ждать. Наконец дошла очередь до рассмотрения выписки из протокола собрания уездной профсоюзной учительской организации. Выписка эта была пущена по рукам членов управы, хотя содержание ее заранее всем было известно. Председатель управы, лидер каменной группы кадетов Кочнев, обратившись к членам, заявил: «Господа члены управы, предлагаю наше решение в отношении уволенных учительниц оставить в силе и политически неблагонадежных людей не допускать к работе в школе». Предложение было принято единогласно, без обсуждения и без возражений. Мы, члены делегации, не сказав ни одного слова, повернулись и пошли доложить об этом собранию учителей. После короткого нашего сообщения председатель правления профсоюзной организации М. В. Яковлев при какой-то особой, напряженной тишине кратко, но весьма внушительно заявил съезду: «Мы сказали все. Больше говорить не о чем. Надо действовать. Предлагаю избрать стачечный комитет, который должен будет руководить стачкой».

Перед голосованием этого предложения слово попросил директор Каменной гимназии Лукин. В своем выступлении он пытался доказать, что учительская профсоюзная организация стала на ложный и опасный путь, что с такой позицией учителя гимназии не могут согласиться и в знак протеста покидают настоящее собрание. Следом за тем все учителя гимназии и два учителя городского училища — Лухманов и Баклушин (последние два были домашними учителями в семье купца Винаурова), поднялись и демонстративно направились к выходу. «Скатертью дорожка!» — бросил им вслед учитель Никишин.

Предложение избрать стачечный комитет было принято единодушно. В комитет вошли М. В. Яковлев, В. Н. Голованов и Л. А. Алферов.

Курсы и профсоюзный съезд закончились. Сельские учителя поехали на места. Пришло первое сентября. Городская управа свое решение не отменила и уволенных учительниц не восстановила в правах. Все учителя городских школ не вышли на работу. Стачечный комитет обратился ко всем рабочим, служащим и трудящимся города Камня примкнуть к стачке учителей и поддержать их законное требование. Редактор каменской газеты, П. Пакин, бывший учитель, обращение стачечного комитета напечатал в газете. В Барнауле газета с обращением стачечного комитета попала в руки уполномоченному по водворению общественного порядка и спокойствия в Алтайской губернии полковнику Кирееву. Он направляет комиссару г. Камня Солову телеграмму: «Стачку немедленно ликвидировать, стачечный комитет арестовать. В случае продолжения стачки будет применена военная сила». М. В. Яковлев и В. Н. Голованов были немедленно арестованы. Л. А. Алферов успел спрятаться. Узнав об аресте стачечного комитета, городские учителя довольно организованно пришли и начальнику милиции и потребовали освободить арестованных. К учителям примкнуло много рабочих и служащих. Возмущенная и озлобленная толпа росла, как снежный ком. Протесты, возмущения и требования становились все энергичнее и настойчивее. Все знали, что Голованову и Яковлеву угрожала большая опасность. Белогвардейцы каждую ночь уводили арестованных в Дурной лог и там расстреливали без суда и следствия.

Комиссар Солов с телеграммой от полковника Киреева отправился в городскую управу для переговоров о ликвидации конфликта с учительской профсоюзной организацией. Управа не отказалась самостоятельно решить конфликт и созвала экстренное заседание городской думы. На заседание думы пришли многие учителя и представители других профсоюзов. Заседание было бурным. Смелое и серьезное выступление сделал учитель А. Г. Александров, учительница Корниевская, сестра уволенной, и многие другие рабочие и служащие, присутствовавшие на заседании. Члены думы и сами понимали, что конфликт необходимо ликвидировать. Было принято компромиссное решение: Цареву и Киселеву восстановить на работе, а Корниевскую уволить как не имеющую достаточной педагогической квалификации (она прослушала краткосрочные курсы красных учителей).

Казалось, конфликт был разрешен. Однако члены стачечного комитета не могли чувствовать себя спокойно. По совету и настоянию друзей они ночью выехали из Камня в с. Киприно, к своему товарищу, учителю, большевику Михаилу Андреевичу Суворову. Он радушно принял их. Там они встретились с Алферовым, третьим членом стачечного комитета.

Тревожные были дни. «Мы все время опасались за свою судьбу. Нам грозил расстрел», — вспоминает об этом периоде В. Н. Голованов, заслуженный учитель РСФСР, ныне пенсионер, проживающий в с. Павловском Алтайского края.

Стачка учителей в условиях кровавого террора была смелым и весьма рискованным действием. Пока все учителя уезда были вместе, каждый чувствовал себя сильным и действовал решительно. А когда разъехались по селам и деревням, стало, честно говоря, жутковато. Ведь не только попасть под шомпол, но и получить пулю в те дни можно было очень быстро. Тем не менее, оставшись один на один со своей совестью и человеческим страхом, учителя не отступили от своих решений. Они, как и рабочие и передовые крестьяне, не приняли антинародный колчаковский режим.

АЛЬМАНАХУ „АЛТАЙ“ — 20 лет

Алтай — земля литературная. Его богатейшая история, его величественная природа издавна привлекали писателей.

С нашим краем связаны сотни литературных имен. Одних интересовал горно-рудный Алтай 18 века, жизнь работных людей того далекого времени, творчество талантливых русских умельцев, открывателей рудных месторождений и плавильщиков руд, создателей чудесных сплавов, невиданных машин. Другие посвящали свои произведения людям дореволюционной алтайской деревни, сибирскому быту, таежным кержацким становьям, искателям сказочного Беловодья. Третьих вдохновлял размах партизанского движения на Алтае в годы битвы с колчаковцами, облик легендарных героев гражданской войны, прославленных народных полководцев.

При Советской власти появилось немало художественных произведений, воспевающих великие социалистические преобразования на Алтае, новые черты в облике советских людей, коллективизацию в алтайской деревне и жизнь колхозного села, кочевье Горного Алтая из феодализма в социализм, героизм наших земляков в годы Отечественной войны, славный труд целинников.

Литературная земля нуждалась в своем литературно-художественном издании. До революции было несколько попыток выпускать свой альманах или журнал, но все они оказались несостоятельными. Для периодических изданий, как правило, не хватало средств, не было полиграфической базы. Да и читателей оказывалось недостаточно.

Это нетрудно понять, если учесть, что до Великого Октября даже в Барнауле более двух третей населения было неграмотно. А в Алтайской губернии процент грамотных не поднимался выше пятнадцати.

Издание альманаха «Алтай» — инициатива молодых литераторов, группировавшихся вокруг «Алтайской правды».

Первая его книга вышла из печати двадцать лет назад, в 1947 году. В то время в крае не было ни одного профессионального писателя. Альманах делался руками молодых.

Правда, сразу же в нем приняли участие литераторы, связанные с нашим краем своей работой и жизнью. Елизар Мальцев дал очерк о знаменитом алтайском хлеборобе Ефремове. Правдист Алексей Колосов прислал несколько ярких кулундинских зарисовок. Александр Яшин выступил с циклом алтайских стихов.

В поэтическом разделе альманаха выделялись стихи молодого алтайского поэта Ивана Фролова. Впоследствии в печати не раз отмечалось, что Иван Фролов открыл степную Кулунду на карте советской поэзии. Именно тогда и было положено начало этому открытию. В первой книге альманаха появилось известное стихотворение поэта «Моя Кулунда».

Равнина, равнина,
Ни яра, ни пади,
Здесь царство метелей
и вьюг.
Как будто гористую землю разгладил
Какой-то гигантский утюг,
Здесь самые сильные,
Свежие ветры,
В колодцах в жару
Ледяная вода.
И люди здесь видят на сто километров,
Полсотни — сюда
И полсотни — туда.

Альманах был хорошо встречен читателями, критикой. Очень тепло отозвались о нем центральная «Правда» и «Литературная газета».

Заинтересовалась «Алтаем» и известная советская писательница Анна Караваева, чья литературная деятельность началась в Барнауле.

— Внимательно прочитала альманах «Алтай», — говорила Анна Александровна на совещании писателей в Новосибирске. — Много любопытного. Но барнаульцы должны помнить: первый шаг делается только один раз. Читатель хочет видеть в литературно-художественных сборниках произведения объемных жанров — романы, повести, поэмы...

Вскоре они появились. Первой ласточкой была повесть В. Куликова

«Маргарита Васильевна». Повесть острая. Молодая сельская учительница выступает против рутины, взаимных скидок, с которыми смирился коллектив школы. О повести, ее отнюдь не благополучном конце было немало споров. Она вызвала широкий читательский интерес.

За первой ласточкой последовали другие крупные произведения — романы, поэмы, пьесы. Нет смысла перечислять все более или менее заметное, что опубликовано в альманахе. Но нельзя не отметить одну характерную черту. Молодые писатели несли в книги свой жизненный опыт, свои биографии.

Инженер-конструктор Николай Павлов опубликовал в «Алтае» роман «Первый проект». В нем со знанием дела рассказано о жизни группы инженеров, о работе конструкторского бюро. В отдельном издании роман так и назывался «Конструкторы».

Николай Дворцов дал в «Алтай» свой роман «Море бьется о скалы», рассказывающий о пережитом в годы Отечественной войны.

Комсомолец, подпольщик в Латвии Ульманиса, офицер Советской Армии в годы Отечественной войны, Лев Квиня пришел в альманах с остросюжетными, увлекательными рассказами. Это были рассказы о борьбе коммунистов и комсомольцев Латвии за Советскую власть, о строительстве новой жизни в Венгерской Народной Республике.

Иван Кудинов опубликовал в «Алтае» повести «Биография без начала», «Коралловый камень», «...Возможна гроза» и др. Тема их — обновление характера молодых рабочих, сверстников автора.

Верностью психологического анализа, свежестью пейзажных зарисовок обратили на себя внимание рассказы Виктора Попова, а позже его повесть «Закон—тайга».

Злободневностью проблемы, зримостью бытовых сцен, емкостью и богатством языка выделилась повесть Александра Баздырева «Если ты человек».

Альманах познакомил читателя со многими поэтическими именами. Биографию целины, строителей Братска воспевал в своих стихах Борис Кауров. Свою алтайскую деревню, свой единственный «Земной уголок», с крутоярами, с тихими плесами, с красными гроздьями боярки, с прорвой воздуха и света богатыми задушевыми стихами воспевал Леонид Мерзликин.

Ты один у меня, мой земной уголок,
Где бы я ни плутал, а по правилу старому,
Ты один у меня на распутье дорог,
Все четыре дороги — к тебе крутоярому...

В «Алтае», помимо стихов, были впервые напечатаны его поэмы «Георгиевский кавалер» и «Тансья».

О вечном и суровом труде хлебороба возвышенно писал тракторист Борис Лютиков. С приметными стихами выступили в альманахе Игорь Пантюхов, Геннадий Володин, Василий Нечунаев, Галина Юдаева, Владимир Казаков, Геннадий Панов, Павел Маштаков.

Традицией стало участие в альманахе писателей, живущих за пределами нашего края, но связанных с Алтаем, в особенности москвичей и новосибирцев.

Сергей Залыгин публиковал здесь главы из романа «Тропы Алтая». Афанасий Коптелов — фрагменты из трилогии о Владимире Ильиче Ленине и отдельные рассказы; Марк Соболев и Казимир Лисовский — стихи, Савва Кожевников и Александр Смердов — очерки и критические статьи.

В «Алтае» публиковались произведения самых различных жанров. Почетное место в нем отводилось документальной повести, очерку, историческим исследованиям.

Наряду с писателями, выступали публицисты и социологи, ветераны войны, старые большевики, партийные работники, ученые, педагоги, инженеры, врачи.

Широкий читательский интерес вызвала документальная повесть Александра Волкова и Николая Штанько «Ветвь сибирского кедра», посвященная Герману Титову. Авторам повести удалось проследить истоки замечательной судьбы Космонавта-2.

«Высоко поднял над тайгой широкую, бурно разросшуюся крону сибирский кедр. Вскинул прямо в небо молодой побег — дерзкий, юный, ликующе-зеленый. Для того, чтобы понять, почему так смела и прекрасна эта юная ветвь, почему так высоко вознеслась она над вершинами других деревьев, надо увидеть могучий ствол кедра, его крепкие ветви, разглядеть его узловатые корни»...

В повести рассказано о коммуне «Майское утро», которую основали мужики сибирского села Верхнее Жилино, в том числе оба деда космонавта Германа Титова, и о примечательном учителе Адриане Митрофановиче Толорове, создателе знаменитой книги «Крестьяне о писателях», и о совершенно незаурядном человеке — отце космонавта, Степане Павловиче Титове.

Особую ценность представляют опубликованные в «Алтае» воспоминания Михаила Осиповича Пантюхова о Владимире Ильиче Ленине. Бывший моряк Балтийского флота, член партии с января 1919 года, участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, М. О. Пантюхов несколько раз встречался с великим вождем революции. Его очерк «Незабываемые встречи», написанный по просьбе редакции «Алтая», напечатан позже и в «Литературной газете».

Не прошли незамеченными записки бывшего секретаря Славгород-

ского укома Дмитрия Горностаева. Дмитрий Осипович Горностаев — свидетель событий в селе Черный Дол, где произошло первое в Сибири организованное выступление против Колчака. Автором «Алтая» был известный ученый, академик ВАСХНИЛ М. А. Лисавенко. Михаил Афанасьевич использовал страницы «Алтая» для талантливой, страстной и в то же время всегда обстоятельно и тонко аргументированной пропаганды дела всей своей жизни — садоводства в Сибири.

Сделано немало ценных публикаций, освещающих отдельные страницы истории, революционной борьбы, экономической и культурной жизни старой Сибири.

Так, в десятой книге альманаха впервые опубликованы три письма Вячеслава Шишкова известному сибирскому путешественнику этнографу и фольклористу Георгию Николаевичу Потанину. В одном из писем Шишков говорил:

«Я люблю Алтай крепко, — с каждым годом любовь моя растет, и не знаю, чем я возмещу Алтаю ту радость и счастье, которыми он меня наделяет каждый день, каждую минуту. Если б я был поэтом, я воспел бы его, я бесконечно стал бы прославлять его красоту и мощь».

И еще:

«Алтай красив. В особенности его вечные снега, земли надгробие. Что за прелесть Чуйские Альпы. А густые, пушистые букеты розового маральника, которыми щедро украсил Алтай рукою ангела, почивающего на вечных снегах».

Альманах «Алтай» вырос, окреп вместе со своим авторским активом. Сейчас он выходит четыре раза в год, стал подписным изданием.

На Алтае есть своя писательская организация. И в крае, и за его пределами известны книги Николая Дворцова, Александра Баздырева, Ивана Кудинова, Льва Квина, Георгия Егорова, Николая Чебаевского, Александра Демченко, Константина Козлова, Леонида Мерзликина, Владимира Сергеева и многих других. И невозможно теперь представить без этих авторов, без их книг культурную жизнь края, да и всей Сибири. А все они, в той или иной степени, обязаны своим ростом скромным, тоненьким книжкам местного альманаха, в которых каждый раз появляются все новые и новые имена.

О количестве их можно судить, хотя бы по первой книге нынешнего года. Эта книга целиком посвящена поэзии. И в ней, под одной крышей, соседствуют более семидесяти имен.

Двадцатилетие альманаха, может быть, не столь уж редкий в наше время, но все-таки показательный факт.

Сколько было попыток издавать в Сибири свой литературный альманах или журнал. Начались они еще в восемнадцатом веке, когда в Тобольске, при участии ссыльного литератора Панкратия Сумарокова.

племянника известного русского поэта, был основан журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену». Но все они, просуществовав самые короткие сроки, закрывались.

Как уже говорилось, были такие издания и в Барнауле, например, «Алтайский альманах», единственная — первая и последняя — книга которого печаталась в Петербурге..

Периодический выпуск периферийных литературно-художественных изданий стал возможен лишь при Советской власти.

Еще в тридцатых годах Горький отмечал это коренное достижение литературы нашей страны. Она вышла за пределы нескольких областей — Московской, Орловской, Тульской, рассредоточилась по всей советской земле, стала полнее отражать ее жизнь, многообразие ее бытового уклада.

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

(К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
Н. Г. ДВОРЦОВА)

Судьбы людские необыкновенны. Мы привыкли к этой фразе. Часто забываем о том, что стоит за ней.

Живут рядом люди. День проводят на работе. По вечерам включают телевизор или идут в кино, расставляют шахматы или стучат по столу костяшками, читают книги или сидят с друзьями за уставленным снедью столом. И порой кажется — все в них обыденно, банально. А взглянешь пристальнее, заинтересуешься чьей-либо жизнью, и порази́т она неординарностью, своеобычностью.

Живет в Барнауле писатель Николай Дворцов. Издает свои книги. Активно участвует в общественной работе. Был делегатом II съезда писателей России, год назад избран ответственным секретарем Алтайской писательской организации, депутатом горсовета. И, кажется, всегда по утрам он садился за письменный стол против занявшего всю стену стеллажа с книгами, неохотно отвечал на телефонные звонки, коротко и

весомо выступал на совещаниях, сердитыми пометками испещрял рукописи молодых. А в свободное время самозабвенно копался в своем саду.

Но взглянем пристальней, и первоначальный смысл обретет эта фраза «судьбы людские необыкновенны».

Дворцов родился в декабре 1917 года в селе Куриловке Саратовской области. Детство его прошло на небольшом хуторе, где зимними вечерами накрепко запирали двory и скотные пригоны, потому что прямо на хутор заходили голодные завывающие волки. Двенадцати лет он лишился отца, не по книгам узнал, что такое нужда и недоедание.

Окончив школу крестьянской молодежи, поступил в строительный техникум. Материальные трудности заставили прервать учебу. Некоторое время работал техником-нивелировщиком. Кончил вечерний рабфак. Поступил в учительский институт. Здесь на отделении литературы и языка впервые просыпается желание писать. Первый рассказ Дворцова «Бельчик» был опубликован в областной пионерской газете. В 1940 году появился второй рассказ в альманахе «Литературный Саратов».

По окончании института, работает учителем в сельской школе. Война делает учителя солдатом. Он участвует в боях. В мае 1942 года, после неудавшегося наступления наших войск на Харьков, Николай Дворцов испытал не только горечь поражения, но и позор и ужасы фашистского плена. Три года пробыл он в гитлеровских лагерях смерти, из них два с половиной в оккупированной Норвегии на берегу зеленого, вечно гремящего моря.

Врач Садовников сколачивает в лагере подпольную организацию. Рискуя жизнью, подпольщики связываются с норвежскими коммунистами, добывают оружие, готовят восстание. Но восстанию не суждено было вспыхнуть. Фашисты схватили Садовникова, а некоторое время спустя расстреляли шестерых подпольщиков.

Участником подполья был и Николай Дворцов. Смерть ходила совсем рядом.

Победа над фашизмом принесла долгожданную свободу, возвратила Родину. Но жизнь не сразу вошла в колею. Война разрушила семью. Из Саратова Николай Григорьевич перебрался в Барнаул. Здесь жили его мать и брат. В Барнауле он устроился на скромную работу в краевое управление сберкасс. И с еще большей силой проснулась старая страсть. Хотелось писать.

Вечерами допоздна сидит начинающий писатель над своей первой повестью. И здесь его подстерегает неудача. Повесть, как это часто бывает с первыми крупными вещами, оказалась слабой, не увидела света. Нелегко молодому литератору перенести такое. Особенно, если

он не так уж молод. Стукнуло тридцать. И почти ничего не напечатано. И не устают напоминать о том, что Лермонтов в двадцать шесть...

Для многих такая неудача становится роковой. Николай Дворцов взялся за новое произведение. И опять бессонные ночи, опять мужественный непрекращающийся поиск.

И вот первый успех. Повесть «Мы живем на Алтае» публикуется сначала в молодежной газете, потом выходит в свет отдельным изданием. Николай Григорьевич переходит на журналистскую работу в редакцию краевого радио, а позже в молодежную газету.

За первой повестью следует вторая — «Наше счастье». Николай Дворцов становится членом Союза писателей.

Внимание читателей завоевывают все новые и новые его книги: сборники рассказов «Дружба» и «Родная семья», повесть «Пуговицы».

Первый большой успех приносит роман «Дороги в горах». Он издавался не только в Барнауле, но в Новосибирске, в Москве.

Окрепнув, обретя литературное умение, Дворцов обращается к самым трагическим годам своей жизни. Тяжелы, подчас гнетущи, воспоминания. Но он должен написать об этом. Должен за всех погибших и за всех вырвавшихся из этого лагеря смерти. За всех них. От имени и по поручению.

Так родился роман «Море бьется о скалы». Произведение выдержало редкий для областного издания трехсоттысячный тираж.

Удача дала не только новых читателей, но и принесла еще одну, ни с чем не сравнимую, радость. Объявился Садовников. Оказывается, руководитель подполья остался жив. Фашисты не знали о его роли в лагере. Лишь догадывались, что он причастен к подготовке восстания. Врача отправили в лагерь еще более сурового режима. Прочитав «Море бьется о скалы», доктор Садовников написал Дворцову. Позже испытанные совместной борьбой друзья встретились в Барнауле.

Этой же теме Николай Дворцов посвятил еще одно произведение — повесть «Двое в палате». Недавно в печати появилась его новая повесть «Опасный шаг».

• • •

Произведения писателя никогда не бывают равноценными. Годы оттачивают литературное мастерство, формируют вкус, повышают эстетические критерии. Но и у мастеров наряду с точными попаданиями случаются промахи, наряду с парением — падение.

Однако у настоящих писателей есть другая, более или менее постоянная величина, как бы стоящая за скобками и возводящая в степень все создаваемое ими. Это пафос, которым проникнуты страницы книг, это сумма идей, моральные ценности, наиболее дорогие автору.

Различны герои произведений Николая Дворцова. Далеки друг от друга события, описываемые в разных его книгах. Всякий раз остро чувствуются в них приметы времени. И все же резко выступает одна тема.

Чистота, бесхитростная доверчивость сталкиваются с эгоцентризмом, жадностью, корыстным криводушием. Писатель не лакирует и не упрощает эту борьбу. Подчас она бывает суровой и нелегкой. Но книги его оставляют ощущение ясности, степной широты и по-весеннему высокого неба.

От суровых испытаний не застрахованы не только взрослые, но и дети. Незамутненно спокоен, светел мир маленького Васи Твердых. Есть школа, с неловким, как медвежонок, мечтательным Левой, отзывчивой умницей Светой, строгой, но правильной Глафирой Павловной. Есть мама, самая славная, умная и красивая. Есть поселок над Катунью с домами под белыми кудлатыми шапками снега, со зверофермой, где обитают важные хитроватые лисицы и юркие соболи. Есть живущий своей особой жизнью, занесенный искристым, спящей белизны снегом бор.

И в этот добрый надежный мир врывается настоящая недетская беда. Мать Васи, Валентина, подружилась с шофером Яковом. Безобманная детская чуткость помогает мальчику за красивой внешностью, улыбчивостью Якова распознать его мелкую душонку. Но что сделаешь, если мама не понимает этого! Если даже кражу, совершенную Яковым, она приписывает Васе. Остается только сбежать из дому, скрыться в весеннем бору, не сдав даже последнего экзамена по арифметике.

Может быть, и неправильно поступил Вася. Во всяком случае, строгая учительница осудила его поступок. Но сын помог матери понять ее ошибку, распознать Якова.

Пронеслась над маленькой семьей грозная буря. Чистота и доверчивость столкнулись с эгоизмом и мелкой хитростью. И, несмотря на свою открытость, на кажущуюся беззащитность, Вася и Валентина вышли победителями из этого поединка.

Сложнее борьба в романе «Дороги в горах». Сельские ребята, окончившие среднюю школу, ищут свой путь. Не просто решить это уравнение со многими неизвестными. Дочь доярки Клава Арбаева мечтает стать зоотехником. Но она не проходит по конкурсу в институт. Игорь Гвоздин подает заявление в то же учебное заведение из-за Клавы. Он вырос в городе, на селе живет всего один год и равнодушен к сельскохозяйственному труду. Однако стараниями отца Игорь становится студентом. Коля Белендин идет работать на комбайн, а Нина Грачева предпочитает сидеть на иждивении своих родителей.

В школе все было понятно, и учителя не раз говорили о прямых, открытых дорогах. А в действительности... Отец Игоря настолько хитер, что даже от единственного сына скрывает свои намерения. Мать глупа и

претенциозна. Отец Нины Грачевой словно оброс скорлупой, оглох сердцем. Даже мать Клавы в трудную минуту жалеет дочь ненужной жалостью, убеждает ее пойти шелестеть бумажками в контору райпотребсоюза. А здесь ловко жонглирует высокими словами Федор Балусhev. На словах он рвется на передний край, на линию огня. Но как прослышал, что его хотят направить на животноводческую ферму, сразу оказался трусом и симулянтом.

На ферму идет Клава. Крепко испытывает ее жизнь — и нелегким трудом, и лютой сибирской стужей. Клава выдерживает испытания. За ней тянется и Игорь Гвоздин, который искренне любит девушку. Снова чистота помыслов торжествует над себялюбием и своекорыстием.

И вот еще одно произведение Николая Дворцова, где излюбленный автором конфликт приобрел иной масштаб и смысл. Мораль советского общества столкнулась с человеконенавистнической философией гитлеровских завоевателей.

В адские условия поставлены герои романа «Море бьется о скалы». С характерной для них последовательностью и методичностью гитлеровцы строят в лагере свой идеальный порядок. Каторжный труд, голод, холод, издевательства. Жизнь пленного ценится ниже пачки сигарет, пайки хлеба.

И все-таки люди не сломлены. Пусть от худобы обвисла кожа и даже безусые юноши похожи на стариков. Пусть потемнели, глубоко запали глаза, но в глубине глазниц горят они жарким огнем. Лишь немногих отщепенцев голод и смертельная опасность толкнули на измену Родине.

— Это не люди, а мусор, — говорит о них Степан Енин — центральный герой романа. В мирной жизни они терялись среди настоящих людей и сами порой казались настоящими. А как война вспыхнула — всплыли навозом.

Сам Степан рассудителен и нетороплив. Он твердо помнит народную мудрость — живой смерти не ищет. Но это не мешает ему аступить в подпольную организацию, которую создает доктор Садовников. (Садовников фигурирует в романе под своим именем). Именно Степан, по заданию этого бесстрашного человека, связывается с норвежцами, приносит в лагерь вести о том, что Сталинград не пал, «непобедимые» гитлеровские войска разбиты, Паулюс сдался.

Руководители подполья назначают Степана командиром взвода. Он готовит свой взвод к восстанию.

Когда фашисты схватили Садовникова, Степан продолжает борьбу. Вместе с Никифором Бакумовым они решают устроить «салют» в день рождения фюрера. Пленным удастся взорвать баржу с боеприпасами.

Воины остаются непокоренными. И фашисты почти ежедневно убе-

ждаются в этом. Денщик Аркадий, раболепно чистивший сапоги немецкому коменданту, вдруг бросает гранаты в офицерский вагон. Оказывается, он не только чистил сапоги, но, по заданию подпольщиков, добывал и прятал оружие. Вошедший в доверие к немцам переводчик Федор Бойков убивает и ранит четырех гитлеровцев.

«Конец войны!».

Степан целует Бакумова и всех, кто попадает под руку.

У Бакумова по черным щекам катятся слезы. Не замечая их, Никифор говорит:

— Выстояли, друзья!

— Выстояли, — повторяет Степан».

Это свет выстоял против тьмы, человеколюбие против людоедства, коммунизм против фашизма.

В повести «Двое в палате» Николай Дворцов возвращается к той же теме в новом, более глубоком философском осмыслении. Судьба сводит в больничной палате двух пожилых, много повидавших людей. Илья Рыбин не сразу узнает в своем соседе давно знакомого Тимофея Козырева. Ведь сосед этот зовется теперь Сергеем Ивановичем Самохиным.

Козырев — это тот самый мусор, о котором презрительно говорит учитель-солдат Степан Енин. Жил среди настоящих людей и казался настоящим. Даже говорил громкие слова и занимал какую-то руководящую должность. А началась война — продался фашистам. Да еще и Рыбина тащил на эту дорожку. И не то важно, будет ли осужден за свои преступления Тимофей Козырев. Гораздо важнее, что случилось с ним. Этот человек отказался от своей жены, забыл родные места, друзей, товарищей. Потерял все человеческое, что в нем было. И, наконец, откасался от самого себя.

Не проходит даром, не прощается иудин грех!

Можно еще многое говорить о проблематике произведений Николая Дворцова. Писателя остро интересуют вопросы воспитания молодого поколения, отношения к труду, дружба, любовь, семья, армейская жизнь. Дворцов не стал прозаиком этапных поисков, новаторских открытий. Но то, что им сделано, сделано добротнo и по-своему. Писатель постоянен в своей художественной манере. Ему есть чем поделиться с читателем, и он не торопится увлекать и поражать необычайными событиями, коллизиями. Он беседует с читателем, как человек уверенный, что его будут слушать.

Николай Дворцов любит обстоятельные и убедительные психологические мотивировки. В сочетании с незаурядной наблюдательностью, точностью деталей это делает его произведения достоверными.

Книги Николая Дворцова всегда познавательны. Но эта познава-

тельность не бывает у него самоцелью. В повести «Наше счастье» мы немало узнаем о совхозной звероферме, о повадках и разведении пушных зверей. Много познавательного несут в себе романы «Дороги в горах» и «Море бьется о скалы». Но все это не мешает развитию сюжета, наоборот, органически входит в сюжетную канву, даже движет ее, помогает писателю правдиво воссоздавать жизнь.

И еще одно качество, которое красит произведения Николая Дворцова. Это — поэтическое ощущение родной природы. Писатель видит, как белым облаком опускается на поляну майская черемуха, слышит напоминающее звук басовых струн гитары жужжание золотистых лесных пчел и тонкое мелодичное позванивание невидимой синицы. Он слышит, как осенний ветер колышет лохматые кусты берез, лапчатых кленов, трясучих осин, сливает их в огромное пожарище, осыпая пламенеющие листья в траву, бурьянистую охоть.

Немалый путь прошел писатель Николай Дворцов. Общий тираж его произведений давно перевалил за миллион.

Вместе с пятидесятилетием мы отмечаем четверть века его литературной работы.

М. ОСИПОВ

НОРВЕГИЯ, ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА СПУСТЯ

Есть в мире страна
Среди вечных снегов.
В расщелинах скал ее —
Зелень лугов.

(Норвежская
народная песня).

Нас — двадцать семь. Для двадцати шести Норвегия — просто Скандинавская страна. Им, молодым, хочется воочию убедиться, как и что там, в капиталистическом мире. И только у меня цель несколько иная. Меня тянет в Норвегию желание посмотреть, как и что изменилось после нас, познать то, чего раньше не было или осталось незамеченным. Да и память сердца не дает мне покоя. Она, несомненно, не последняя причина давно желанной поездки...

Двадцать два года назад от сокрушающего удара Советской Армии в сердце Германии распахнулись ворота фашистского лагеря в местечке Лаксевог, что на окраине норвежского города Бергена. Не всем посчастливилось дождаться освобождения — десятки и сотни наших ребят, стойких и мужественных, погибли от голода, лобов, пуль. Оставляя их на чужбине, мы поставили им памятник, на котором выбили слова: «Мать Родина вас не забудет». Мы посадили цветы...

Шли годы... Они не могли стереть

прошлое. Сердце помнило и звало в Норвегию. Хотелось побывать на могилах друзей, повидаться с норвежцами, которые, делясь последним, спасали нас от голодной смерти, рука об руку с нами шли к трудной победе.

И вот французская «Каравелла» скандинавской авиакомпании SAS коснулась бетона норвежской столицы. С любопытством на все озираясь, кучно идем в таможенную, закладываем небольшие бланки, вкладываем в красные заграничные паспорта. Взглянув на молодого таможенника, я невольно подумал о том, что в конце войны этому парню было, пожалуй, года три или четыре. А может и того меньше.

— Такк, манге такк, — сказал я, пожалуй, не столько из чувства благодарности к таможеннику за быстро возвращенный паспорт, сколько из желания проверить, как звучат и как воспринимаются давно не произносимые мною норвежские слова. Таможенник одобрительно закивал, улыбнулся, а я с горечью и досадой подумал о том, что, кро-

ме «спасибо», «большое спасибо», память за двадцать два года сохранила очень немного.

Еще в самолете между не ахти каким складным разговором по-немецки с бельгийским коммивояжером мне подумалось о том, как невероятно сократились теперь расстояния. В 1942 году мой мучительный путь до Норвегии тянулся чуть ли не полгода. В сорок пятом, при возвращении на родину, пришлось пересечь поездом Норвегию, Швецию, плыть пароходом и снова поездом ехать через Финляндию. Теперь от Москвы до Копенгагена — два с половиной часа. И менее часа — от Копенгагена до Осло. Только набрали высоту — пошли на снижение.

Худенькая светловолосая девушка в резиновых сапожках и плаще спрашивает на выходе из аэропорта:

— Руссиск?

В несколько голосов подтверждаем, что она не ошиблась. Девушка что-то говорит, мы переглядываемся, затем все взоры обращаются к Шуре, преподавательнице английского языка, работавшей переводчицей в Интуристе.

Несколько минут спустя едем автобусом по Осло. Устроившись с жильем и пообедав, расходимся по городу. На завтра снова то всей группой, то, разбившись по три-четыре человека, «штурмуем» норвежскую столицу, глазеем, шелкаем фотоаппаратами, и, конечно, некоторые плутают.

Вечером в комнатах с деревянными кроватками в два этажа — оживленный обмен впечатлениями.

Тилом у нас — Софья Михайловна Краг. По ее словам, она в 1926 году, выйдя замуж за норвежца, уехала из Ленинграда. Теперь она разговаривает по-русски с иностранной интонацией. Я говорю Софье Михайловне, что где-то недалеко от Осло был большой концлагерь. Мы ненадолго останавливались в нем в июне сорок пятого при возвращении на Родину. Тогда там уже всем распоряжались норвежские партизаны, очень хорошие парни.

— Это в местечке Гринк, совсем не-

далеко, — говорит Софья Михайловна. — Там погибла масса людей. Теперь от лагеря ничего не осталось. Все съели. Я думаю — напрасно так сделали. Надо было что-то оставить...

Не без волнения узнаю, что даже Одду Хансену, сыну всемирно известного полярного исследователя, архитектору и художнику, не удалось избежать колючей проволоки. Три года он томился в концлагерях. Одд не сломился, не пал духом — все три года находил в себе силы для натуральных зарисовок сцен страшной лагерной жизни. Товарищи помогали Одду спасти рисунки. Теперь многие из этих натуральных зарисовок — убедительное обличение фашизма в книге воспоминаний Одда Хансена «Tre or» («Три года»).

Норвегия не такая уж маленькая страна, как некоторым порой кажется. На ее территории можно было бы разместить Англию, Бельгию и Голландию. Морские и сухопутные границы Норвегии составляют более пяти тысяч километров. Но только четыре процента территории страны обрабатывается. Около одной четверти площади Норвегии — под лесами. Труднодоступные горы, скалы и суровая тундра, малопригодные или совсем непригодные для жизни человека, занимают более двух третей всей страны.

Норвегия славится многочисленными, очень живописными фиордами, многие из которых врезаются в сушу до ста километров. Славится страна и островами. Морское побережье Норвегии на карте крупного масштаба напоминает затейливое кружево: острова, говорят, до 150 тысяч, от крошечных, в несколько десятков квадратных метров угрюмых скал, величаво вставших из морских волн, до сравнительно больших, обжитых людьми. За счет теплого течения Гольфстрим климат побережья довольно мягкий, с большим количеством дождей, с нежарким летом и нехолодной зимой. Население Норвегии — 3,7 млн. человек.

Норвежцы о многом своем норвежском говорят с чувством национальной гордо-

сти. У них вообще завидная и, я бы сказал, поэтическая любовь к своей родине. Они гордятся, например, тоннажем своего торгового флота и тем, что в результате умелого использования энергии своих многочисленных горных рек у них самая дешевая в мире электроэнергия, настолько дешевая, что использование газа в квартирах оказывается неэкономичным.

Об Осло — своей столице — норвежцы говорят также не без чувства любви и гордости, хотя и оговариваются: «По количеству населения наша столица очень скромная, всего около пятисот тысяч. Но по площади Осло занимает одно из первых мест в Европе».

И действительно, Осло — просторный город. Пожалуй, это первое, что бросается в глаза. Если в центре дома стоят вплотную, то при некотором удалении — на почтительном расстоянии друг от друга. От любви ко всему яркому дома тоже яркие. Красные, желтые, голубые, оранжевые, они дополняют живописную горную местность, красиво вписываются в нее.

Дома, построенные после войны, сразу отличишь: многоэтажные, строгих линий, с большим количеством стекла. Бетон и стекло. Красиво, прочно. Хорошо и то, что каждый дом — на свое лицо, со своими неповторяющимися особенностями. Впрочем, строительное искусство, как, пожалуй, и всякое искусство, не терпит крайностей. В этом мы убедились, увидев сооружение несуразной формы. Стали гадать, что это может быть. В игривом соревновании что только не говорили. И все равно наша коллективная фантазия не выдержала соперничества с искусственной фантазией архитектора — Софья Михайловна пояснила, что это церковь, построенная в стиле модерн.

Из достопримечательностей Осло самое большое, пожалуй, впечатление оставляют работы скульптора Густава Вигеланна. При знакомстве с его композицией во Фрогнер-парке в первую очередь поражаешься необыкновенной работоспособности мастера. Около

двухсот скульптур в граните, мраморе, бронзе.

Не знаю, как другие, а я при первом посещении Фрогнер-парка просто растерялся, и мне захотелось прийти туда снова, чтобы в тишине и одиночестве осмотреть все еще раз и как можно глубже понять необыкновенный замысел художника. Круговорот жизни, безмятежное детство, крылатая юность, пора любви, материнство, взлеты и падения на жизненном пути, а кончается все дряхлой бесплодной старостью...

Семнадцатиметровый гранитный монолит возвышается над крестообразной лестницей. На ступенях лестницы — десятки многофигурных скульптур. Реализм исполнения и символичность замысла. Ступени лестницы — ступени жизни. Знак Зодиака. Монолит — сплошное сплетение обнаженных человеческих тел. Одно поколение подпирает другое в стремлении вверх, к небу и солнцу. Однако чем больше находишься среди скульптур, чем дольше рассматриваешь Монолит, тем острее ощущаешь чувство безысходности, обреченности. В силу своего мировоззрения автор, возможно, того и добивался. А возможно, все это потому, что Монолит и некоторые скульптуры делались художником уже в старости, совпавшей с годами оккупации его родины фашистами.

Эти мысли приходят потому, что в более ранних скульптурных портретах — Эдварда Грига, Бьерксона, Ибсена, Ионуса Ли, математика Абеля — Густав Вигеланн воспевает человека с горьковским пафосом, человека — творца, победителя.

Вернувшись домой, я прочитал о Вигеланне все, что можно было достать. Порадовала еще одна черта характера художника — его любовь и преданность родине, народу. Счастье Густава Вигеланна в том, что народ и родина ответили ему взаимностью.

С четырнадцати лет сын столяра Густава Вигеланна вступил на нелегкий самостоятельный путь познания искусства и мастерства. В Осло он овладевал ремеслом резчика по дереву, после работал в литейной знаменитого Родена, не-

сколько лет отдал реставрации старинной резьбы в известном Нидоросском храме в Тронхейме. Жил бедно, студию заменял дощатый сарай, в котором гулял зимний ветер. Между тем известность Вигеланна переступила границы Норвегии. О его работах немало говорили и спорили, из-за рубежа стали приходить выгодные предложения. Художник настойчиво отклонял их.

В 1921 году Вигеланн заключил с муниципалитетом Осло соглашение, по которому скульптор передавал все свои работы в собственность городу, а городское управление строило для Вигеланна дом-студию, разбивало парк для размещения его работ, обеспечивало необходимыми материалами, выделяло значительные суммы на жизнь самого художника. Впрочем Вигеланн был неприхотлив. Всецело занятый осуществлением своих замыслов, он жил замкнуто, решительно отвергал всякие развлечения. А замыслы в ходе их осуществления все время расширялись и углублялись. И художник, боясь не успеть, трудился без учета времени.

Теперь дом-студия, согласно договору со скульптором, стал музеем. Там покоятся и останки Густава Вигеланна, умершего в марте 1943 года. А Фротнер-парк теперь все называют Парком Вигеланна. И кто бы ни появился в столице — иностранец или свой норвежец — он первым долгом идет в парк Вигеланна.

Если не все, то большинство из нас в детстве зачитывались описанием подвигов полярных исследователей. Пренебрегая трудностями, рискуя жизнью Фритьоф Нансен упорно двигался на «Фраме» к намеченной цели. (Кстати, «Фрам» означает «вперед»). Так назвала корабль жена Нансена). Теперь «Фрам» отдыхает на бетонной площадке под стеклянным шатром. Мы познакомились с многочисленными фотографиями, отображающими подготовку экспедиции и саму экспедицию к Северному полюсу, прошли по палубе корабля, спустились в низкие темные каюты. Одежда Нансена, его ружье, хирургические инструменты,

кинокамера... Не надо большой фантазии, чтобы, проникаясь волнением, живо представить прошлое.

Строительство корабля велось с таким расчетом, чтобы он как можно больше сопротивлялся льдам. Весь корабль дубовый, носовая часть обита листовым железом. Округленная форма корпуса способствовала выталкиванию «Фрама» на поверхность льдов, спасая от катастроф. Да, немало выдумки, изобретательства проявили строители. Но если мысленно сравнить «Фрам» с современными ледоколными кораблями, он — жалкая игрушка. Тем больше мужества требовалось от тех, кто отважился на «игрушке» отправиться в такое рискованное путешествие.

В 1905 году Норвегия обрела самостоятельность, и народ пожелал видеть своего национального героя королем, но Фритьоф Нансен становится дипломатом, помогает своей родине обрести удельный вес в международной жизни. В годы первой мировой войны Нансен много сил и энергии отдает организации помощи жертвам войны — детям, военнопленным. Нансен — инициатор создания при Лиге Наций специального комитета по оказанию помощи советскому народу, пострадавшему от засухи 1921 года. Норвегия предоставила молодой Советской России займы для закупок через Комитет Нансена продовольствия. Верховный Совет РСФСР, отмечая выдающуюся роль Фритьофа Нансена в деле оказания помощи голодающим, наградил его Почетной грамотой.

О том, что лучшие сыны Норвегии отважны и упорны в достижении намеченной цели, убеждает и посещение музея «Кон-Тики». Как и «Фрам», «Кон-Тики» бережно укрыт от непогоды. Под плотом — искусная имитация воды, муляжи рыб, сделанных в натуральную величину. В центре плота, скрепленного стеблями вьющихся растений — «какют-компания» из бамбука, наподобие нашего шалаша. С плота спущена корзина — она защищала при купании членов небольшого экипажа от морских хищников.

Наша группа, устроясь на скамейках, слушает рассказ гида, а я смотрю то на страничку бортового журнала под стеклом, то на плот. Надо было быть очень мужественным и очень убежденным в своем научном предположении, чтобы на такой ват, утлой на вид, посудине пройти в океан около восьми тысяч километров. Попытался представить шторм, когда огромные горы воды обрушиваются на плот с шестеркой отважных, и признаюсь, мне стало немного не по себе.

Между тем Софья Михайловна говорит:

— Сын Тура Хейердала учится в университете. Что? Да, здесь, в Осло. А сам он, к сожалению, уехал. Живет в Италии. Вы знаете — у нас очень высокий подоходный налог, особенно с литературного заработка. У Тура Хейердала издавалось немало книг, и подоходный налог, говорят, достигал девяноста процентов. Вот потому он уехал.

Побывали мы в Музее викингов и Народном музее. Последний примечателен тем, что в нем собраны со всей страны древние уникальные жилые и хозяйственные постройки, церкви. Старинный крестьянский дом мастерил, кажется, наш Собакевич с явной заботой о тысячекратном запасе прочности. У огромного стола с крышкой из толстых досок сидит с рукоделием служительница в национальном костюме того времени. Здесь же — различная хозяйственная утварь. За изыществом предки нынешних норвежцев не гнались, лишь бы прочно и объемисто.

В завершение экскурсии — ленч в кафе, где и мебель старинная, и официантки в старинных народных костюмах, и сама еда (что-то среднее между супом и кашей) — давнее национальное блюдо.

Вечером, как обычно, обмениваемся мнениями. Роберт, инженер из Вологды, замечает, что норвежцы умеют подать товар лицом, так умеют, что у них незначительное становится значительным.

— Знаете, сколько у нас старинных зданий. Резьба по дереву не хуже наших знаменитых вологодских кружев.

В разговор вступает сразу несколько голосов:

— А Кижь? Братцы, был кто? Чудо!

..Недалеке от нашего общежития — изгиб широкого шоссе. Плотный поток автомашин, послушный указаниям светофора, то замрет, то с оглушающим ревом рванется. В войну автомашин было меньше, значительно меньше. И ездил в них только оккупанты, а норвежцам приходилось довольствоваться трамваями да велосипедами. В легковых важно, по-хозяйски, восседали офицеры, в трехкучных грузовиках — солдаты, вахальные, щедрые на сальные шуточки по адресу встречных норвежцев.

Неожиданно вспоминается нищий. Он попался в самом центре города, недалеко от роскошного четырехэтажного магазина с лифтом. Виновато-жалкая улыбка. Старенькая гармонь в его руках поет робко и тоже виновато. Нам сказали, что в Норвегии нет безработных. Так что с этим человеком? Лицо стертое, как давний пятак, но все равно можно поинтересоваться, что человек не так уж стар, во всяком случае до семидесяти пенсионных ему далеко. Может быть, виною всему тот известный порок, за который отовсюду увольняют?

После войны мы, ожидая отправки на родину, больше месяца жили в Бергене. С утра до вечера бродили по городу и его окрестностям. Время было трудным, очень трудным. Сигареты, натуральный кофе считались роскошью. Однако нищих видеть тогда не приходилось. Возможно потому, что оккупанты так обобрали страну, что все оказались почти нищими...

За два дня мы увидели только фасад столицы. А хочется понять послевоенную жизнь. Вот если встречу в Бергене с друзьями... Нурвальд Кваль, Свен Твед Кнудсен — они все расскажут, слов не хватит — на пальцах растолкуют.

Берген... Он не дает покоя. Все думаю, представляю встречу, поездку в Лаксвог, где был лагерь, где могилы друзей...

По телефону передали, что нас приглашают в посольство. Все обрадовались возможности побывать в учреждении, которое на высоком уровне представляет здесь нашу страну, послушать, если уж не самого посла, то кого-нибудь из сотрудников; они, постоянно живая в Норвегии, знают, конечно, немало интересного.

Нас принял посол Николай Митрофанович Луньков. Его рассказ, построенный на фактах и личных наблюдениях, был настолько живым, что, кажется, никто из нас не замечал времени. Только когда сели в автобус, спохватились — прошло около двух часов.

По словам Н. М. Лунькова, спорт в Норвегии пользуется большим уважением. Зимой — лыжный и конькобежный, летом — парусный. Но лыжи — особая страсть норвежцев. На них ходят все: от малого до старшего, от домохозяйки до премьер-министра. Король Улав — бывший чемпион Норвегии по прыжкам с трамплина. О норвежцах в шутку говорят, что они рождаются на лыжах. В зимние выходные города становятся безлюдными: все выезжает в горы. В самых живописных местах — достаточно лыжных баз с недорогими и довольно приличным жильем, питанием и лыжами, сдающимися напрокат. Городской транспорт и вагоны железных дорог имеют приспособления для переноски лыж.

Еще в 1861 году в Норвегии было создано национальное спортивное общество. Вся страна разделена на районы, в которых ведут спортивную работу представители этого общества. Имеется много спортивных клубов и трамплинов. Гора Холменколлен — место национальных и мировых соревнований. В первое воскресенье марта — день Холменколлена — большой национальный праздник, на котором непременно присутствует королевская семья. «Бишлет» — прекрасный стадион, известный европейскими и мировыми соревнованиями по конькам.

Н. М. Луньков рассказал, как однажды за городом заинтересовался у норвежской четы, которой было явно далеко за семьдесят, много ли они проходят на лыжах.

— Нет, — сказал норвежец, — старые стали, больше тридцати километров не проходим.

Детей стараются приучить к длительным прогулкам на воздухе. Маленьких без особых церемоний носят в рюкзаках за спиной, а чуть подрастут — ставят на лыжи. Во дворах устраиваются простейшие трамплины, с которых дети прыгают.

К детям в Норвегии вообще спокойное отношение. Над ними не трясется, не охают и не вздыхают. Игрушками стараются не баловать. С малого, раннего возраста внушают, что основная цель жизни — копить деньги. Школьник, собирая и сдавая бутылки, копит на велосипед, юноша, работая, копит на мотороллер, потом на машину и дом. Свой домик и своя машина — потолок жизненного блага.

Относительное материальное благополучие среднего норвежца достигается строгой экономией. Да и не только, пожалуй, среднего.

На заливной солнцем палубе парохода, которым мы спускались из Тронхейма в Берген, наш Саша, симпатичный парень из Ленинграда, студент-заочник, позанимался в моем присутствии с девушкой норвежкой. Парню давно хотелось практически проверить свои познания английского. И лучшего объекта для этого ему, конечно, было не найти; девушка молоденькая, симпатичная в своей застенчивости. Он и она в практическом применении английского оказались достойными друг друга. Немало времени и энергии потребовалось на выяснение вопроса, кто она и куда едет. В поисках нужного слова и «удобоваримом» его произношении Саша мыкал, закатывая к ясному небу глаза, крутил пальцами. Она, отвечая, заливалась приятным румянцем. Наконец, Саша, облегченно выдохнув, сообщил мне:

— Закончила десятый класс. Едет к

родителям на каникулы. Сейчас спрошу, любит ли она путешествовать, где была.

— Путешествовать любит, но не имеет достаточно средств. Была в Бергене и Тронхейме. В Осло не была.

Девушка ехала третьим классом. Скромная одежда и вещи. Все это наводило на мысль, что наша новая знакомая скорее всего дочь рабочего или крестьянина.

Вскоре пароход причалил к небольшой пристани, которую окружили полукольцом десятка полтора разноцветных домиков.

Девушка сказала, что она приехала. Саша, решив до конца быть галантным, взял ее чемодан.

Вернулся наш Саша наконец обескураженным. Зрачки под стеклами очков расширились.

— Знаете, она капиталистка! Свой пароход. Небольшой, правда...

— Ты что-нибудь напутал. С твоим знанием английского это не трудно, Саша.

— Нет, не напутал. Я с матросом говорю. Он здорово знает английский.

Если Саша и не ошибся, ничего не напутал, то по наивности подводил всех капиталистов под общий знаменатель. А ведь капиталист капиталисту рознь. Обладателю одного-двух маленьких пароходиков, чтобы выжить, не быть раздавленным в конкуренции, приходится всячески ловчить, изворачиваться, и, конечно, прибыли такого капиталиста окazyваются не всегда жирными.

Никто из нас не заметил, чтобы основная масса норвежцев щедро расходовала свои трудовые кроны. Чашечка кофе или бутылочка кока-колы — железная норма. Бутылка пива — роскошь. Всякая покупка, пусть даже не очень значительная, совершается с большой осмотрительностью. А если дело доходит до приобретения стиральной машины, холодильника или телевизора, тут действуют по нашей пословице: «Семь раз примерь — один раз отрежь». Супруги зачастую с детьми и родственниками ходят не раз и не два из магазина в ма-

газин, присматриваются, применяются...

Большие надежды возлагаются на распродажу товаров по сниженным ценам. Софья Михайловна сказала нам:

— Увидите в витрине магазина слово «сальг» — это значит распродажа. Иногда вполне приличную вещь можно приобрести в два-три раза дешевле.

В Норвегии несколько типов школ: народные с восьмилетним обучением, гимназии с трехлетним, коммерческие училища, земные сельские школы, в которых ребята учатся только зимой, а летом работают в сельском хозяйстве. Есть специальные четырехлетние, например, лыжные училища. Есть школы для одаренных ребят. В большинстве специальных училищ обучение платное. Знания оцениваются в норвежской школе по шестибальной системе. Самая высокая отметка — единица, плохая — шестерка. Еще в 1860 году Норвегия первая в Европе ввела бесплатное начальное обучение. Бесплатные завтраки для школьников введены впервые в Норвегии.

В стране при населении в 3,7 млн. человек — два университета (Осло и Берген) и несколько других высших учебных заведений, среди которых выделяется высшее техническое училище в Тронхейме. Для поступления в него требуется годичный стаж работы в промышленности. Решается вопрос об открытии еще одного (третьего) университета в Тронхейме.

Гимназии имеют свои эмблемы. Поначалу мы не могли понять, что означает изображение на куртках юношей и девушек кошки или совы. Оказалось — эмблемы школ.

Вступительных экзаменов в высшие учебные заведения не проводится: зачисляют по отметкам, полученным в гимназии. Если желающий поступить в тот или иной институт оказывается больше имеющихся мест, назначаются проходные баллы.

Стипендии выплачиваются только исключительно одаренным студентам. Практикуется выдача государственных

суд, которые возвращаются спустя пять лет после окончания института. Студентам университетов предоставляется свободное право посещения лекций и сдачи экзаменов. Это приводит к появлению «бородатых» студентов, которые учатся по 10—15 лет.

В 1945 году, после окончания войны, мы, ожидая выезда на родину, больше месяца жили в Бергене, ходили свободно по городу. Я не раз встречался с гимназистами, студентами, вел разговоры на литературные темы. Тогда молодежь хорошо знала творчество Льва Толстого («Война и мир»), Достоевского, Горького, Шолохова. И как-то не замечалось выпускной развязности, бравады. Теперь такого в достаточном количестве. Теперь можно встретить девочку 14—15 лет, которая курит и вообще ведет себя в независимо-вызывающем стиле.

У меня создалось мнение, что читают в Норвегии немного. Газеты, как правило, бегло просматривают за утренней чашкой кофе. Для многих Лев Толстой, Достоевский, Горький и Шолохов утонули в потоках бульварной литературы. В любом из киосков и книжных магазинов можно увидеть какой-нибудь из многочисленных романов Агаты Кристи. Немало всякого рода ядовитой «шпионской» литературы. Так, в вокзальной киоске Осло всем нам бросилась в глаза книга с яркой обложкой, на которой изображен браунинг, простреленный фужер, английский флаг и поверженный советский флаг. Мы спросили Софию Михайловну перевести название книги. Она, подумав, сказала, что точно перевести трудно, но смысл такой: шпион, которого никто не хотел.

9 апреля 1940 года старшее поколение норвежцев помнит очень хорошо. Этот день — начало оккупации страны фашистской Германией, начало пятилетнего периода морального унижения народа, физических страданий, многочисленных жертв и самоотверженной борьбы, славного Спротивления фашизму. Казалось бы, этот тяжелый героический период

должен накрепко войти в историю страны, а примеры самоотверженной борьбы с оккупантами — благодатный материал для воспитания молодежи в духе патриотизма, любви к родине, ненависти к фашизму.

Но, как ни странно, опрос показал, что большая часть молодежи не знает, что произошло 9 апреля 1940 года. Думается, такое не случайно. Похоже, некоторым кругам в стране выгодно, чтобы молодежь не помнила о фашистской оккупации. В самом деле, страна прикована к колеснице НАТО. В Осло напротив прекрасного здания городской ратуши со скульптурными изображениями рабочих Пера Сторма, фресками Генриха Сёренсена и Пера Крога развевается звездный флаг американского военного корабля. Норвегия, вопреки интересам народа, настойчиво стучится в двери «общего рынка», газеты пестрят статьями, восхваляющими внешнеполитические действия Израиля, перед зрителями выступает Моше Даян, магазины забиты западногерманскими товарами. Где же тут помнить о фашистской оккупации страны, да и какой смысл, если бывшие враги становятся друзьями!

Вообще, складывается впечатление, что в Норвегии немало делается по усилению политического сознания народа. Усилия радио, прессы и весь уклад жизни направлены к тому, чтобы утвердить народ в мысли: «В нашей маленькой стране ты имеешь работу. Если будешь экономным, бережливым, можешь приобрести свой домик или свою квартиру в кооперативном доме. А если еще потуже затянешь пояс, накопишь на машину. Доживешь до семидесяти — получишь пенсию. Так какое тебе дело до политики и до того, что было и что будет?» Так систематически жизнь сталкивается на рельсы индивидуализма и обывательщины.

После этого не кажется удивительным, что некоторая, пока еще незначительная, часть молодежи бросается в крайности, что, наряду со случаями во-

ровства и ограблений, появляются подражатели известным по нашей печати шведским раггарам, которые нелепой формой одежды и нелепым поведением пытаются как-то возбудить устоявшееся болото бытательской жизни. Кстати, на такие проявления в обществе смотрят без особой тревоги.

Из гимназии в Осло был исключен учащийся за то, что имел слишком экстравагантный вид: волосатый, напомаженный, туфли на высоком каблуке и т. п. Газеты и радио по этому поводу завязали горячую дискуссию. В результате пришли к выводу, что педагоги были неправы. И мотивировали это тем, что у парня, мол, не устоялось еще мировоззрение, а его поспешили исклочить.

Знакомая с подобными фактами, невольно думаешь, как прав был Нурдаль Григ, замечательный писатель-патриот, боец Интернациональной бригады в Испании, когда со сбитого фашистами канадского самолета в последний раз радировал: «После окончания войны неустанно, ежедневно боритесь за мир, потому что в дни, когда вы не боретесь за мир, вы помогаете войне».

...Тронхейм, как и Берген, насчитывает около 120 тысяч жителей. Эти два города соперничают между собой на звание «второго» после столицы. Находясь значительно севернее, Тронхейм — чистый, просторный, красивый, но красота его более строгая, суровая. Холодные даже на вид волны моря, дикие изломы гор с пятнами не растаившего до конца снега. Над городом величаво возвышается Нидоросский храм, построенный в XI веке, знаменитый уникальной резьбой по дереву. Недалеку от этого памятника старинны возвышается над морем грязно-серым паростом, портящим лицо города, база подводных лодок, построенная немецкими фашистами в годы оккупации. При первом же взгляде на этот злополучный, теперь забытый «памятник» мне думается о Бергене. Там точно такая же база: похоже, строились по одному проекту. В годы войны из Бергена, отсюда, из Тронхейма, фашист-

ские разбойники набрасывались на морские караваны союзников, а когда приходилось туго, прятались в огромные железобетонные укрытия.

В Тронхейме, с помощью очень радужного учителя Юхансена, мне удалось побывать в студенческом общежитии высшего технического училища и в кооперативном домике друзей Юхансена, преподавателя народной школы. Здесь, в живой непринужденной беседе мы снова встретились с подоходным налогом. Молодые супруги сказали, что они со своего годового заработка платят тридцать три процента подоходного налога. Естественно, что у нас от удивления округлились глаза. Куда, на какие цели направляются такие большие средства? Нам объяснили, что часть подоходного налога идет на здравоохранение. Супруги в случае болезни уже не платят ни за амбулаторные приемы, ни за стационарное лечение. Другая часть средств, по их словам, поступает в пенсионный фонд.

Позднее случай, произошедший в нашей группе, наглядно убедил всех, что медицинская помощь в Норвегии стоит немалых денег.

Уже при возвращении в Осло мы остановились на два дня в тихом горном поселке Гейло. Погода была солнечной, и ребята ринулись загорать и даже пытались купаться в озерке с ледяной водой. А вечером с Толей, сотрудником вологодской молодежной газеты, стало плохо. Позвонили врачу. Нас первым делом спросили, можем ли мы оплатить вызов. Парня пришлось отправить в больницу, находящуюся за несколько десятков километров. Плата за вызов врача, за транспорт и нахождение Толи в больнице составила такую круглую сумму, что пришлось обращаться за помощью в наше посольство.

III

В Осло в один из первых вечеров нас посетили гости: двое наших ребят из АПН привезли с собой двух норвежцев—

журналиста Ена Нильсена и секретаря Общества норвежско-советской дружбы Пера Линда. Тот и другой довольно хорошо говорят по-русски. Ен Нильсен потом заметил, что русский язык — единственная, пожалуй, польза, которую он извлек из нахождения в Заксенхаузене. Но тут же добавил:

— Это так, в шутку... Еще много я научился там...

Я понял то, что недосказал Ен. Колочая проволока концлагерей обернулась против самих фашистов — монолитному братству, единству и лютой ненависти к врагам научила нас колючая проволока. И надо, чтобы эти чувства не умиряли вместе с людьми, а передавались как эстафета.

Вся наша группа обступила гостей — в небольшом холле не протолкнуться. Но кто-то уже попросил разрешение на освободившуюся к тому времени столовую, и мы, сдвинув в длинный ряд столы, уселись, закурили. Как по шучьему велению появилась «столичная», наша колбаса, сыр... и даже баночка красной икры.

Я сказал, что приехал сюда в основном, чтобы побывать в Бергене. Беда только в том, что за двадцать два года я забыл не только адреса, но и многие фамилии друзей. Помню заместителя командира партизанского отряда Нурвальда Кваля, его сестру Оддрюи и Свена Твед Кнудсена, очень душевного человека, который был художником-рекламистом, но во время оккупации немцы сделали из него бетонщика, и он работал вместе с нами.

Ен Нильсен, корректный, безукоризненно выбритый, в галстучке бабочкой, сказал:

— Постараемся помочь. — И взглянул на Пера Линда.

— Да, непременно... — отозвался тот. — Сегодня же позвоним. Когда вы там будете?

Я сказал, что 13 июня.

— А я ведь бергенец, — как бы между прочим заметил Нильсен. — Там родился, но после войны почти не жил.

*Свена Твед Кнудсена знаю, он работал журналистом. А город вам трудно будет узнать. Многие изменилось. Лаксевог соединили мостом.

Чтобы попасть в Тронхейм, мы пересекли страну в северо-западном направлении. На это потребовалось несколько часов. Утром выехали, а к вечеру были в Тронхейме. Электропоезд до того ретиво рвался вперед, что по вагону было трудно пройти — так и шатало. За большими окнами стремительно мелькали картины чудесной природы: снега на вершинах, вода, чарующие взгляд водопады. Попадались селения с полузатопленными зданиями. Оказывается, от бурного таяния горных снегов здесь было довольно бедственное, но теперь уже потерявшее силу наводнение.

Наши парни напоминают расшалившихся детей: с криками бросаются от одной стороны вагона к другой, без конца щелкают фотоаппаратами. Кто выставит аппарат, а кто щелкает через стекло. Петя Якимов, кинооператор владивостокской студии телевидения, со знанием дела стрекочет кинокамерой.

На склонах гор то там, то здесь виднеются маленькие одиночные домики.

— Это для охотников... — пояснил Софья Михайловна. — У нас немало фанатиков гор. Каждый отпуск проводят в горах. Им больше ничего не надо. Живут вот в таких домиках. Плата очень незначительная. Бьют куропаток, ловят форель, загорают...

Софья Михайловна рассказывает о поэтических преданиях. Дворецфель — горные места, где живут тролли. Их много. Злые великаны, добрые гномы. Етунгайм — сказочные жилища в горах. Норвежцы бережно хранят в памяти сказания об этих мифических существах, передают их от поколения к поколению. Скандинавская литература, музыка несут на себе печать мифологии, которая придает им неповторимый аромат. Бродя по Осло, мы то и дело встречали в витринах магазинов статуэтки троллей: косматая старуха с клюкой и огромной

бородавкой на огромном носу, борода-
тый великая...

Кто-то из ребят читает о тролле, лю-
бившем молчание:

«Жили-были три тролля. Каж-
дый из них жил в своей горе.
Тролля были такие старые, что
поросли мхом. Однажды в горах
что-то зашумело, загремело. «Это
еще что там такое?» — спросил
первый тролль. Прошло сто лет, и
второй тролль ответил: «Это коро-
ва промычала». Прошло еще сто
лет, и тогда третий тролль сказал:
«Если здесь будет так много
балтовни, то я переселюсь в дру-
гое место».

В вагоне хохот.

Справляюсь по карте, скоро ли при-
будем в Лиллигаммер. Об этом небольшо-
м городке я впервые услышал в 1942
году. Маленький молоток (так перево-
дится название города) получил печаль-
ную известность огромным лагерем со-
ветских военнопленных. Почти все воен-
нопленные привозились сначала в Лил-
лигаммер, а оттуда потом рассылались
по другим более мелким многочислен-
ным лагерям всей страны. Лиллигаммер-
ский лагерь «прославился» старшим по-
лицаем по кличке Солнце. Этого двучо-
гого зверя, отдавшего врагам за червяк
баланды и свою мизерную жалкую ду-
шонку, и огромное рыжее тело, я уви-
дел в самом конце войны, увидел мель-
ком, в спину, когда тот, спасая свою
шкуру, трусливо юркнул в немецкий
блок. Но знал я его давно. Знал во всех
подробностях по многочисленным рас-
сказам товарищей. Из тех, кто побывал
в Лиллигаммере, мало кому удалось из-
бежать его дубинки, линков и цветистой
матерщины по адресу всего советского.
Бил и приговаривал: «Будешь, гад, знать,
как сдаваться в плен! Ты шо, хохля, за
мэдом и салом сюда пришел? Вот гоби
мэд, а вот — сало!»

Когда войны для немцев приняла со-
всем уж худой оборот, когда все за-
трещало и поползло по швам, Солнце,

похоже, в надежде, что его не знают,
отприсился в наш лагерь. Но его там
сразу узнали, и он юркнул в немецкий
блок, под крылышко хозяев. А потом
вовсе исчез. После войны ребята высле-
дили его в городе Пойманн и били. Би-
ли смертно. Добить не дали англичане.
Отوبرали и отправили в госпиталь. Если
палач выжил — теперь где-нибудь здесь.
Ен Нильсен и Пер Ланд говорили, что
здесь есть русские невозвращенцы. Да
и наши ребята встретили в трамвае кон-
дуктора, который вдруг заговорил на чи-
стейшем русском языке. Обрадовался,
растерялся, а, придя немного в себя, на-
чал совать им эмигрантскую газетенку
«Русская мысль». Изменив Родине тог-
да, теперь они злобятся, клеветуют. Что
же, им больше ничего не остается... Не
у каждого хватает ума и воли на то,
чтобы все понять и повинно склонить го-
лову...

Поезд умерил бег, а потом и вовсе
остановился. Лиллигаммер. Высовываюсь
в окно, стараясь по каким-нибудь при-
метам отыскать место бывшего лагеря.
Ничего похожего. Выхожу на перрон,
возвращаюсь, говорю Софье Михайловне
о лагере.

— Что вы! Нет, никаких следов не
осталось. Столько времени... Там, гово-
рят, все застроили.

Да, был лагерь и будто не было. Люди
боролись, мучались, гибли и будто не
боролись, не мучались, не гибли... Двад-
цать два года — срок, конечно, нема-
лый. Но только ли время виновато?..

Мысли снова (в какой раз!) обраща-
ются к Бергену. Неужели и там — ни-
каких следов? Скорей бы... Скорей... По
мне в Тронхейм можно бы и не ездить.
Сразу — в Берген. И не два дня, а с
неделю побыть. Не спеша походить, при-
стально вглядываясь в прошлое. Прош-
лое забывать нельзя. Каким бы оно ни
было, его надо помнить. Забудешь про-
шрое — не поймешь глубоко настоя-
щего.

И вот 13 июня. Солнце скатилось за
горы. Море темнеет, окутывается скздой
дымкой, сквозь которую вдали просту-

пают зеленые ходы. Сначала расплывчато, потом все четче и четче. На склонах белеют спичечными коробками дома. Товарщи спрашивают, Берген это или нет, а я сам не знаю. Как ни стараюсь, взгляд не находит ничего знакомого. А корабль, чуждый моему волнению и нетерпению, идет не спеша, плавно разворачивается...

Когда сошли на берег — а глаза бросились очертания одной из гор. Черт возьми! Да это же Флейен! Где-то у подножья был наш лагерь. Я видел эту гору тысячу раз, если не больше. Да, да, без всякого преувеличения! Ведь два с половиной года — это около тысячи дней... Но где, с какой стороны был лагерь?

Едем городом. И опять — ничего знакомого. Не то что совсем, нет, мелькнет что-то и скроется в тумане прошлого. Вот справа внизу между деревьями замелькали белые обелиски кладбища, по-казалось белое здание. Думаю о том, что немецкая «фабрика», на которой делались железобетонные балки-перекрытия, вплотную примыкала к кладбищу. На той «фабрике» я работал больше года, и Свен Твед Кнудсен там работал бетонщиком. Оттуда, с «фабрики», гестаповцы забрали шестерых наших ребят...

Автобус, петляя, уверенно взбирается в гору. Все выше и выше. Останавливаемся в местечке Монтана. До знакомой Флейен, кажется, рукой подать. Пока выгружают чемоданы, подхожу к норвежку и норвежке, которые красят металлическую ограду нового домика. Спрашиваю, где Лаксевог. Норвежец тычет малярной кистью в сторону горы. Говорит, что туда нужно ехать автобусом, семь-восемь километров. Снова осматриваюсь, напрягаю память... Ну да, кажется, так и есть... Внизу — залив, за ним Лаксевог.

Интересуюсь, что здесь было в войну. Норвежец говорит — ничего не было. Стояла земная батарея немцев, а больше ничего не было, чистое поле...

Не спеша спускаюсь вниз. Улицы на склоне, как ступени лестницы, одна над

другой. А город, его центр — в самом низу, на изрезанном фиордами побережье. Полукольцо гор и море, насыщенное теплом Гольфстрима, создают идеальные условия для дождей. Здесь самое мокрое место в Европе. Это я узнал из «Огонька» после войны, а в войну в полной мере испытал на себе бергенские дожди. Они могут лить без остановки неделю, две, три... Недаром о бергенцах говорят, что они рождаются с зонтиками. Если все остальные норвежцы — на лыжах, то они с зонтиками. И вообще бергенцы — это, если можно так выразиться, нация а нации. У них свой диалект, они более экспансивны, более отрывчивы. Бергенцы гордятся тем, что они, бергенцы, называют свой город «Северной Венецией». Этому, пожалуй, способствовала долгая изолированность города от асей страны. Ведь железную дорогу построили каких-то пятьдесят лет назад, а до этого город жил своей обособленной жизнью. Обособленность бергенцев признана. Профессора столичного университета начинают свои лекции стереотипной фразой: «Господа норвежцы и бергенцы!»

— Николай Григорьевич, вас тут спрашивали, — говорит Софья Михайловна, когда в сумерках я возвращаюсь в гостиницу. — Приезжал норвежец... У меня записана его фамилия и телефон... Да, Кэре Грюн его фамилия. Он сказал, что придет завтра в шесть часов, и тогда вы отправитесь в Лаксевог.

Выходит — Ен Нильсен и Пер Линд не подвели. Я и не думал, что подведут, но беспокойство работало само по себе, помимо сознания... А кто Кэре Грюн? Среди моих друзей такого не было.

Назавтра мы побывали на знаменитом рыбном базаре и в не менее знаменитом Аквариуме, в котором, кстати, превосходно прижились стерляди, подаренные несколько лет назад нашей правительственной делегацией. Кто-то из ребят поинтересовался, почему небольшой косячок сельдей за стеклом находится в постоянном круговом движении

против часовой стрелки. Солидный пожилой мужчина в белом халате добрым десятком примеров доказал, что все связано с движением Земли против часовой стрелки, с запада на восток. Потом по большому портрету в одном из залов мы узнали, что столь обстоятельное научное объяснение получили от известного ихтиолога директора Аквариума Ролфсена.

Немалое впечатление осталось от посещения домика-музея Эдварда Грига в Трельгаугене. Домик был построен в 1885 году. Сначала основоположник норвежской национальной музыкальной школы жил здесь только летом, а позже — постоянно. Здесь и умер в 1907 году. Здесь же недалеко от домика в скале — могила Эдварда Грига и его жены актрисы Нины Григ.

Небольшой светлый домик стоит на возвышенности, почти полностью окруженный водою фиордов. Березы и осины поникли над водной гладью. Несколько земляных ступенек ведут к берегу, где у самой воды стоит закрытая беседка — любимое место работы композитора. Здесь под нескончаемый шум бергенских дождей рождались неповторимые мелодии. Устав, Григ здесь же в беседке ложился на узенькую кушетку. Лежал и слушал рождающиеся в душе звуки... Я беру около беседки красноватый камешек, прикладываю к уху, и мне кажется — он источает нежнейшие звуки...

В домике — рояль, накрытый белым шерстяным платком Нины Григ, тем самым платком, который актриса накидывала на плечи при выступлениях на концертах. И старый, кажется, усталый сундук Грига. Он, как верный друг, сопровождал композитора в его многочисленных поездках...

Здесь, в домике, то и дело встречаешь следы наших соотечественников: памятная лента разнородного музыкального кружка, в книге записей — фамилии наших артистов, музыкальных деятелей. Мы оставили музею набор грампластинок Чайковского и Грига.

...Кэре Грюн оказался точным. Этот

сухой, подтянутый норвежец — секретарь бергенского отделения Общества норвежско-советской дружбы. Пожимая мою руку, он говорит:

— Нурвальд Кааль от Слен Твед Кнудсен...

Дальше я не понял, что он сказал. Смотрю на Софию Михайловну.

— Они умерли.

Меня будто в грудь ударили, даже в глазах потемнело. С губ невольнo срывается нелепое в данном случае: «Не может быть».

— Да, умерли. В прошлом году. Вы кем-то не успели...

В растерянности снова думаю о том, что двадцать два года — немалый срок. А война, похоже, не прошла бесследно и для норвежцев.

Едем в Лаксевог. Мост, красиво изогнувшись, перескочил залива, по которому раньше юрко шныряли белые маленькие парходики. Теперь нужда в парходиках отпала, их заменил мост, легкий, стройный, чем-то неудовимым напоминающий след наклонно выпущенной ракеты.

За мостом сразу начинается узнавание. Прошлое астаёт, раздвинув все: новые постройки, деревья, множество цветов.

— Где-то здесь была школа. Ее разбомбили союзники. Погибло много детей.

— Да, да... — подтверждает Грюн. — Вот большое здание. Это новая школа. Она стоит на том месте. А вот памятник жертвам воздушных бомбежек.

Идем несколько минут в молчании. Справа, ввыз, открывается яма — место наших страданий и борьбы, гибели и побед. А теперь — чистое овальное поле, дорожки.

— Кэре, что здесь теперь? Стадион?

— Да, стадион.

Стою в задумчивости. Одна за другой вспоминаются картины лагерной жизни. Вот там были ворота. Около них лежали тела наших товарищей. Их расстреляли за порчу шлангов. Резали для подметок вконец изорвавшейся обувы.

А где дом, из которого нам махала

девушка? Его, кажется, нет? На его месте — другой. Да его перекрасили! Был красным, стал желтым. А вон белый дом. Он стоял над самой проволокой. Его здорово потрепало при одной из бомбежек.

Плывут воспоминания, плывут... И нет им конца...

Тела наших братьев зарывали в болотистой низине далеко за городом. Теперь город, расступившись, обошел кладбище и ушел дальше.

Частокол деревянной оградки, небольшой обелиск, квадратные бетонные плиты среди коротко подстриженной зелени. Обелиск тот самый, который мы двадцать два года назад ставили своими руками. Я написал текст, художник Александр Царев перенес его на ватман, потом отправились в мастерскую по изготовлению памятников. С разрешения хозяина норвежцы-мастера сделали обелиск в неурочное время.

Садим у подножья обелиска розы и гвоздики. Хожу в раздумье среди бетонных плит. Как много знакомых имен. Вот Жорка Тихонов, мой однополчанин. Как он рвался на волю...

Вечером в квартире Кэре Грюна — встреча. Приходит Оддрюн, сестра Нурвальда Кваля. Оддрюн мы хорошо знали во время войны. Работая на строительстве базы, она связывала нас с братом, заместителем командира партизанского отряда, и теперь мы сразу узнали друг друга.

Жена Свена Кнудсена подает мне маленькую фотографию. Я смотрю на нее:

Свен с маленькой дочкой, которая теперь уже замужем, мой товарищ Иван Сучков и еще... Кто же еще?

— Николай, это ты?

— Я?

— Да, да! Ты.

Смотрю еще внимательно. В самом деле, кажется, я. Я двадцать два года назад. С трудом вспоминаю, как сфотографировались дома у Свена и вскоре уехали на родину.

На встречу пришла за шестьдесят километров Мария Эстрем, прозванная «Русской мамой». Мария Эстрем и ее теперь покойный муж — кузнец, много делали во время войны по организации помощи русским военнопленным. Наше правительство наградило супругов орденами Отечественной войны Первой степени. Мария Эстрем написала книгу, которая переиздавалась у нас под названием «Дневник Русской мамы». Мария Эстрем, побывав в Москве, Ленинграде, в Крыму, восторженно говорит о Советском Союзе, о доброте и гостеприимстве наших людей.

Я дарю доброй старушке экземпляр «Море бьетса о скалы», она подписывает мне свой «Дневник».

Встреча заканчивается за полночь.

Назавтра отправляемся на вокзал, чтобы доехать до Осло, а оттуда самолетом — домой. Мария Эстрем провожает нас. Она говорит, что скоро снова приедет в Россию.

1967 г.

Александр ТРЕСКОВ

ОТЛОЖЕННАЯ СВАДЬБА

Я не писатель, а редактор. Этот рассказ я сконструировал из самых добрых побуждений и из чувства вины перед авторами. В литературе существует множество условностей. Иной раз усмотришь редакторским оком оригинальную фразу, а ее надо вычеркивать. Так неужто гибнуть таким фразам?

Чтобы хоть немножко искупить свою редакторскую вину, я и решил написать рассказ из отходов — чужими фразами. Я их позаимствовал из рукописей пяти авторов, любезно предоставивших свои произведения Алтайскому книжному издательству.

Моей творческой фантазии принадлежит лишь несколько предложений (они выделены курсивом). Остальное заимствовано.

1

Утренняя свежесть крадучись пробиралась под накинутое на плечи пальто и беззастенчиво обнимала пышущее еще ночным теплом девичье тело, разгоняя остатки сна. Мотя не ощущала утренней свежести — она вся была далеко-далеко, копалась в своих чувствах к Кузьме. Она могла сказать, что любит его, если бы в самом деле любила.

Подошел дед Угугу.

— Коров пригнал, деда?

— Угу.

Почти полное отсутствие интонации в голосе старика не только настажило, но и удержало девушку от дальнейших расспросов.

Мотя стала дояркой без особого энтузиазма. Но взялся за гуж — не говори, что не уганешь. А коровы уже бежали навстречу тяжелой рысцой, мотая из стороны в сторону набухшими вымями.

— Свиристлялка, — влюбленно бросил вслед Моте дед Угугу, совсем заплывший глаза и, пошевеливая усами, прятаящими за собой его улыбку.

К горлу деда Угугу подступили слезы радости, он тут же спохватился: «Неужели начал стареть, так распустил нервы?»

— Здорово, старина, — рядом с делом Угугу на вавалинку примостил-ся пред колхоза Ухватов. — Об чем телебенькаешь сам с собой?

— Да вон про Мотьку.

— Сиротой осталась, а живет.

— Угу-угу.

— Хорошо, что сено убрали, только вот в бригаде Буденова навалено сверх всякой меры, за неделю не сгребешь.

— Такое дело со всех сторон обтлаумачить надо. — Дед просопел в две норки.

— Доярок, однако, пошлю на покос.

— Только Мотьку не гоняй, пусть по двору какуюсь работу «сполнит.

«Наш дед еще кабызится», — подумал Ухватов, а вслух произнес:

— Забот — полон рот. Надо вот еще выколотить из начальника производственного управления хотя бы пяток породистых баранов.

— Угу.

2

Мотя, сгребавшая сено вместе с бабами, поторопилась навстречу лихо-му всаднику, сверкая лучочными икрами. Встретив Кузю, Мотя сразу заметила его перемену.

— Что стряслось?

— Бык потерялся, — ответил пастух. — Поедем искать, садись по-зади меня.

Сразу же сено у Моти отодвинулось на задний план сознания.

Тропа путаная и не внушает доверия, но она — прямая дорога в березовый колок. Кузя обогнал подводы, скакавшие вскачь.

Топот и разъяренный человеческий сап нависали над степью. Сырой холодный ветер забирался под Кузю комбинезон, мурашил спину. Девуш-

ка цепко держалась за этот комбинезон. А сердце, готовое разорвать Мотину грудь, неслось впереди булочки.

Высоко стояло над степью солнце. Оно явственно стремилось к западу.

Кузя и Мотя остановили булочку у колков. И сразу же обнаружили кровь на траве. Она была не алая, а лиловая, очевидно, вековзчал из области живота. А поодаль врастяжку лежало кем-то заповонное животное.

Мотя схватилась обеими руками за глаза, и сквозь ее пальцы стекали слезы.

— Это не бык, а корова, — сказал Кузя, пряча улыбку в густые ресницы, — и не колхозная, а частная.

— Что ты говоришь! — встрепенулась Мотя. Она по-детски вытянула губы, изображая стук собственного сердца: тук, тук, тук... как паровик на нашей мельнице.

Теперь они стояли друг против друга.

Мотя любила Кузю за его лошадиную работоспособность. Контакт установился молча, через взгляды. И она поцеловала его, как жена целует мужа, испытывая мгновенно растущее желание длить и длить этот поцелуй, растворяясь в нем, мучаясь и ликуя. И Кузя ликовал.

Встрепенулась Мотина жизнь с этого дня, и растаял лед в Мотиной груди.

— А свадьбу все-таки отставим, пока не найдем колхозного быка, — грустно промолвил Кузя. — По радио что ли объявить про него, про быка-то?

ПРИВЕТ СЕМКИНУ!

Автобус был переполнен. Я стоял стиснутый со всех сторон, не в силах шелохнуться. И вдруг взволнованный голос:

— Вася!

Глянул — Минька! Друг детства, лет двадцать не виделись!

Мы заработали локтями. Но продвинуться удалось на полкорпуса. Дальше был сплошной монолит.

— Я около аэровокзала выхожу, — устало сообщил Минька. — Улетаю.

Мы опороченно смотрели друг на друга. Тысяча вопросов вертелось на языке.

— Где живешь-то? — спросил я.

— Там же, в Рубцовске.

— Женат?

— Давно! Ленку помнишь? Так вот, сын у нас уже с меня, в юношеской команде форвардом.

Стоявший рядом пассажир живо осведомился, как зовут форварда? Я досадливо отмахнулся: не мешайтесь в чужой разговор! И только открыл рот, чтоб спросить про нашего общего друга, Витьку-голубятника, как позади меня кто-то солидно пробасил:

— Бывал в Рубцовске! Команда неплохая. Кто сейчас у вас там центр нападения?

— Семкин! — восторженно откликнулся Минька. — Сила, скажу вам! Не зря мастера присвоили.

— Сила, говоришь, а бийчамам ноль два просадили, — насмешливо крикнули с задней площадки.

Минька обиделся. Начал объяснять, что проигрыш Бийску — чистая случайность, что гости хамили. Я поспешил ему на выручку:

— Не слушай ты их, Миня. Мало ли тут кто... Ты скажи, Витьку-то видишь?

— А он что, тоже в рубцовой команде? — осведомился бас.

— Бросьте вы со своей командой! — раздраженно закричал я. — В конце концов, кто друга встретил, вы или я? Спросили, что вас интересовало, и помалкивайте. Моя очередь разговаривать.

— Может, конечно, бийчани и грубили, но как ваш вратарь пропустил два угловых? — Не обращая на меня внимания, спросили Миньку с задней площадки. — Стыдобушка...

— Вот именно, вот именно! — запрыгал у меня под мышкой старичок с «авоськой». — Стыд и срам! Я бы после такого позора на поле постыдился выйти.

— Ишь ты, стыдливый какой! — загорелся Минька. — Попробуй сам прими, когда он в девятку резал. Тренер у нас сменился, а то бы мы...

Ему не дали договорить. Со всех сторон понеслось: «Нечего ссылаться на объективные причины!», «Работать надо!»

Особенно старался старичок. Он попытался даже пробиться к Миньке. Наверное, хотел показать, как надо принимать угловые. Минька тоже рвался к нему.

Я беспомощно крутил головой и уже не требовал, а молил:

— Товарищи, товарищи, ну поймите совесть. Дайте хоть про Витьку спросить...

Но отовсюду несло:

«Защитник был вне игры!», «При второй подаче — вратарь проворонил!», «Нет, братцы, а Семкин-то и у них...»

Автобус же приближался к аэровокзалу.

Огрызаясь на ходу, Минька заторопился к выходу. Мы обменялись прощальным взглядом.

— Ты-то женат? — уже в дверях спохватился Минька.

Я открыл рот, но меня обскакал старичок с авоськой.

— Привет Семкину! — выкрикнул он.

И дверца автобуса захлопнулась.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Алексей ВОЕЙКОВ. Шумят обские плесы. Повесть	3
--	---

СТИХИ ПОЭТОВ ГОРОДА ЛЕНИНА

Людмила ШИПАХИНА. Земля. Женщинам.	70
Елена ВЕЧТОМОВА. «От новых срубов...» «Невеселый друг...»	73
Петр ОИФА. Снова Свирь	75
Александр БАЗДЫРЕВ. Доктор Челленов. Документальный рассказ	76
Павел МАШТАКОВ. Там я сегодня... Кольцо	90

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ГОДЫ

А. КОЗЛОВ. Печатник-подпольщик Федор Ильиных	92
Н. ХИЛЬЧЕНКО. Учительская стачка	97

ПИСАТЕЛИ, ЧИТАТЕЛИ, КНИГИ

Марк ЮДАЛЕВИЧ. Альмагяду «Алтай» — 20 лет.	103
М. ОСИПОВ. Судьбы людские	109
Николай ДВОРЦОВ. Норвегия, двадцать два года спустя. Очерк	116

С УЛЫБКОЙ

Александр ТРЕСКОВ. Отложенная свадьба	130
Александр БЕСФАМИЛОВ. Привет Семкину!	133

Художественный редактор **В. Раменский**
Технический редактор **М. Сафонова**
Корректоры **Э. Махотина, С. Карпова**

Сдано в набор 27. X. 1967 г. Подписано к печати 11. XII. 1967 г.
АГ 06469. Формат 70×84/16. Бумага тип. № 3. Усл. п. л. 9,26.
Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 5000 экз.

Алтайское книжное издательство—Барнаул, Ленина, 76. Заказ № 2450.
Типография № 1 Управления по печати—Барнаул, Л. Толстого, 29.
Цена 40 коп.

40 коп.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru